Маиждра

Революц. движение в Средней Азии

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН242
М257

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ САБ ЦК ВКП(б)

EH24p
M257

Д. И. МАНЖАРА

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1905—1920 гг.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

СРЕДАЗПАРТИЗДАТ
ТАШКЕНТ
1934

ЕН 242
М-257

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Д. И. МАНЖАРА

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1905—1920 г.г.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

СРЕДАЗПАРТИЗДАТ
ТАШКЕНТ
1934

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН242
М257 Р
ИЛ

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
при Ц.К.В.К.П.(б)

БИБЛИОТЕКА
ИМ. 1
Спец. фонд

~~СФ~~
~~24452~~

~~290~~ ~~203206~~
~~35~~
203206

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания написаны, главным образом, на основании некоторых моих личных записей и сохранившихся в моей памяти отдельных эпизодов из деятельности партии большевиков и борьбы рабочего класса в Средней Азии, особенно в Ташкенте, за период с 1905 г. по октябрь 1917 г., а также об отдельных моментах 1918—19—20 годов. Историческими документами, протоколами, постановлениями, резолюциями и т. п., которых, к сожалению, сохранилось мало, я пользовался только частично в порядке проверки излагаемого мною или в целях иллюстрации отдельных моментов.

В своих воспоминаниях я стремился главным образом к тому, чтобы излагать все так, как это фактически было, недопуская никакого прикрашивания. Мы должны показать, как в условиях Средней Азии вырастали и складывались большевистские партийные организации и какие были допущены при этом ошибки и недочеты в принципиальных, политических и организационных вопросах. Освещая героическую революционную борьбу рабочего класса Ташкента и всей Средней Азии, в особенности в период гражданской войны, необходимо отметить и те недочеты, которые имели место в тот период, когда власть перешла в руки советов, дабы тем самым показать, какие трудности приходилось преодолевать коммунистической партии большевиков и передовой части рабочих в Средней Азии для того, чтобы под руководством ЦК ВКП(б) изжить, вытравить остатки великодержавного шовинизма, имевшие место не только среди отдельных групп рабочих, но и среди членов партии и на основе этого *завоевать доверие* широких масс трудящихся основных национальностей, решительно борясь за неуклонное осуществление ленинской национальной политики.

Д. И. Манжара

Д. Манжара

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

С момента окончания строительства Ташкентской железной дороги, т. е. с 1907 года усилился приток русского капитала в Туркестан-колонию. Все больше стали появляться не только крупные капиталисты, но и всякого рода вояжеры, подрядчики, маклера, ростовщики и вообще жулики, которые самым же стоким образом обирали и эксплоатировали трудящееся дехканство. Одновременно в Средней Азии хотя и медленно развивалась местная национальная буржуазия. Трудящиеся массы дехканства находились в постоянном окружении царской полиции и войск и всевозможных проводников колонизаторской политики российского империализма, рекрутировавшихся из пришлого и местного населения.

Развитие сельского хозяйства шло преимущественно по линии хлопководства. Усиливается строительство хлопковых и маслобойных заводов. В 1911-1912 гг. в бывшей Сырдарьинской области сразу было выстроено три хлопкоочистительных завода. Была начата и закончена Ферганская железнодорожная ветка, построенная на средства частных капиталистов. В 1912 году было закончено строительство Голодностепского канала, в результате которого было орошено несколько десятков тысяч гектаров земли под хлопковые культуры.

Но весь ход социально-экономического развития Туркестана вел только к укреплению власти царизма и обогащению колонизаторов и капиталистов в лице братьев Саввы Морозова (известного в свое время российского мануфактуриста), Ивановых, Яушевых, Юсуф-Давыдовых, Шамсутдиновых, Арифходжаевых и к усилению крепостнического закабаления дехканства местному байству-манапству. Сотни крупных баев, манапов, всякого рода родовых и племенных начальников, туркменских, киргизских и др., будучи верными слугами российского военно-федального империализма, все более и более запутывали в крепостнические и ростовщические сети разорявшихся дехкан и скотоводов. В общем российский капитал свил себе в Средней Азии прочное гнездо, опираясь на местного бая-манапа и имея в своем распоряжении тысячи агентов, чиновников и полицейских, которые не только щедро оплачивались капиталистами, но и сами брали еще взятки, занимались вымогательством и грабежом.

Неверными являются утверждения некоторых товарищей, будто все русские рабочие в Средней Азии играли роль агентов русского капитала, были активными проводниками колонизаторской политики царского правительства. Но было бы совершенно неправильно отрицать тот факт, что капиталисты умело превращали иногда не только отдельных пролетариев, но и целые группы и даже отдельные прослойки рабочих в своих бессознательных помощников будь то путем террора, будь то путем поощрения, давая им наградные, повышение по службе и т. п.

Из многих фактов, в связи с этим мне вспоминается следующий случай. Из Украины вместе со мной в Среднюю Азию приехал один товарищ, высококвалифицированный рабочий, который на родине за активное участие в забастовке 1905 г. был уволен из железнодорожных мастерских и сидел в тюрьме. По выходе из тюрьмы в России его не принимали на работу ни на железную дорогу, ни на заводы. Он приехал в Среднюю Азию и поступил в Красновосточные мастерские, но благодаря тому, что в то время были заведены так называемые черные книги, куда заносились все политически неблагонадежные, его и здесь уволили. После этого он стал работать на хлопкоочистительном заводе Яушева (в Ташкенте) вначале слесарем, а потом механиком. Прошел всего лиш один год (а это было в 1912 г.), как этот товарищ — сознательный, передовой рабочий, считавший себя социал-демократом (и он был таковым действительно несколько лет), начинает сначала обиняками или, как мы тогда говорили, „афоризмами“ выражать неверие в возможность дальнейшей борьбы рабочего класса с самодержавием и капиталистами. Впоследствии он не только окончательно отказывается от активной борьбы за рабочее дело и социализм, но и становится верным помощником заводчика Яушева, помогая ему набивать карманы посредством обирания рабочих завода и бедняков-хлопкоробов. За это Яушев щедро платил ему. Кроме высокой заработной платы, он выдавал ему наградные к рождеству, к пасхе и по окончании обработки скупленного хлопка.

Все эти подачки выделялись из прибыли, получаемой заводчиком в результате жестокой эксплоатации рабочих, от обмана дехкан-хлопкосдатчиков. Механику, его помощнику и другим категориям высококвалифицированных рабочих было конечно известно, как обманывали и грабили на заводе хлопкосдатчиков. На их глазах обвешивали дехкан при сдаче ими хлопка, путали сорта, превращали первый сорт хлопка во второй и третий, бракуя первые сорта, в результате чего дехкан уезжал с завода совершенно обобранным, оставшись в долгу у заводчика.

Для того, чтобы не умереть с голоду, дехкан вынужден был брать аванс под урожай хлопка будущего года и в большинстве случаев разорялся окончательно, превращаясь в *бедняка*, причем часть его земли фактически попадала в лапы владельца завода, а другая часть — баю и мулле.

Владельцы хлопкоочистительных заводов также наживали большую сверхприбыль и на заводских рабочих. Их заставляли работать по 14 и больше часов, а платили за это гроши, пользуясь тем, что основная масса рабочих в своем большинстве состояла из коренных национальностей, главным образом из таджиков. Эти рабочие-таджики приходили из Восточной Бухары, нынешнего советского Таджикистана, в Ташкентскую или Ферганскую область.

Шли они пешком по горам и прибывали на заводы к началу их пуска для очистки хлопка, примерно, во второй половине сентября. По заводам они расходились артелями во главе со своими старшими, которые получали проценты как с заводчика, так и с рабочих. Первый давал за то, чтобы старший побольше выжимал пота из рабочих и, действительно, *этот* старший использовывал все средства для *этого*, вплоть до того, что слабосильных и отстающих в работе подгонял плеткой, а ведь таскать и грузить тюки с хлопком — работа нелегкая!

Рабочие же давали проценты из своего и без того мизерного заработка потому, что он, старший, запугивал их, угрожая выгнать с работы. А когда по окончании сезона, т. е., примерно, в начале мая, той же горной тропой они возвращались в свой родной кишлак, к своей семье, чиновники эмирских беков отбирали у них половину заработка в эмирскую казну, как налог.

Но не только в хлопковой промышленности обкрадывали местных рабочих и дехкан. То же самое было и на железной дороге, главным образом, на строительных работах и в службе пути. Тут основными живодерами были: начальник участка, дорожный мастер и старший рабочий.

Какими методами эта тройка извлекала для себя выгоду? Они пользовались тем, что рабочие не знали русского языка, а уж о грамоте, даже на своем родном языке, и говорить не приходилось. Все разговоры велись через переводчика, который за взятки по договоренности с этой тройкой обманывал рабочих. Делалось это просто. Стоимость рабочего дня определялась, примерно, в 50 копеек, из этого расчета составлялись табельные списки. Фактически же платили 30 копеек. Расписка рабочего в получении причитающейся ему суммы была очень проста: ввиду неграмотности, по обычаю, который издавна установился и практикуется даже до сих пор, смазанный чернилами палец рабочий прикладывал к ведомости, не зная, что там написано, а переводчик, он же старший артели, получая взятку, молчал.

Точно такие же методы обмана были и в других отраслях хозяйства.

Была ли возможность организации защиты от такого грабежа? Передовые, сознательные русские рабочие, которые вскрывали все эти махинации, вносили классовое сознание в среду местного пролетариата, требовали тут же на месте устранения обмана. Попытки обращения к высшему начальству через рус-

ских рабочих, по обыкновению, для этих последних кончались печально — их просто выгоняли с работы как крамольников. Жалобы же оставались нерассмотренными, а жалобщики увольнялись с работы. Да иначе и не могло быть — все награбленное делилось на разные части, в зависимости от чина.

Капиталисты пытались экономически заинтересовать верхушку русских рабочих в колониальной эксплоатации местного трудящегося населения. Когда началась постройка Ферганской железнодорожной ветки, а строилась она на деньги частных капиталистов, предпринимателями была группа инженеров с участием хозяев хлопковых заводов, ими было сделано предложение рабочим Ташкентских главных мастерских Среднеазиатской железной дороги (ныне Красновосточный завод) купить акции. Я хорошо помню, как по нашему паровозосборочному цеху носился с подписным листом начальник цеха и предлагал покупать акции стоимостью в 25, 50, 100 рублей и выше.

Когда некоторые из рабочих стали говорить, что никакой пользы от этого не будет, то он с пеной у рта стал подсчитывать, какую прибыль будет получать дорога от перевозки грузов и какую сумму денег в год получит каждый, взявший несколько акций. Он рисовал картину, что лет через пять, купивший акции станет если не капиталистом, то во всяком случае богатым человеком. При этом он ловко связывал это с развитием хлопководства в Ферганской долине, с постройкой новых хлопкоочистительных заводов при участии акционеров Ферганской железной дороги и доказывал, что прибыль от хлопка еще больше увеличит капиталы.

Нужно сказать что около 50 человек купило акции. Правда в этом числе были и начальники цехов, и мастера-бригадиры, но были также и рядовые рабочие. Всего по бывш. Туркестанскому краю, считая не только железнодорожников, но и других, набралось изрядное количество таких рабочих.

Примерно, в это же время, когда начала строиться Ферганская железная дорога, было закончено строительство и Голодностепского ирригационного канала. Казалось бы, что землю по праву должно было получить безземельное местное коренное, население: батраки и бедняки, которых насчитывалось в крае, в частности в Узбекистане, сотни тысяч. Сделано было как раз обратное. Эта вновь орошенная земля была разобрана крупными арендаторами (русскими и узбеками) в количестве около восьми человек (Сурков, Вишневецкий, Лопатин, Моргуненко, Гидабай, Раджапов, Рахимбаев). Вот на этих арендаторов и работало узбекское и казакское батрачество и беднота, а также чайрикеры, населяющие этот район. Кроме того, часть земли была заселена русским крестьянством, получившим надел от 10 до 12 десятин.

Но этого мало. Оказывается, русских крестьян и баев нехватало для того, чтобы заселить все количество орошенной земли.

Однажды в мастерских появляется об'явление за подписью Туркестанского управления землеустройства и земледелия, в котором предлагалось желающим получить землю в Голодной степи, для чего нужно было только подать заявление в управление земледелия. При этом в об'явлении указывалось, на каких условиях можно получить землю. Давались следующие льготы: на постройку усадьбы, а также на приобретение сельхозинвентаря отпускалась долгосрочная ссуда. Как на это реагировали рабочие мастерских? Конечно, отрицательно. Но все же нашлось до 50 человек желающих получить землю, причем большинство из них были высококвалифицированные рабочие. Потом, правда, почти половина из них от земли отказалась.

Интересно то, что, когда спрашивали их, почему они хотят уходить с производства, то обыкновенно почти все они отвечали: „Здесь я буду вечно работать и гнуть спину перед начальством. То ли дело—возьму землю, построю домишко, заведу лошадку, коров, баранов и буду сам себе хозяин".

Но были и ярко выраженные колонизаторские ответы. Как известно, нарезали землю по 10 десятин на хозяйство и выше. Когда мы интересовались как они будут справляться с обработкой, так как своими руками они не сумеют обработать всю землю, тем более, что никогда сельским хозяйством и в особенности посевами хлопка не занимались, то ответ был обычно такой: „Ничего, справимся. Поднаймем сартишек, они вспашут, посеют, соберут. Была бы голова на плечах". Или такие ответы: „Жену с детьми отправлю в поселок, буду нанимать батраков или сдавать чайрикерам".

В действительности так и было. Когда получили землю, то некоторые уволились с работы и уехали, а некоторые, взяв землю, обрабатывали ее посредством найма батраков или же сдавали чайрикерам. Со стороны администрации мастерских таким „земледельцам" допускались поощрения, заключавшиеся в том, что им разрешался отпуск на два-три дня в месяц. Кроме того, до Голодной степи пассажирским поездом было только 2—3 часа езды и поэтому в субботу, кончая работу на два часа раньше эти рабочие уезжали на свои участки. Если случалось, что в понедельник кто-нибудь запаздывал на час, или два (а это бывало почти всегда), то за это не только не штрафовали, но даже не производили вычета из заработной платы. В то же время у других рабочих, если кто опаздывал на час производили вычет в размере дневного заработка, а если это повторялось два-три раза в месяц, то просто увольняли.

Говоря о других отраслях сельского хозяйства, надо отметить садоводство и огородничество, которые в 1908—1909 гг. начали сильно развиваться. В данном случае я имею в виду крупное садоводство и огородничество промышленного значения Так, например, по направлению Никольского и Троицкого поселков большую площадь занимали фруктовые сады известно-

го богача Курилова, площадью до 80 га, полковницы Држенецкой—около 40 га и т. д. В сторону ст. Кауфманской сады генерала Алексеева занимали до 50 га. А всего вокруг одного только Ташкента захвачено было поливных земель и разведено садов промышленного значения около 3—4 тыс. га. На этом деле наживали большие деньги, потому что рабочая сила была дешевая, а все продукты вывозились в российские города, главным образом, в Петербург и Москву и частично в Сибирь.

Из животноводческих районов вывозили преимущественно баранов, а также шерсть и кожу. Все это забиралось за бесценок.

Наконец, другие виды промышленности: добыча угля, нефти и разных руд, например, меди, свинца, серы. Хотя буржуазии и было известно, что все эти богатства имеются в Туркестанском крае, но она предпочитала создавать из Туркестанского края сырьевую базу для русской промышленности и не развивать индустрию в колонии.

В 1905 году в Средней Азии насчитывалось рабочих, принимая во внимание их основной костяк: железнодорожники, металлисты, горнорабочие, печатники, рабочие хлопкоочистительных и маслобойных заводов, исключая сезонных рабочих, рабочих мелких ремесленно-кустарных предприятий, тысяч пятнадцать.

Накануне войны в городских предприятиях, по данным Зоорской и Александер, промышленный пролетариат, кроме мелких ремесленно-кустарных предприятий, строительных и железнодорожных рабочих, распределялся по национальному признаку следующим образом: [1]

Национальность	Число	% к итогу
Русские	4774	22,8
Узбеки	12702	60,7
Киргизы	944	4,5
Таджики	1142	5,5
Кашгарцы и др. пришлые	1363	6,5
	20925	**100**

К общему итогу необходимо прибавить около 20—25 тысяч человек железнодорожных рабочих, несколько десятков тысяч рабочих, занятых на ирригационных строительных работах и в сельском хозяйстве Туркестана. Значительная часть рабочих этих категорий была из местных национальностей.

Национальный пролетариат в основном использовывался как простая чернорабочая сила. Так, например, при двигателях русских было 79%, остальные были националы.

[1] Цит. по В. Лаврентьеву «Капитализм в Туркестане», ст. 136.

Наиболее показателен в этом отношении национальный состав рабочих хлопкоочистительной промышленности: [1]

Категории рабочих	Русские		Кор. нац.		Всего	
	Челов.	В %	Челов.	в %	Челов.	в %
Всего рабочих . . .	516	6,8	7110	93,2	7626	100
В том числе при двигателях . . .	444	88,8	64	11,2	508	100

Как производился в первое время набор рабочих в крае? Часть рабочих, в особенности квалифицированных, вербовалась из солдат, окончивших военную службу. Другая часть рабочих либо приезжали сами, либо их набирали подрядчики в России, в особенности на строительные работы. Позже квалифицированные рабочие стали выделяться из чернорабочих, которые, длительное время работали на заводах и в мастерских под руководством квалифицированных рабочих, постепенно приучались владеть инструментом, приобретали квалификацию, сдавали пробу или просто переводились в помощники слесаря, в молотобойцы, в кузнецы, в подручные котельщиков, в помощники машиниста на паровозы и т. п. В особенности это практиковалось на железной дороге, в депо, в мастерских, главным образом, по ремонту вагонов. Таких рабочих было процентов 15. Количество их особенно увеличилось в период империалистической войны.

Такова, примерно, самая краткая характеристика состава рабочих периода 1905—1917 гг.

Некоторые таварищи пытались утверждать, что рабочие, попавшие в Среднюю Азию, были или высланные за всякого рода уголовные преступления, или же ехавшие сюда специально для наживы. Такие утверждения совершенно неверны. Действительно, в Среднюю Азию попадали отчасти и такие, которые думали нажиться и из рабочего стать мелким буржуа, из эксплоатируемого стать эксплоататором. Но я решительно отвергаю мнение, что *все* русские рабочие, прибывшие в Среднюю Азию в дореволюционный период, состояли из деклассированного элемента.

Сотни фактов говорят о том, что в Среднюю Азию много рабочих было выслано в административном порядке за „непокорство" начальству, активное участие в забастовке и т. д. Указанная группа рабочих особенно стала увеличиваться после 1905—1906 гг. Кроме того, начавшиеся в России после 1905 года, в годы сильной безработицы, массовые увольнения с заводов и железных дорог—заставляли многих рабочих в поисках средств к существованию собрать последние копейки, продать все, что

[1] Там же, стр. 138

было из домашних вещей, и двигаться в далекие края, в частности в Среднюю Азию.

По мере расширения железнодорожного строительства, хлопковой, маслобойной и других отраслей промышленности, а также роста подсобных предприятий, хотя бы и кустарного типа, увеличивался количественно и рабочий класс.

Часто говорят, что рабочие, жившие в Средней Азии, находились в более привилегированном положении, чем рабочие, работавшие на заводах, фабриках, железных дорогах центральной России, что здесь проводилась политика поощрения. Мне кажется, что в этот вопрос нужно внести ясность. В чем выражались привилегии? Возьму в пример себя самого: я поступил в Красновосточные мастерские в 1909 году, поденный оклад был определен в 1 руб. 44 коп. в день (это теперешний 7 разряд). Работая сдельно, я зарабатывал 60 р. в месяц. Столько же зарабатывал в такого же типа мастерских и в России.

В основном и оборотном депо заработок был ниже, чем в главных мастерских, но такой же, как и на российских дорогах. Рабочий день был 9-часовой, как в России, за исключением трехлетних месяцев, когда рабочий день равнялся 8 часам, да и то это было введено после забастовки 1905 г.

Прием детей рабочих в учебные заведения как-то: реальное училище, гимназию, в железнодорожные технические школы был недоступен по двум причинам—плата за ученье была настолько велика, что платить рабочему было не под силу, а если бы рабочий и мог оплатить, то все равно заявили бы, что нет мест. Были такие „счастливцы"—это бригадиры, находившиеся на особом счету у начальства, которые по особому представлению последнего могли учить своих детей. Детей же рабочих, которые учились бы в этих заведениях, не было.

Но все же привилегии были. В чем же они выражались? Мы считаем нужным разделить этот вопрос на две части. Прежде всего надо сказать была ли разница в положении русского рабочего в центре России и русского рабочего в Туркестане. Как я уже говорил, разницы в зарплате соответствующих квалификаций не существовало, но меньшая безработица, возможность получения лучшей работы, нежели в центре, надежда на скорый перевод в более высокий разряд — вот те главнейшие причины, которые создавали известную тягу рабочих в Туркестан и ставили их в относительно лучшее положение, чем в метрополии. В то время, как русский рабочий, проработав три-четыре года, переводился в квалифицированную группу — узбек, туркмен или киргиз, проработав 20 лет все еще оставался чернорабочим.

Вторая часть вопроса — это разница, которая существовала в положении русского и местного рабочего. Тут несомненно были привилегии. Выражались они в следующем: местный рабочий, как правило, это — чернорабочий и перевод его в более высокие разряды не практиковался. Средние командные посты

внутри производства занимал русский рабочий. Сокращение зарплаты, увеличение рабочего дня, увольнения с работы, наконец, факты простого обмана касались в первую голову пролетария из местного населения. Издевательства, поругивание, злые насмешки, безнаказанные преступления, все это имело место в отношении местного рабочего.

Русский империализм воспитывал пришедшего сюда рабочего в духе „лучшей, высшей нации" по отношению к коренникам. Разжигая национальную рознь, русская буржуазия ставила туркестанского коренника в положение негра и соответственно этому она ставила русского рабочего в положение представителя „цивилизованного" народа.

В главные мастерские рабочие из коренных местных национальностей почти не принимались, а квалифицированных рабочих из местных национальностей не было вовсе.

Почему это было нужно буржуазии? Делалось все это для того, чтобы рабочих одной национальности воспитывать в духе и ненависти к другой национальности. Буржуазия пыталась посредством разжигания национальной розни отвести удар против себя и тем самым ослабить классовую борьбу рабочих.

Местную бедноту не брали даже в качестве чернорабочих. Буржуазия прекрасно понимала, что как бы она ни натравливала одну национальность на другую в конце концов рабочие всегда могут найти общий язык, всегда будут бороться вместе за свои конечные цели, как это и было в борьбе за пролетарскую революцию. В этом случае националы-рабочие — узбеки, туркмены или киргизы будут влиять на широкие массы дехканства, а отсюда для буржуазии будет больше хлопот и опасности.

В своих воспоминаниях я часто говорю о Красновосточных и Первомайских мастерских, потому что я сам работал там и со всеми этими фактами непосредственно сталкивался. Но все эти факты почти целиком, может быть в большей даже мере, имели место и на других предприятиях Средней Азии в дореволюционный период.

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1905—1912 гг. В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Мы все знаем, что задолго до 1905 г. российский пролетариат вел на фабриках и заводах революционную борьбу, что в отдельных местах вспыхивали крестьянские восстания, направленные против помещиков. Мы знаем, что в огне этого революционного движения в 1903 г. выковалась социал-демократическая рабочая партия большевиков, которую создал В. И. Ленин.

Революционная борьба российских рабочих докатилась и до Средней Азии. В конце 1903 г. и в начале 1904 г. образуются первые кружки социал-демократической рабочей партии в Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде и др. городах. Большинство этих кружков состояло из рабочих железнодорожных мастерских и других предприятий. Появляется партийная литература, прокламации, издаются газеты.

С наступлением 1905 г. по всей России началось забастовочное движение, прокатившееся мощной волной по фабрикам, заводам и на железной дороге. От экономических требований рабочие переходят к выставлению требований политического характера. Присоединились ли рабочие Средней Азии к тому мощному революционному пролетарскому движению, которое развернулось в России, или же они были настолько довольны капиталистами, колонизаторами и самодержавным правительством, что не произнесли ни одного звука протеста?

Рабочие Средней Азии, как один из отрядов пролетариата, заброшенный на далекую окраину, несмотря на свою малочисленность, вместе со всем пролетариатом России, выступают активно в борьбе за 8-часовой рабочий день, за Учредительное собрание.

19 октября 1905 г. в Ташкенте состоялась мощная рабочая демонстрация, написавшая на своих знаменах эти лозунги. По приказу генерал-губернатора казаки разгоняют рабочую демонстрацию, причем были убитые и раненые. Борьба рабочих не ограничилась только одной этой демонстрацией и продолжалась организованно и последовательно вплоть до того, что администрации пришлось издать приказ о закрытии Ташкентских главных мастерских и уволить всех рабочих, дабы таким путем заставить их работать, так как это было выгодно хозяевам.

То же самое происходит в Кизыларватских мастерских, в Ашхабаде, в Самарканде, в Перовске (ныне Кзыл-Орда) и в ряде других городов. По всей линии железной дороги не было ни одного депо и мастерских, где бы рабочие не выступали с теми или иными требованиями, вплоть до об'явления стачки.

Но не только рабочие выступали в 1905 г. Были отдельные выступления воинских частей.

Могучим ударом революционной борьбы среднеазиатский и особенно ташкентский пролетариат разбудил солдатскую массу местных гарнизонов. В 1905 г. произошли крупные волнения среди нижних чинов ТВО, особенно значительным событием было восстание в Ташкентской крепости 15 ноября 1905 г.

В наступившие годы реакции среднеазиатский пролетариат и шедшие за ним революционные части солдат продолжали вести упорную борьбу с самодержавным строем. 1906 год был годом, когда по многим городам прошли крупные волнения, а во многих местах и восстания солдат. Восстание в Ташкентской крепости, как первое в Туркестанском крае, оставило после себя неизгладимый след в массах. Поэтому вынесение сурового приговора, по которому 6 человек отправлялось в бессрочную каторгу, а 59 человек были приговорены к разным срокам заключения, вызвало бурю негодования в массах, а революционные организации: профессиональные и партийные развернули энергичную работу, мобилизуя внимание масс к событиям текущего дня и подготовляя их к новой борьбе, к новым формам организации революционных сил.

Приговор был вынесен 10 мая. Осужденные нижние чины, получая непрерывно поддержку со стороны революционных организаций, видя и чувствуя поддержку широких пролетарских масс города, продолжали и в тюрьме вести всеми возможными способами борьбу против тюремного режима, заключений и т. д.

К этому времени в Ташкенте местная большевистская группа имела в своем составе таких большевиков, как тт. Морозов, Худаш и др. Железнодорожные и профессиональные организации находились или под их руководством, или под их влиянием.

Подпольная военно-революционная организация местного гарнизона в своем составе также имела хорошие партийные силы. Регулярно издавались листки, прокламации, созывались сходки, массовки и прочее.

Ташкентский пролетариат, а вместе с ним пролетариат крупнейших городов, депо и мастерских, совместно с гарнизонами и особенно железнодорожными батальонами, саперами, готовили вооруженное восстание.

3 июля 1906 г. в этой обстановке произошли события, которые оставили после себя глубокий след во всем революционном движении Ташкента и Средней Азии.

В этот день около двух часов дня на станцию под усиленным конвоем в 75 человек казаков и конвойной команды было

доставлено 18 осужденных солдат резервного батальона. Ташкентский пролетариат Красновосточных и Первомайских мастерских не мог отнестись к этому событию спокойно. Отправляли на каторгу их же товарищей солдат, которые 15 ноября 1905 г. подняли восстание в Ташкентской крепости. Это была маленькая горсточка лиц из великой революционной армии эпохи 1905 г. Поэтому, ташкентский пролетариат демонстрировал открыто перед всем самодержавным строем, перед его сатрапами в Туркестанском крае свою полную и беззаветную пролетарскую солидарность с осужденными товарищами. Рабочие заняли станционное помещение, пути, окружили вокзал и т. д.

Осужденные товарищи на станции заявили, что после 3-дневной голодовки, после каторжного режима в тюрьме они не зайдут в вагон и не отправятся до тех пор пока им не будет дана пища. Перепуганные царские чиновники, не ожидавшие демонстрации со стороны ташкентского пролетариата, испуганные новым неожиданным сопротивлением осужденных товарищей, быстро пошли на уступки и согласились дать обед. На станцию из буфета были вынесены столы и была подана горячая пища.

В небывалой обстановке, когда звенели кандалы, когда на глазах у ташкентского пролетариата, окруженные щитом штыков и блестевшими казацкими клинками, обедали осужденные. Это зрелище производило потрясающее впечатление на массы. Рабочие твердо решили вагон с арестованными со станции не пускать. На рельсы перед паровозом были брошены шпалы. Поезд двигаться не мог. Едва конвойная команда и казаки с большим трудом могли убрать шпалы, рельсы и пр. в одном месте, как они тут же грудой появлялись в другом и поезд с большим трудом мог пройти еще несколько метров вперед.

Наконец самоотверженность ташкентских рабочих дошла до невиданных размеров. На путях перед движущимся поездом становились целые группы рабочих, готовых пожертвовать своей личной жизнью, но арестованных задержать и оставить в Ташкенте. Никакие уговоры, никакие меры не могли заставить отказаться ташкентских товарищей от защиты осужденных солдат.

Царская администрация немедленно вызвала усиленные наряды войск. Прибыла сотня казаков 5-го Оренбургского казачьего полка, которая тут же стала по обеим сторонам арестантского вагона, готовая в любой момент расстрелять всю массу безоружных рабочих Ташкента. Солдаты 3-го Туркестанского стрелкового батальона заняли территорию в районе склада т-ва Нобеля.

Обстановка накалялась, ежеминутно можно было ожидать со стороны охранников и шпионов провокации, которая послужила бы толчком к кровавой бойне, подготавливаемой военными властями.

Тов. Морозов выступил перед массой и в горячей речи убеждал рабочих на время отступить, не дать провокаторам и палачам расстрелять себя. Отступить с тем, чтобы организоваться, вооружиться, и затем уже в полной боевой готовности, с

оружием в руках, не щадя никого, уничтожить царский строй. После этого рабочие отступили, арестованные были увезены. Войска также были уведены в казармы.

Но в то время, когда разыгрывалась героическая самоотверженная борьба ташкентских рабочих, в саперные лагери, находившиеся в 5 — 6 верстах от вокзала, по некоторым сведениям, приехал на велосипеде рабочий Волков и сообщил членам военно-революционной организации сапер о событиях, происходивших на станции. По призыву своих товарищей саперы из Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов бросились к пирамидам, разобрали винтовки, захватили патроны, выстроились и под командой своих товарищей бросились на станцию освобождать арестованных товарищей.

Получив эти сведения, царские власти немедленно вновь вызвали войска, оцепили вокзальный район, который должны были занять саперы, устроили засаду, выставили пулеметы и ждали восставших. Против сапер были выставлены 5-й Оренбургский казачий полк, 3 и 4 стрелковые батальоны с пулеметами. В 8-м часу вечера саперы подошли к территории станции, где были встречены огнем.

Восстание было подавлено. Убит был один сапер, 15 ранено. Со стороны царских войск было ранено 4 солдата, контужен офицер и случайно оказались ранены двое рабочих.

За участие в восстании было приговорено 5 человек на каторгу без срока, и 44 человека от 2-недельного ареста до 12 лет каторги.

После открытого, организованного и массового выступления рабочих в 1905—1907 гг., которое было подавлено с помощью штыков, все партийные организации вынуждены были уйти в еще более глубокое подполье, а ряд профсоюзов перешел на нелегальное положение. За период с 1905 по 1909 г. сотни лучших организаторов и активистов революционного рабочего движения были сосланы на каторгу и на поселение в Сибирь. Многие были уволены, административно высланы, или сидели в тюрьмах. Если не ошибаюсь, в августе 1909 г. во время последних арестов, произведенных в Красновосточных и Первомайских мастерских, число арестованных доходило до 40 человек. Правда, месяца через два половину из них выпустили, но остальных судили и выслали в ссылку и на поселение.

Были ли тогда в Средней Азии большевики? К сожалению, никто из старых товарищей, работавших в то время в Средней Азии не может ясно ответить на этот вопрос. Но известно, что тогда были активные большевики: Морозов, работавший в Самарканде, Быховский, Худаш—в Ташкенте. Из рассказов товарищей видно, что Быховский выступал с рефератами по программным вопросам, и, проработав в Ташкенте около года, организовал большевистскую ячейку, через которую и проводилась партийная работа. Отсюда следует, что еще тогда в Ташкенте была фракция большевиков, но сказать точно, сколько было

203206
203206
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

членов партии и сколько из них было рабочих, очень трудно. То же самое мы имеем и в Самарканде, где работал Морозов, а также в других местах.

Имеются и другие источники, говорящие о том, что существовали большевистские группы. Таким источником являются нелегальные социал-демократические газеты в Туркестане в период первой русской революции.

Издавались следующие газеты: рабочий и солдатский листок „Правда", рабочий листок „Молот". Две из них были безусловно большевистского направления (рабочий и солдатский листок „Правда").

В подтверждение, что это было так, привожу следующие выдержки из статей, помещенных в 1905 и 1906 гг. в № 1 рабочего листка.

«О ГЕГЕМОНИИ ПРОЛЕТАРИАТА»

1) «Отныне в лице могучего пролетариата революция нашла своего истинного носителя. Отныне пролетариат путем революции идет к демократической республике».

«Тяжела ты солдатская доля».

2) «Товарищи солдаты! Душная, тесная клетка, именуемая старой Россией уже дала трещину от напора народных масс. Победоносное шествие российского рабочего класса ничто не может остановить и задержать».

3) Есть у нас страшный, грозный враг, внутренний враг. Этот враг— богатеи-капиталисты.

«Кого же защищает солдат? Защищает он тех, на кого направлен гнев народный, защищает врагов рабоче-крестьянского люда. Богачей, фабрикантов, заводчиков, помещиков—всю эту свору грабителей, живущих потом и кровью рабочих».

Писали эти две газеты и по крестьянскому вопросу.

В письме от матроса к солдату:

«Солдат! Послушай! На четыре долгих года ты оторван от близких родных, от тех, кто дорог твоему сердцу, кто вскормил, вспоил и вырастил тебя. На четыре долгих года ты оторван от родного села, родных полей, лугов, лесов и рек».

«Солдат, идя на царскую службу — ты оставил старушку мать, хатенку, лошаденку, коровенку, крохотный огородик, клочек земли, да может быть и невесту».

«Лошаденку твою, — читаем далее в письме, — продали за подати. Огородик твой и землицы жалкий клочек поросли сорной травой».

В № 5 „Правды" имеется письмо от отца крестьянина к сыну солдату, где говорится:

«Все разорились в разор и что будем делать, как будем жить, ничего неизвестно».

«И еще слышно нам, что ваш полк посылали на усмирение и вы отличились и начальство вас похвалило и наградило. Ежели это так, то... нет тебе на это моего родительского благословления, и ежели ты также проливал невинную кровь и получил в награду за это отличие — знай, что ты мне больше не сын, а проклятый убиец».

---

*) Выдержки взяты мною из статьи напечатанной в сборнике № 1 «Революция в Средней Азии».

Национальный вопрос также нашел свое отражение в этих газетах. В программной статье „чего хотят рабочие" мы находим следующее. Привожу выдержки:

«Мы, социал-демократы, должны требовать, чтобы в республике каждая нация имела право определить свою судьбу, т. е. желает ли она оставаться в государственном союзе с другими, и если нет, чтобы могла выделиться (А. Р.) из государства».

«Итак, рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права самоопределения, т. е. определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской республике».

Солдатский листок „Правда" указывает, что с.-д. не должны смешивать двух вопросов:

а) признания права на отделение и б) целесообразности такого отделения.

«Мы не берем на себя, — говорится дальше в цитированной статье, — обязательства пропагандировать среди пролетариев всех наций требование отделения в федеративной или иной форме. Мы против насилия над волей нации, но мы же стоим на добровольное единение пролетариата всех национальностей, обитающих в России».

«Грабя и угнетая русский народ, правительство в то же самое время особенно сильно теснит поляков, литовцев, финдляндцев, евреев, грузин, армян и др. инородцев».

«Интересы рабочих всех наций одинаковы: рабочие русские, финдляндские, польские и еврейские несравненно ближе друг к другу по своим интересам, чем рабочий русский к русским капиталистам».

«Конференции, — читаем мы в информационном сообщении, — пришлось относительно дольше остановиться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особое внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию как словесную, так и путем листков, а также и пропаганду, разумеется, где найдутся подходящие к тому условия».

Или возьмем следующий вопрос:
это отношение к государственной Думе.

«Нынешняя государственная дума, — читаем мы на страницах этой газеты, — данная царем ввиду требований всего народа, дает избирательное право только небольшой, наиболее богатой части народа, потому не может быть защитницей народа. Кроме того она в сущности не имеет ни каких прав. Поэтому, следует отвергнуть государственную думу... и требовать созыва учредительного собрания».

Также и по военному вопросу мы находим отражение в той же газете солдатский листок „Правды".

«Когда тебя еще раз пошлют убивать беззащитных рабочих и крестьян, прикажут тебе твои начальники стрелять в них, иди к рабочим и скажи им: «я с вами, товарищи, я за вас, за свободу, за братство (А. Р.), за равенство, за правду и бей, бей с ними вместе врагов народа, врагов свободы, бей начальников, бей губернаторов, князей, бей царя, бей всех паразитов, бей всех вешателей, душителей проклятых и ты увидишь, к к тебе будут благодарны рабочие».

«Солдаты, народ теперь доведен до отчаяния и скоро возьмется за оружие. Вы имеете оружие, приобретенное на народные деньги, это оружие принадлежит не генералам, не офицерам, а народу, отдайте же народу его оружие».

«С них (потемкинцев) берите пример, солдаты всех частей русской армии.

«Стреляйте в убийц-командиров».

«Смерть палачам-убийцам».

По организационному вопросу:

«Организационные взгляды «Искры» об'единенной социал-демократической рабочей партии дали прекрасные результаты. Армянские, грузинские и русские рабочие, об'единенные нашей партией, выступили так дружно против провокаторской политики царизма, что этот последний бросил надежду таким именно путем осуществить свои коварные замыслы».

И так, мы видим, что революционное рабочее движение в Средней Азии начало зарождаться в 1903 г. и рабочие, как часть всего российского пролетариата, организованно выступили в 1905 г. против самодержавия, против капиталистов с лозунгами увеличения заработной платы, 8-часового рабочего дня и Учредительного собрания.

И в последующие годы, уйдя в подполье, они не прекращали борьбы пока охранка со своей сворой чиновников, жандармов и провокаторов не вырвала из рядов рабочих лучших активистов и организаторов, борцов за рабочее дело, за социализм. Оставшейся части пришлось уйти в глубокое подполье для того, чтобы накопить силы и со всей решительностью пойти в последний бой.

На этом этапе борьбы главным недостатком было то, что развивавшаяся революционная борьба была изолирована от миллионной бедноты и батрачества угнетенных народностей Туркестана. В 1909 г. Ташкентская парторганизация была разгромлена охранкой. Большинство передовых работников было арестовано и выслано. Провокатором, служившим в охранке, оказался, как это выяснилось только в 1926 г., рабочий Красновосточных мастерских, некто Остроушко, за что, как провокатор, судился пролетарским судом и был расстрелян. Он выдал товарищей не только в Ташкенте и Самарканде, но и в других городах. Таким образом, по всей Средней Азии, где только существовали парторганизации, были произведены аресты, высылки или просто увольнения, как политически неблагонадежных. Но несмотря на все это, охранке не удалось выловить всех. Осталась группа товарищей, которая в 1917 году стала во главе февральского переворота и явилась организатором партийных и профсоюзных организаций.

Я поступил в Красновосточные мастерские в сентябре 1909 г. и начал прислушиваться, что говорят, каково настроение рабочих. Общее настроение было подавленное, ибо происшедшие всего какую-нибудь неделю тому назад аресты сильно повлияли на рабочих. Пришлось выяснять персонально, ведя разговоры на темы о заработной плате, расценках, по вопросам государственной думы и произносимых там речей. Так, например, месяца через два удалось установить, что имеется ряд товарищей-активистов, передовых рабочих: в паровозном цехе были: тт. Гололобов, Ряховский, Баталов, Колесников, Груубе, Шумилов, Ряховский А., Александров, Лопатин, Макарычев, Похидченко, Ряховский П., Фокин М., Святчев, Леверов, Борисен-

ко и Гурин. Эти товарищи всегда проявляли активност вокруг таких вопросов, как организация кассы взаимопомощи, работа библиотеки и вербовка ее членов, борьба за расценки, читка газет в обеденный перерыв, причем, обычно, читались речи, произносившиеся членами государственной думы. У меня тогда сложилось мнение, что это была группа активных товарищей, состоявших в свое время в партии. И я в этом не ошибся.

Но наиболее крепкий кружок из строго подобранных товарищей удалось тогда организовать Н. В. Шумилову. В этот кружок входили следующие лица: Шумилов, жена Шумилова, Манжара, Манжара Елена Яновна, Гурин, Гололобов, Ряховский И., Святчев. Все они были из Красновосточных мастерских. Из Первомайских мастерских были: Шишкин, Чернышев, Минзаров, Кириллов, Бабешко, Саикович. Все эти товарищи были членами социал-демократической рабочей партии, а Шумилов, Шумилова и Манжара Е. были социал-демократами — большевиками с 1905 года.

Как мы вели работу? Внутри кружка велись споры на разные темы как политического характера, так и по экономическим вопросам. Мы читали и критически разбирали теоретиков народничества — Добролюбова, Белинского, Михайловского, Чернышевского, изучали политэкономию.

Кроме того, читали газеты и подвергали критике выступления членов государственной думы. Я хорошо помню, как Николай Васильевич Шумилов умело, по-простому, раз'яснял сущность речи кадетских вождей Родичева, Милюкова и др., а также часто обрушивался на Чхеидзе.

Иногда тов. Шумилов приносил большевистскую литературу, например: „Что делать?“, социал-демократические газеты, несколько раз приносил номера газеты „Звезда“. С каким удовольствием и радостью он передавал эту газету! По обыкновению, давая газету, он говорил: „на почитай, дапостарайся прочитать вслух в бригаде. Но смотри, чтобы жандармы не подслушали“. Где он брал литературу и газеты, я не знал.

В 1912 году стала легально выходить большевистская газета „Правда“. Было выписано несколько номеров “Правды“, причем не только выписывали газету, но устраивали и сбор денег для этой газеты. По Первомайским мастерским это поручение выполнял Сайкович.

Широко использовывали выступление большевистских депутатов в Государственной думе: Петровского, Баллаева и др., раз'ясняя рабочим сущность их речей.

Применялись и другие методы пропаганды. В Красновосточных мастерских была большая библиотека, которая находилась в запущенном состоянии. Рабочие почти не брали из нее книг. Тогда было решено взять библиотеку в свои руки. Мы провели агитацию среди рабочих, устроили собрание, на котором были произведены выборы правления библиотеки, куда вошли

Шумилов, Баталов, Манжара. Библиотекарем выбрали Гололобова. Привели библиотеку в порядок. Там находилось много книг, особенно журналов, которые валялись по углам, связанные шпагатом. На каждой такой связке была надпись: „запрещено к выдаче“ и печать жандармского управления. Мы решили пустить в ход эту литературу. Месяца через два подписчиков для получения книг набралось до 200 человек. За книгами, по обыкновению, обращались к библиотекарю, говоря: „дай-ка что-нибудь поинтересней, чтобы за душу хватало“.

Вот как мы накопляли большевистский багаж для самих себя, впитывая в свои головы идею большевизма, и как могли использовывали все возможности в условиях того времени для передачи этих идей другим рабочим. Книги и журналы для выдачи были подобраны по специальному списку, тем более, что рабочие в большинстве, приходя за книгой не указывали названия.

Встает вопрос был ли оформлен этот кружок? Нет, этого сделано не было по следующим причинам. В 1912 г. в Кургане, Челябинской губернии, судили тов. Шумилова за участие в забастовке в 1905 году. Он в это время там работал слесарем в депо. В результате суда тов. Шумилов был сослан в Сибирь в Минусинск на вечное поселение. С ним и уехала его жена Лукерья Ивановна.

После того, как ушел в ссылку тов. Шумилов, работа начала ослабляться, но кружок не распался, а продолжал существовать. Правда, он немного изменился в своем составе и стал менее активен. О работе этого кружка в архиве имеются соответствующие материалы. Кружок насчитывал до 15 человек. Фамилии членов его были давно известны охранке, как это теперь установлено, но аресту они не подвергались. По всей вероятности, охранка не считала нужным делать это до тех пор, пока не установила бы их связи с другими организациями как внутри Средней Азии, так и с Россией. Плохо ли, хорошо ли, но мы продолжали вести работу, начатую Шумиловым, и вели ее вплоть до Февральской революции 1917 г.

Борьба была затруднена еще и потому, это передовые рабочие, стремившиеся к продолжению борьбы, перейдя на нелегальное положение, варились в собственном соку и не были связаны с большевистским центром. Интеллигенция, которая в первое время вступила в партию, почти вся была меньшевистская и эсеровская и она не пошла в подполье, отшатнулась в сторону и начала раболепно, услужливо помогать самодержавному правительству эксплоатировать рабочих. Это были люди типа И. И. Белькова и Наливкина. Последний был избран в Государственную думу.

Испугавшись продолжения революционной борьбы, большинство интеллигенции возвратилось в те ряды, откуда они вышли, т. е. в ряды буржуазной интеллигенции, которая начала вести работу путем организации разного рода благотворитель-

ных, культурно-просветительных обществ, в виде общества трезвости. Они занимались устройством разных спектаклей, танцевальных вечеров и т. д. Сборы, получаемые от этих затей, должны были итти на организацию библиотек, дешевых столовых и на оказание помощи бедноте. На самом же деле было не так. После таких вечеров устраивались роскошные ужины и весь сбор проедался и пропивался в тот же вечер.

Еще в период до 1905 г. существовало в Ташкенте так называемое Пушкинское общество, в которое посредством организации музыкальных, хоровых кружков пытались втянуть и рабочих. Отчасти это им удавалось. Кроме того, в период 1900—1907 г. организовывались всякого рода чтения лекций и воскресные школы. Все это было бы не плохо. Почему бы рабочему не стать хорошим музыкантом или певцом, почему не послушать лекцию, не быть грамотным человеком? Но вся суть заключалась в том, что буржуазия делала это в своих политических интересах, думая таким образом навербовать из рабочих своих агитаторов, приручить рабочих, так направить их мозги, чтобы рабочий стал послушным орудием в ее руках.

Мы не умели использовать этих легальных возможностей, как это делали большевики Петербурга и других городов. В частности это касается воскресных школ. В Петербурге большевики использовали вечерние и воскресные школы для ведения в них марксистской пропаганды, через посредство слушателей этих школ налаживали связи с фабриками и заводами. Слушатели рассказывали о положении на предприятиях, где они работали, своим учительницам, а те передавали их рассказы Ленину. Владимир Ильич на основании этих сообщений писал воззвания, статьи, которые через этих же учеников воскресных школ попадали на заводы. Н. К. Крупская рассказывает, что так именно родилось воззвание „к рабочим фабрики Торнтона“ и др.

Как важно было использовать эти школы и какой хороший людской материал в них имелся, указывает хотя бы тот факт, что такой большевик как Бабушкин был учеником вечерней школы. В связи с этим становится понятным наше ошибочное отношение к работе в воскресных школах. Причиной нашей бездеятельности была недооценка легальных возможностей.

Рабочие, попадавшие в кружки, организуемые местной ташкентской буржуазной интеллигенцией, и не встречавшие в них социал-демократической работы, понимали истинное задачи и цели подобного рода затей и быстро разбегались. Таким образом, эти общества почти никаких успехов среди рабочих не имели. Они оказали влияние только на незначительную часть рабочих и эти рабочие в период революционных схваток оказались или в лагере меньшевиков и эсеров, или же оставались просто беспартийными, не приняв никакого участия ни в Октябрьской революции, ни в последовавшей за ней гражданской войне. Пушкинское общество состояло, главным образом, из чиновников всех рангов, инженеров, врачей, адвокатов, судебных

работников, из некоторой части купечества и даже военных с разнообразными политическими взглядами, начиная от эсеров и меньшевиков и кончая кадетами и октябристами. В это же общество входили и некоторые видные узбекские торговцы, как Ариф Ходжаев и Давыдов.

Наряду с буржуазно-либеральными организациями этого типа была и чисто-черносотенная организация, так называемое „Общество Михаила архангела“, „Союз истиннорусских“. Эта организация была особенно сильна на железной дороге и стала расти после приезда министра путей сообщения Рухлова. Не было таких мастерских, депо или станций, где бы не было членов этой организации. Вступал туда, главным образом, административный как высший, так и низший персонал, но были и рабочие.

В задачи черносотенной организации входила борьба с „крамолой“, защита царского престола. И члены ее действительно были верными „сынами“ царя и охранки. Это были открытые шпики и доносчики, которые буквально терроризировали рабочих. Достаточно было нечаянно произнести одному из рабочих „крамольное“ слово, как этот черносотенец тут же заявлял рабочему, что он идет против царя, и шел доносить жандарму. Рабочего на второй день вызывали в контору и заявляли, что он увольняется и может получить расчет. Никакие об'яснения не помогали.

Бывали такие случаи, что уволенный рабочий шел к жандарму, а тот уговаривал его записаться в члены союза „Михаила архангела“, обещая при этом немедленное возвращение на работу и, если рабочий соглашался, его действительно принимали обратно. „Крамольником“ рабочий считался даже и в том случае, если он, работая рука об руку с другим рабочим, называл его „товарищем“. За словом „товарищ“, рабочие записывались как политически-неблагонадежные и подвергались гонению.

Все члены черносотенной организации пользовались особыми привилегиями в отношении повышения по службе, увеличения зарплаты, определения детей в средние учебные заведения и в экономическом отношении. Во время империалистической войны, в связи с тяжелым продовольственным положением, они снабжались первосортной белой мукой и другими продуктами.

В Ташкенте после Февральской революции, во время произведенного обыска, у вахмистра жандармов на квартире был найден список членов общества „Михаила архангела“ из которого видно, что из всего железнодорожного узла так называемых активных членов, т. е., имеющих членские билеты, было около 150 человек. Из этого количества в Красновосточных мастерских было около 20 человек, в Первомайских — около 30 ч., остальные были из службы движения и пути. Председателем общества был машинист ташкентского депо Квятковский. Интересно, что у него, как у главы союза, на паровозе, на котором

он был машинистом, на манометровом фонарчике была надпись: „боже царя храни".

Итак, мы видим, что кроме всякого рода буржуазно-либеральных обществ, существовала монархическая черносотенная организация, которая вела активную работу среди рабочих. Нам этого нечего скрывать. Об этом нужно записать не только для истории. Это нужно для того, чтобы молодые рабочие знали, какие громадные препятствия встречала на своем пути партия большевиков и руководимые ею революционные рабочие в борьбе за социалистическую революцию.

Но никакие буржуазные и черносотенные общества не могли преодолеть и подчинить своему влиянию передовую часть рабочих.

ГЛАВА III

НА РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОД'ЕМЕ

Недовольство нарастало. Некоторая подавленность, которая имелась в 1910 и частично в 1911 г. уже сменилась под'емом. Правда, таких случаев не было, чтобы рабочие об'являли стачки, но требования улучшения своего экономического положения стали носить уже открытый характер. Обыкновенно каждая бригада в отдельности вызывала начальника цеха и требовала пересмотра расценок в сторону их увеличения. Были случаи, когда и весь цех вызывал начальника мастерских и требовал дать об'яснение.

Помимо вопросов экономических, активней стали обсуждать и политические вопросы, в этой части внимание рабочих сосредоточивалось, главным образом, вокруг работы Государственной думы. Рабочие прямо и просто говорили, сколько бы в Думе ни говорили, ничего хорошего мы, рабочие, от нее не получим, так как там большинство депутатов — буржуи.

Но революционный под'ем и недовольство существующим строем были не только среди рабочих. Тоже самое было и среди солдат. Восстание солдат в 1912 г. и восстание 1916 г. навсегда вошли в историю революционного движения в Средней Азии.

Каждый кружок или группа, имевшиеся как на отдельных предприятиях, так и среди войсковых частей, в целях конспирации были изолированы друг от друга, вследствие чего о восстании солдат в Троицком лагере, рабочие узнали только в день восстания.

Благодаря отсутствию единого об'единяющего руководящего партийного центра как восстанию сапер, так и восстанию 1916 г. не была оказана достаточная поддержка со стороны рабочих масс.

Восстание сапер началось вечером первого июля. Второго утром, рабочие, идя на работу, видели уже необычные раз'езды вооруженных казаков в рабочих районах. У ворот, где получали марки, вместо одного жандарма стояли три. В цехах было тоже самое. В каждом цехе было по два, по три жандарма. Мы спрашивали у жандармов, в чем дело. Жандармы, конечно, знали, но ничего не говорили.

За чаем мы начали обсуждать и ломать себе голову, что же произошло. Работа не шла на ум. Наконец часам к 11 удалось узнать, что в Троицких лагерях восстали саперы (расстояние от Ташкента до лагерей 40 верст) и перебили всех своих офицеров, но благодаря измене других частей, которые должны были так-

же выступить, но не выступили, восстание подавлено, саперы разоружены и все арестованы.

Эта весть в течение пяти минут разнеслась по всем цехам. Сразу видно было, что рабочие взбудоражены, почувствовали инстинктивно, что среди солдат произошло действительно что-то большое. Все чувствовали, что на это как то нужно было реагировать.

Наступил как раз обеденный перерыв. Во время обеда начали обсуждать происшедшие события, хотя точно и не было известно, какие требования были выставлены саперами. Одно лишь было понятно, что раз солдаты восстали, значит были недовольны существующим порядком. При обсуждении этого вопроса вносились разные предложения. Одни предлагали выбрать делегацию для посылки в лагери и выяснить на месте причины восстания, а другие настаивали на том, чтобы бросить работу в знак солидарности. Первое сделано не было, а второе, — хотя официально и не бросили работу, но фактически после обеда к работе не приступили. Мастер цеха Береговой беспрерывно бегал из бригады в бригаду и орал во всю глотку: „Что не работаете? Крамолой запахло?“, Но никто не обращал на него никакого внимания.

Мы с тов. Шумиловым обменивались мнениями. Он говорил, что хотя среди рабочих чувствуется большой под'ем, может быть рабочие пошли бы на более активные меры, но этого сейчас делать не нужно, так как мы этим ничего уже не изменим, а десятка три, а то и больше активных рабочих потеряем. Они будут арестованы и преданы суду.

Ввиду того, что восстание 1912 года недостаточно ясно освещено, я несколько остановлюсь на том, как подготовлялось само восстание, как оно проходило и как закончилось.

Восстание в 1912 году иногда представляют, как неорганизованную, случайно вспыхнувшую, вооруженную демонстрацию солдатских масс. Судебные и следственные материалы, воспоминания участников и др. с достаточной убедительностью доказывают обратное, т. е. тщательную подготовку саперных частей со стороны революционных подпольных организаций. Бесспорным фактом является существование военно-революционной организации в саперных частях ТВО. Эта организация имела разветвления в каждой роте двух саперных батальонов, расположенных в г. Ташкенте.

Имеются также прямые указания на то, что руководящая часть товарищей этой организации была связана со стрелковыми частями гарнизона и некоторыми другими мелкими командами. Предатель и агент охранного отделения Шереметьевский („Зорька“) освещал также связь с подпольными революционными и партийными организациями города Ташкента. В Ташкенте в это время существовало несколько революционных кружков и партийных групп. В частности, организации были в Ташкентских главных и Первомайских мастерских, среди рабочих печатников, швейников, шапочников и шапочниц.

Следственный материл не дает нам сведений, с какими политическими кружками Ташкента восставшие саперы поддерживали связь. Провокатор Шереметьевский, Гессен и другие не были допущены в самый центр подпольной организации и поэтому не могли этого знать. Этому помогала также прекрасно поставленная конспирация и революционная дисциплина.

По доносам Шереметьевского известно, что военно-революционная организация в саперных частях еще до выезда в лагери перешла к массовой агитационно-пропагандистской работе, собирала небольшие сходки, совещания и прочее, на которых ставила животрепещущие вопросы солдатской жизни, солдатского быта, тем самым привлекая к своей деятельности широкие солдатские массы. Выезд в лагери явился новым стимулом к работе. В агитационно-пропагандистской деятельности руководители военно-революционной организации подчеркивали, что нижние чины могут добиться улучшения своего положения только вооруженной борьбой с самодержавным строем. Поэтому каждый сапер, каждый солдат должен готовиться с оружием в руках защищать права свои и своих товарищей.

Переход на лагерное положение оживил работу и уже в июне сходки привлекали к себе десятки участников, а в дни перед восстанием, на горке собиралось до сотни и больше нижних чинов. Военно-революционная организация из лагерей продолжала поддерживать тесную связь с городскими партийными организациями. Связь поддерживалась через разносчика булок Боровика.

Тов. Заболонков следующим образом характеризует эту связь: „Детали этой связи царские опричники так и не выяснили. Однако безошибочно можно предположить, что связь руководителей восстания с партийными организациями в Ташкенте была, и довольно крупная. Скрывшийся и не разысканный Боровик был несомненно членом одной из партий и устроившись булочником в лагере являлся связующим звеном сапер с партийцами в Ташкенте".

Через своих агентов царские чиновники, офицеры знали о готовившемся восстании. Ближайшими причинами, которые помогли подпольной организации привлечь на свою сторону несколько сот сапер, послужили условия солдатской жизни, ухудшившись в связи с переходом на лагерное положение. Пища была чрезвычайно скверная, отношение офицеров к солдатам было возмутительное, постоянно вызывавшее бурю возмущений и негодований.

Тов. Малышев говорит: „Терпели голодовку, недостаток жиров, очень плохой хлеб вызывал у всего батальона понос и изжогу". Все это при умело поставленной агитационно-пропагандистской работе способствовало тому, что возмущение и негодование сапер выливалось в организационные формы военно-революционной подпольной организации, готовившейся к радикальному разрешению всех вопросов, связанных с бытом солдат

Восстание готовили на конец июня 1912 г., но предательство Шереметьевского помешало осуществить этот план, так как командованием были введены усиленные наряды, был усилен надзор за бараками и т. д.

Восстание произошло первого июля. Начало восстания приурочили к тому времени, когда все нижние чины находились обычно в сборе после ужина и вечерней переклички. Оно началось в 8½ часов вечера. С передней линейки первого батальона были даны выстрелы. Поднялся шум, и масса вооруженных солдат двинулась ко 2-му батальону. В движении сразу приняли участие 1-я, 2-я, и 3-я роты 1-го батальона, 1-я, 3-я, 4-я и 5-я роты 2-го батальона.

Во время разоружения рот произошло несколько крупных столкновений, с низшим и средним офицерским составом рот. Так, например, в одной из рот Волков, чтобы сломить сопротивление офицеров ранил подпрапорщика Шадского штыком.

Восстание развертывалось чрезвычайно быстро. И только слабая проработка тактических вопросов боя помешала восставшим товарищам одержать в данный момент победу над верными правительству войсками. Можно с уверенностью сказать, что немедленное наступление и занятие других бараков привело бы к удвоению, а может быть и утроению сил восставших, не говоря уже о том, что тогда не было бы и недостачи в патронах. В последующие часы офицерам удалось организовать на подавление восстания следующие части: учебную команду 1-го Туркестанского стрелкового полка, учебную пулеметную и конно-разведывательную команду и 8 роту 3-го Туркестанского стрелкового полка, 6-ю роту 4-го Туркестанского стрелкового полка с учебной пулеметной и конно-разведывательными командами, 1-й батальон 2-го Туркестанского стрелкового полка, три сотни 5-го Оренбургского казачьего полка, 1-ю батарею 2-го Туркестанского артиллерийского дивизиона, но наиболее решительное влияние оказала на ход подавления восстания 2-я рота 2-го саперного батальона, командир которой офицер Жильцов сразу же во время восстания вооружил свою роту, заставил их пропеть песнь о Вещем Олеге и открыл фланговую стрельбу по восставшим ротам саперного батальона. В дальнейшем они непрерывно подерживали огонь. Одним из солдат этой роты Жильцов был ударен штыком. Это показывало, что и 2-я рота при энергичном движении восставших могла бы присоединиться к восставшим или в худшем случае остаться нейтральной.

Восстание было подавлено на следующий день. Восставшие частью являлись добровольно, а частью арестовывались в окрестностях лагерей. Особый дозор и специальная слежка были организованы в городах, селах и по всей линии железной дороги. Удалось скрыться от царских палачей лишь трем товарищам. Сотни товарищей были арестованы и находились в кошмарных антисанитарных условиях концлагерного, а затем тюремного режима. Суд и расправа были беспощадны. Николай

второй лично написал: „С виновниками бунта должно быть поступлено беспощадно, о чем сообщить командующему войсками".

Командующий войсками Туркестанского округа генерал-губернатор Самсонов, выполняя волю кровожадного Николая второго, с цинизмом палача писал: „В таком тяжком воинском преступлении я считаю лучше покарать десять невиновных чем оправдать одного виновного". Судебное следствие было быстро закончено. Были повешены 14 человек: Онучкин, Боряев, Волков, Котлов, Попок, Тарасов, Нефедов, Рачинский, Савкин, Слободской, Желябин, Нессен, Юрченко, Банин, Шубину смертная казнь была заменена каторгой. Сто одиннадцать человек было отправлено на каторгу, 81 человек—в исправительные арестантские и 15—в дисциплинарные части. Оправдано было всего 7 человек. О помиловании ходатайствовали только 12 человек и 3 смертника, остальные товарищи категорически отказались ходатайствовать о помиловании.

Привожу прокламацию Туркестанской междупартийной военной организации, выпущенной по поводу вынесения приговора

Туркестанская междупартийная военная организация.

„ТОВАРИЩИ!

Итак, суд кончился и приговор произнесен. Пятнадцать наших несчастных товарищей будут убиты своими же братьями. Почти две сотни будут замучены позором и пытками каторги. За что? Разве палачи интересовались этим? Разве им нужны были доказательства вины? Разве следствие представило хоть какую-нибудь тень доказательств, неоспоримо доказывающую виновность товарищей? Нет? Перед палачами-лицемерами, называющими себя судьями, были лишь две телеграммы: приказ кровавого царя:—„Судить по всей строгости закона" и ответ генерала Самсонова: „Пощады не будет". Этого было достаточно для того, чтобы заставить судей забыть все законы нравственности, прав, справедливости и чести и рабски подписываться под приговором, заранее заготовленным в канцелярии генерал-губернатора. Товарищи! Теперь очередь за нами. Теперь мы должны произвести приговор над палачами и слугами Николая второго. Пусть знают, что сотни загубленных солдатских жизней послужат для них не только ступенями на лестнице повышения чинов и орденов. Пусть знают, что мы также будем судить их „по всей строгости законов", что пощады не будет, и что мы не примем во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств. Око за око, зуб за зуб. Пусть каждый из вас, товарищи, навсегда запомнит, что на нем лежит долг беспощадной мести за убитых и имеющих быть убитыми и замученными братьями".

(На подлиннике была печать Турк. междупарт. воен. организации).

(«Коммунистическая мысль», книга № 5, стр. 115—116).

Так закончилось восстание сапер 1912 г. Тяжело и больно вспомнить о тех героях, которые за дело революции беззаветно отдали свою молодую жизнь, но эти жертвы не прошли даром и то, что восстание было подавлено, борьбу рабочих не ослабило, а наоборот активизировало революционность, увеличило ряды передового авангарда, и меньше стало колеблющихся.

Но вот вспыхнула империалистическая война. Как и в некоторых других местах, так и в Средней Азии, в частности в Ташкенте, часть рабочих была овеяна дурманом патриотизма и только наиболее сознательная часть понимала все ужасы войны и высказывалась против.

Как известно, весь буржуазный механизм заработал. Чуть ли не каждое воскресенье попы в мастерских служили молебны, прося о даровании победы. Члены „союза Михаила архангела" заработали во всю. Достаточно было кому-нибудь из рабочих выразить недовольство войной, как в ближайшее время его перебрасывали в какое-либо депо на линию или же в прифронтовую полосу под видом командировки. За короткое время много лучших активистов рабочих откомандировали в другие места.

Но вот патриотический дурман стал постепенно проходить, и уже во второй половине 1915 г. большинство рабочих поняло, кому нужна война. В 1916 году, когда вследствие дороговизны на продукты женщины громили базарные лавки, безусловно сказалось влияние революционно настроенных рабочих на своих жен. Мнение, что этот женский бунт был спровоцирован полицией, совершенно ни на чем не обосновано.

И, наконец, что имело важное значение в истории революционного национального движения—это восстание 1916 г. Согласно существовавшим в то время законам, все русские родившиеся в Туркестанском крае или прибывшие в Туркестан до 16-летнего возраста освобождались от призыва на военную службу. Местное же население: узбеков, казаков, киргизов и таджиков царское правительство вовсе боялось брать в армию, поэтому взамен военной службы на них в связи с возникшей войной были возложены различные повинности, из которых самыми тяжелыми были „пожертвования" в пользу красного креста, которые выколачивались из населения насильно и затем застревали в карманах чиновников.

В 1916 году был издан приказ за подписью генерал-губернатора Куропаткина: взять на тыловые работы в войска все местное население в возрасте от 18 до 35 лет. Во многих местах население оказало сопротивление. Восстание развернулось по всему краю, начиная от экономически-передовых районов Узбекистана и кончая районами Туркмении. Особенно большие размеры приняло оно в Киргизии и Казакстане.

В начале повстанцы только отказывались итти на тыловые работы, но когда против них были приняты репрессивные меры, аресты, избиения и т. п., терпение народных масс, нако-

нец, иссякло. Сперва стихийное восстание началось в отдельных аулах и кишлаках, сопровождаясь убийством отдельных представителей власти: волостных управителей, полицейских, стражников и т. п., а затем движение стало разрастаться, охватило целые районы и даже уезды.

Как реагировала на это власть? В первую очередь были приняты меры агитационного порядка. Начали „агитировать" среди русских при помощи полиции, жандармов, чиновников и т. д., что восставшие мусульмане режут русских, что из Германии и Турции приехали агенты, которые руководят восстанием, что в Урсатьевской перерезали всех железнодорожников, что якобы со стороны Кауфманской и Келеса движутся в старый город Ташкент тысячи вооруженных мусульман, которые на своем пути вырезают все русское население. В противовес иоповско-полицейской агитации, значительно ослабленные партийные организации и революционно-настроенный актив рабочих, не смогли противопоставить достаточной активной работы по раз'яснению истинных причин восстания и истинного положения вещей. В результате среди рабочих Ташкента складывалось неправильное отношение к восстанию 1916 года.

Не были без дела и попы. Хорошо помню вывешенное у нас в мастерских об'явление, в котором говорилось, что завтра, после обедни, во всех церквах будет прочитана проповедь на тему: „Мусульманская религия и ее отношение к православной церкви".

Такая агитация велась не только в Ташкенте, но и в других городах края. В то время, как в городах восстание освещалось в таком свете, войска Куропаткина расправлялись с непокорными.

Национальная буржуазия не была способна возглавить движение. Наоборот, она оказывала содействие русским империалистам, помогая утопить восставших в крови. Другая часть местной буржуазии была пассивна и выражала свои верноподданнические чувства, которые выражались в том, что они давали взятки за своих сыновей и родственников, покупали батраков и бедняков и посылали их вместо себя на тыловые работы.

Прогрессивные слои национальной интеллигенции были слишком слабы и поэтому они не только не могли возглавить движение, организовать восставших, и повести народные массы в бой с соответствующими лозунгами и требованиями, но не смогли хотя бы в письменной форме активно заявить свой протест против поголовного избиения, которое проводилось царскими опричниками как в начале восстания, так и в особенности при его подавлении.

В результате такого положения руководство восстанием было сосредоточено в руках феодалов, баев и мулл, в руках панисламистов.

Это могло произойти только потому, что восстание было изолировано от пролетарских масс, во главе движения не стоял

рабочий класс, так как в тот период в Туркестанском крае не было крепких и организационно-оформленных большевистских организаций.

Итак в силу указанных мною причин, восставшие были разбиты и хотя не надолго подчинены воле кровавого Николая и его вассалов. Восстание 1916 года со всей очевидностью показало, что киргизское, казакское, узбекское и туркменское дехканство несмотря на свою отсталось со времени завоевания Средней Азии российским империализмом и превращением ее в колонию, не прекращали борьбы против гнета русского самодержавия, против грабежа капиталистов. Восстание 1916 года важно также и потому, что оно происходило в период империалистической мировой войны, накануне Февральской революции 1917 г.

Однако, недооценка революционной роли трудящихся масс местных национальностей и в особенности дехканства не только до Февральской революции, но и в период Октября и в последующие годы гражданской войны имела и даже имеет еще место среди отдельных членов партии в Средней Азии. С этой недооценкой, в которой проявляется *великодержавный шовинизм*, колонизаторское отношение, нужно вести самую жесточайшую борьбу.

ГЛАВА IV

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Война продолжалась третий год. Все более увеличивалось недовольство правительством, и войной. Но все это было затаенное, и на поверхности казалось все спокойно.

От центра мы были совершенно оторваны. Партийной литературы не получали. Единственным источником, из которого можно было черпать известия о том, что происходит в столице, были буржуазные газеты.

И вот получаем телеграмму об отречении Николая от престола.

Телеграмма о происшедшем в Петрограде перевороте была получена в Ташкенте 1 марта. В телеграмме было указано, что Николай отрекся от престола и, что власть временно перешла в руки Государственной думы. Это была официальная телеграмма от имени Комитета государственной думы, об'явление которой генерал-губернатор Куропаткин задержал на два дня.

Однако, первого же числа об этой телеграмме стало известно и рабочим Красновосточных и Первомайских мастерских и всего железнодорожного узла. Так как телеграмма эта была дана по всей сети, то все железнодорожники как Ташкентской, так и Среднеазиатской железных дорог почти одновременно узнали о перевороте в Петрограде. Через железнодорожников узнало и все население.

Царские чиновники немедленно применили свой испытанный метод провокации — натравления одной национальности на другую. Почти повсеместно через базары, через торговцев, через железнодорожную администрацию, полицию, охранкой и другими агентами самодержавия стали распространяться различные провокационные слухи. Так например, уже 2 марта некоторые рабочие задавали вопросы: верно ли, что в Коканде вспыхнуло восстание среди узбеков, что режут русских, или что хивинцы перерезали в Кзыл-Арвате всех рабочих и их семьи. Появились и „очевидцы". Один старик рассказывал, что он только что вернулся из Коканда и „лично" видел много убитых русских, будто бы все лавки, в которых торговали русские, разбиты и т. д. Нам пришлось много поработать, чтобы разъяснить рабочим провокационный характер всех этих слухов.

Телеграмма государственной думы была передана в мастерские одним из телеграфистов не то Лободой, не то Гридневым

У нас сразу же организовалась инициативная группа рабочих, которая и провела разъяснительную работу.

2 марта был созван митинг, на котором присутствовал пришедший из города техник И. И. Бельков, социал-демократ, меньшевик. На этом митинге был избран совет рабочих депутатов в количестве 12 членов. Сюда вошли следующие товарищи: Першин (расстрелянный в 1919 г. Осиповым), Колесников, Гололобов, Розенкевич, Казаков Аристарх, Казаков Георгий, Желдоков, Лянин, Редько, Бельков и др., все социал-демократы.

В этот же день вызвал меня по телефону Гололобов и передал, что в главных мастерских избрали депутатов в совет и, что нужно об этом сообщить рабочим Бородинских (ныне Первомайских мастерских), для чего в 3 часа дня они придут вместе с Бельковым, Першиным и Колесниковым в мастерские и информируют. Я прошел по цехам, заранее предупредил рабочих о приходе указанных выше товарищей. Все рабочие быстро вышли из цехов во двор. Пришедшие тт. Першин, Гололобов, Колесников и Бельков кратко информировали о происшедшем перевороте в Петрограде, об отречении Николая от престола и необходимости организации Совета рабочих депутатов.

Надо отметить, что Бельков уже тогда в своем выступлении показал свои меньшевистские зубы. Я хорошо помню сказанную им фразу: „Мы, Совет рабочих депутатов, призваны еще и для того, чтобы помочь новому правительству до конца уничтожить наступающего на нас внешнего врага". После окончания речей приступили к выборам депутатов в Совет. Избранными оказались восемь человек: тт. Отто, Калугин, Дзюль, Кулаков, Ворона, Калулин, Чернышев, Манжара — все социал-демократы.

В пассажирском депо также избрали двух депутатов.

Выборы в Совет рабочих депутатов были произведены на другой же день после получения нами телеграммы о свержении самодержавия. Как только рабочие узнали о совершившемся, передовая их часть немедленно стала активно действовать и подняла всю пролетарскую массу, которая смело вступила в революционную борьбу. Не было ни одного протеста, ни одного возгласа недовольства как при информационном сообщении, так и при выборах в Совет рабочих депутатов. Даже такие черносотенные агенты союза Михаила-архангела как Квитковский и ему подобные, видя смелые и решительные действия со стороны рабочих, не посмели сказать ни одного слова за своего царя-батюшку.

Да иначе и не могло быть. Если реакция могла заставить рабочего молчать, то как бы она этого ни хотела, она не в силах была заставить его не думать. Наконец, тяжести империалистической войны, которые ложились на плечи рабочего, создали все те условия, при которых достаточно было лишь телеграфного сообщения для того, чтобы рабочие Средней Азии вместе со всеми рабочими России выступили в феврале 1917 г.

В первые месяцы революции так же, как и в других городах России советы были меньшевистско-эсеровские. Руководителем ташкентских меньшевиков был Бельков, руководителем эсеров Сосновский.

Рабочие Средней Азии на данном этапе революции не имели опытных руководителей в лице туркестанской большевистской организации.

Какое участие принимало в Февральской революции местное население? В первые дни до кишлаков и аулов доходили только смутные слухи, раз'яснить их толком было некому, а если и раз'ясняли, то или провокаторы или же баи, которые истолковывали события по-своему. Что же касается городского населения, то тут также не было достаточно раз'яснений. Провокаторы — также, как это было в отношении русских рабочих, старались натравить против русских, пуская в ход такие слухи, что из-за революции население останется без хлеба и т. п., а в то время в Ташкенте, особенно в старом городе, было тяжелое продовольственное положение.

Но несмотря на все вымыслы провокаторов в первые же дни начали стихийно вырастать всевозможные организации. Так, например, в старом городе (Ташкенте) 5 марта по инициативе интеллигенции был организован комитет туземцев, который ставил своей задачей раз'яснение сущности Февральской революции.

Наряду с организационными мероприятия; произведенными рабочими, буржуазия и мелкобуржуазная демократия 3 марта созвала совещание представителей разных общественных организаций на котором было вынесено постановление: „образовать из представителей общественных организаций Временный комитет, который должен ведать всей общественно-политической и экономической жизнью города". Но из этого постановления ничего не получилось.

4 марта в Городской думе вновь собираются разные общественные организации. Надо сказать, что общественные организации росли тогда, как грибы после дождя, под разными наименованиями, как например, „Общество приказчиков", куда входили не только приказчики, но и хозяева, „общество служащих разных учреждений", в составе которого были чиновники всех рангов и степеней, общества врачей, адвокатов и т. д. На указанном собрании таких организаций было представлено до 50. На это собрание пришли и выбранные в Совет рабочих депутатов. Всего на собрании присутствовало до 250 человек. Из этого количества рабочих было человек 30, остальные представители разных буржуазных обществ.

В партийном отношении большинство из них принадлежало к кадетам. Руководителем был адвокат Закаменный, который председательствовал на собрании. Сколько было представителей других партий, сказать трудно. Знаю только, что все рабочие депутаты железнодорожники, которых было до 20 человек, являлись социал-демократами. Из эсеров помню Сосновв-

ского — директора ташкентской гимназии и еще двух военных.

На повестке дня стоял вопрос о конструировании власти для управления городом. Было решено избрать комитет из 25 человек.

Очень бурный спор разгорелся между рабочей частью собрания и остальными по двум вопросам: первый — кто может быть избран в состав комитета, и второй — как его назвать. По первому вопросу, мы, рабочая часть, предлагали, чтобы в состав комитета вошли только представители рабочих организаций и служащих, избранных на общем собрании и, чтобы назвать комитет Исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов.

Все остальные поддерживали выдвинутое кадетами предложение — допустить в состав комитета представителей от всех общественных организаций, присутствующих и зарегистрированных на собрании, а также от соцпартии и назвать — Исполнительным комитетом общественных организаций. Разгорелся спор. Особенно резко выступал тов. Першин, который прямо заявил, что нам здесь делать нечего, придется уйти. В это время Бельков увивался около рабочих и упрашивал их не спорить о формальностях и дать свое согласие на выдвинутое предложение.

Предложение Закаменного было принято абсолютным большинством. Из рабочих в состав комитета вошло 5 чел. — Першин, Казаков Г., Похидченко, Калугин и кто-то еще. От партии социал-демократов вошел Бельков. На этом же собрании был назначен день демонстрации и митинга на Соборной площади, где генерал Куропаткин должен был всенародно об'явить об отречении царя от престола. Так сконструировалась после свержения самодержавия первая исполнительная власть, в подавляющем своем большинстве, состоявшая из представителей буржуазии и мелкобуржуазной демократии.

В этот же вечер, после закрытия собрания, Бельковым было внесено предложение, чтобы все, кто когда-либо состоял в партии социал-демократов, остались для обсуждения некоторых вопросов. Осталось человек 40, почти все железнодорожники, которые были выбраны в Совет рабочих депутатов, остальные (меньшая часть) городские, главным образом, интеллигенты. Я помню следующих: Бельков, Чичерин, Парфенов, Кузьмин, Сорокин и др. На этом собрании было разрешено два вопроса: выборы партийного комитета и посылка представителей в казармы к солдатам, с целью информации о свержении самодержавия, о необходимости выбора солдатских депутатов и о вербовке в партию.

Временный состав организационного бюро был избран в количестве 5 чел. В него вошли Бельков, Парфенов, Чичерин и другие, фамилии которых не помню. Вся руководящая верхушка была меньшевистская. Итак, партийный социал-демократический меньшевистский центр был заложен.

Судя по материалам, которые имеются, и рассказам отдельных товарищей, а также по тому, что печаталось в тогдашней газете „Туркестанский курьер", по телеграфным сообщениям можно сказать, что то же самое происходило почти во всех городах края. Возникали советы рабочих депутатов, а также советы солдатских депутатов, существовавшие в это время отдельно. Одновременно возникали и партийные социал-демократические организации. Немного позже стали организовываться в старых городах советы мусульманских депутатов. Когда туркестанский генерал-губернатор Куропаткин убедился в том, что происшедшую в центре революцию от широких трудящихся масс скрыть не возможно, он решил изменить курс. По его распоряжению на 5 марта на Соборной площади был назначен общегородской митинг.

5 марта с раннего утра к вокзалу, где было назначено место сбора манифестации, начали стекаться рабочие-железнодорожники и выстраиваться в колонны. Лица у всех были радостные, веселые, обнимались, поздравляли друг друга со свободой и совершившимся переворотом. Везде, где только собирался маленький кружок, вспоминали прошедшую борьбу 1905 года. Никто еще не предвидел той жестокой и длительной борьбы, которую в дальнейшем пришлось выдержать рабочим для завершения революции. Правда, многие рабочие уже с первого дня открыто говорили о том, что хотя царя и свергли, но буржуи, капиталисты остались. Некоторые рабочие уже тогда говорили, что получилась „та же палка, но с другого конца".

В назначенный час подняли знамена — красные и черные. На красных были лозунги: „Да здравствует Совет рабочих депутатов", "Да здравствует свобода и 8-часовой рабочий день", „Да здравствует учредительное собрание". На черных: „Память жертвам, погибшим в борьбе с самодержавием". Рабочие, которых насчитывалось до 2 тысяч человек, стройными колоннами двинулись по Духовской (ныне Пролетарской улице). Раздалось пение „Марсельезы," „Смело, товарищи, в ногу", „Варшавянки", „Похоронного марша." „Интернационала" пока не было слышно.

Когда мы подходили к Соборной площади, нам представилась следующая картина. С трех сторон густыми рядами стоял народ, причем все это были в большинстве выхоленные, жирные лица буржуазии, купечества и т. д., а также представители „туземного народа", как тогда называли узбеков. Все они были в шелковых халатах, в белоснежных чалмах. Это были высокопоставленные баи, муллы и ишаны. Старогородской бедноты не было.

Через несколько минут появился генерал Куропаткин. Он вышел на середину, вынул бумажку и, прочитав официальное сообщение от комитета Государственной думы об отречении Николая, добавил „Милостью божьей, царь Николай второй отрекся от престола. В целях сохранения внутреннего мира и спокойствия и заканчивания военных действий против внешнего врага до победного конца, вы должны будете также верно служить

вновь назначенному правительству Государственной думы, как вы служили и самодержавию". На этом он кончил парадную речь.

На смену ему выступил Бельков, как представитель общественных организаций, в том числе и от рабочих. Он произнес явно меньшевистскую речь. В особенности мне хорошо запомнился конец: „Вся демократия и рабочий класс будут бороться за демократическую республику и наряду с этим поддерживать Временное правительство, а также всеми силами стараться завершить войну до победного конца".

Так закончились первые дни Февральской революции в Ташкенте.

Об'единение Совета рабочих и солдатских депутатов в один совет произошло 28 марта. Председателем был избран Бельков (меньшевик).

31 марта под сильным напором рабочих, на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей от общественных организаций и от мусульманских депутатов, было вынесено решение, отстранить от должности генерал-губернатора и командующего войсками Куропаткина, его помощника Ерофеева и начальника штаба округа Сиверса и впредь до распоряжения Временного правительства подвергнуть их домашнему аресту. На место устраненных избрали командующего войсками полковника Черкеса (правого эсера).

Если совет, руководимый меньшевиками и эсерами, а также меньшевистский социал-демократический комитет не вели никакой активной работы, то на предприятиях, и в особенности на железной дороге, работа кипела. Уже через 5—6 дней в Первомайских мастерских была организована социал-демократическая группа рабочих до 30 человек, которые записались, получили временные удостоверения и внесли членские взносы. В пассажирском депо было около 10 человек. в службе движения и пути — около 20, в Красновосточных мастерских — до 50 чел.

Все эти группы рабочих, социал-демократов взялись за дело горячо, со всем революционным энтузиазмом. Не имея достаточной теоретической подготовки, зачастую руководствуясь только политическим чутьем и тем, что удавалось прочитать в газетах, получаемых из центра, проводили партийную, организационную и массовую работу.

По инициативе группы партийцев в партийном комитете был поставлен вопрос об организации профсоюзов. Был разработан устав. Везде на предприятиях были организованы профкомы, а в Красновосточных и Первомайских мастерских, кроме того, были организованы и советы рабочих депутатов. Правда, существовали они недолго.

Функции местного комитета сводились к организации массовой работы и разрешению экономических вопросов. Уже числа 10 рабочие выдвигают требования о немедленной смене почти всего административного состава, начиная с бригадиров, мастеров и начальников цехов и кончая начальником мастерских.

Мотивировка была не сложна—попили нашей кровушки, довольно, долой их кровопийцев, выдвинем своих товарищей. Всякая такая смена проводилась через общие собрания и утверждалась местным комитетом.

На каждом собрании поднимался вопрос о 8-часовом рабочем дне. Рабочие говорили: „Так, что же будем ожидать, когда кто-то нам даст 8-часовой рабочий день? Вынесем постановление, вот и весь закон".

Одним из наиболее важных вопросов, который был уже тогда поставлен—это вопрос о состоявших членами монархической организации Михаила-архангела (Союз русского народа).

Выше я уже упомянул о списке членов этой организации, который попал к нам в руки. Вот этот список и был поставлен на обсуждение общего собрания. Проводилось это так. Председательствовавший называл фамилии, вызывал на трибуну и требовал об'яснения, что он делал и почему вошел в монархическую организацию. Ответы были почти одни и те же: „жандармы запугивали, что если не запишешься, будешь уволен" и т. д. Были и такие, которые клялись, заявляли, что они никогда и не записывались. Многие согласно постановлению собрания были уволены. То же самое сделано и в Красновосточных мастерских и в других местах.

Что происходило в то время среди местных основных национальностей, как среди них и кем проводилась работа? И в этом вопросе придется, главным образом, останавливаться на фактах, имевших место в Ташкенте, причем надо отметить, что все, что появлялось в Ташкенте нового, то обязательно, может быть только в несколько иной форме, отражалось и в других городах края, ибо Ташкент в известной мере был рупором для других городов.

Я уже сказал, что в первые дни революции в бывш. старом городе был организован совет мусульманских депутатов, комитет туземцев. В первой половине марта в старом городе организовываются „Шуро-Исламия", и „Улема", которые были первой зарождавшейся националистической реакционной партией. Они пытались об'единить вокруг себя феодалов, духовенство, а также всю крупную и мелкую национальную буржуазию, что ей отчасти и удавалось. Безусловно, эта организация имела влияние не только в Ташкенте, но и в других городах. Нужно сказать, что в организацию „Улемы" и „Шуро-Исламия" в первое время входило много молодежи главным образом из числа прогрессивной интеллигенции, но необходимо отметить, что многие из них постепенно покидали эти организации.

Таковы те национальные организации, которые появились вскоре после Февральской революции. Вхождение бедняцких масс местного населения в состав этих организаций возможно было потому, что тогда еще не окрепла организация, которая могла бы поднять самую гущу бедняцких масс местных национальностей. Несмотря на это, мы уже в марте имели со-

циал-демократов из местных национальностей. Так, по Ташкенту насчитывалось до 15 человек, из них я лично помню вступивших в партию тт. Низаметдин Ходжаева, Бабаджанова и Касым Ходжаева. В конце марта организуется союз строительных и кожевенных рабочих, состоявший, в основном, из рабочих местных национальностей.

Но факт остается фактом, что партийный комитет социал-демократов не смог обслужить этот важный участок работы, да по существу он и не был на это способен, ибо он был меньшевистский. Поэтому, вполне понятно, что такие организации, как „Улема" и „Шуро-Исламия" влияли и на трудящиеся массы коренного населения.

Освещая в своем воспоминании период Февральской революции, организацию совета и другие моменты, имевшие место в течение марта, а отчасти и апреля, я не сказал еще главного... Были ли уже тогда большевики в Ташкенте, в Средней Азии, и если да, то какова была их роль в организации масс в период Февральской революции? Некоторые товарищи в этом вопросе забегают вперед, говоря, что чуть ли не в первый же день после Февральского переворота существовала уже большевистская организация, как в Ташкенте, так и в других городах: Ашхабаде, Красноводске, Самарканде, Коканде и др.

Выше я уже говорил, что начало организации большевистской группы было заложено тов. Шумиловым еще в 1910 г., но кружок организационно оформлен не был. И в последнее время, уже после революции, организационное оформление большевистской группы затянулось на длительный период. Кроме того, рабочие социал-демократы не могли сразу разобраться в сущности Февральской революции, не могли сразу уяснить линии поведения Белькова, Парфенова, Чичерина и всей меньшевистско-эсеровской группы интеллигентов, которые очень хорошо болтали языком и были мастерами на красивые речи и революционные фразы.

В первые дни и даже месяцы позиция большевиков не была ярко выражена и даже само слово „большевик" внутри парторганизации отсутствовало, причем это не только в Ташкенте, но и в ряде других городов. Правда, выступления рабочих партийцев как на партийных собраниях, так и на заседаниях совета носили часто большевистский характер. Но это еще не означало, что уже имелась организационно-оформленная большевистская группа.

Почти во всех организациях засели меньшевики и эсеры и первый собравшийся краевой с'езд советов 7 апреля, на котором были исключительно меньшевистские и эсеровские депутаты, избрал такой же меньшевистско-эсеровский краевой исполнительный комитет.

Надо отметить, что на этом с'езде, кроме организационных вопросов, был поставлен продовольственный вопрос, так как положение, в особенности с хлебом, к этому времени сильно обо-

стрилось в связи с тем, что Средняя Азия не могла полностью обеспечить себя своим хлебом. Обычно много хлеба ввозили из России, а этот ввоз хлеба из-за войны все уменьшался, запасы хлеба все более исчерпывались. Но в результате обсуждения этого вопроса никаких конкретных мер не последовало.

В начале апреля начали возвращаться из ссылки, сосланные в 1907—1909 г. товарищи. Вернулся Дворянов, Костя Трофимов, Глазунов — все трое социал-демократы, Хворов, Ряховский М. — социал-революционеры и др. Все они, как бывшие рабочие Красновосточных мастерских были сразу же приняты на работу. Но они ничего нового в части большевизации организации, в частности наших мастерских и рабочих-партийцев, не внесли, т. к. они все были меньшевиками или эсерами. Они как старые активные участники революционного движения 1905, 1906, 1907 гг., пользовались авторитетом среди ребочих и почти сразу же были выдвинуты на разного рода руководящую работу. Около этого времени из Москвы приехал Демидов, появился Черданцев, Вайнштейн, Воронцова и др. Но все они также были меньшевиками.

Время шло. Местная печать почивала на лаврах, восхваляя Временное правительство. Так, например, в „Туркестанском курьере" (буржуазная газета) начали появляться заметки о несвоевременности введения 8-часового рабочего дня. Этот вопрос пришлось поставить на рабочих собраниях Красновосточных и Первомайских мастерских. Рабочие вынесли решение: об'явить газете бойкот.

К тому времени уже издавалась в Ташкенте новая газета, под названием „Наша газета", орган Ташкентского совета, но она целиком была в руках меньшевиков. Издававшаяся в Петрограде большевистская „Правда" к нам не всегда попадала, а если и доходила, то в силу того, что все газетные киоски были в руках меньшевиков и эсеров, вся большевистская литература и газеты прятались или просто уничтожались и только случайно иногда попадали в руки.

В то же самое время в печати, в том числе и местной, велась бешеная агитация против большевиков, вплоть до того, что их об'являли врагами революции, врагами народа, а Ленина называли германским шпионом, приехавшим в Россию в запломбированном вагоне.

Все это не только страшно затрудняло работу, но и создавало неустойчивость позиции маленькой группы рабочих революционных социал-демократов, большевиков и большевистски настроенных. Однако, несмотря на это, революционный под'ем углублялся. Количественно росли и партийные организации. Так, например, по Ташкенту к апрелю месяцу насчитывалось до 700 чел., из них в Ташкентском железнодорожном узле до 300 чел., в старом городе до 50 человек. Нужно сказать, что к этому времени развили свою работу и социалисты-революцио-

неры, которые также имели немалый успех, в особенности среди мелкой буржуазии и солдат.

Рабочие выдвигали революционные требования: закрытие правительственной газеты и удаление кадета Щепкина, присланного Временным правительством, в качестве уполномоченного комиссара. Этот Щепкин при первом своем выступлении, произнес погромную речь, причем он не только обвинял большевиков в измене народу, но добрался до своих друзей и помощников—меньшевиков и эсеров, бросая им в упрек, что они не принимают решительных мер к изоляции большевиков, чем способствуют также подрыву авторитета Временного правительства.

В результате „революционная" демократия зашумела, запротестовала, но этим только и ограничилась. Присутствовавшие на с'езде советов 3—4 человека рабочих, поддержанные снизу массами категорически потребовали удаления такого комиссара. Таким образом, меньшевики и эсеры оказались между двух огней, с одной стороны они стремились поддержать Временное правительство, с другой — боялись потерять авторитет среди рабочих.

Наконец, после долгого обсуждения, при настойчивом требовании рабочих, с'езд вынес постановление: „За выпады, сделанные в своей речи при выступлении правительственным комиссаром, просить Временное правительство отозвать Щепкина из Туркестана." Щепкин было позван, но на его место был прислан Шендриков (кадет).

В конце апреля возвратился из ссылки и Николай Васильевич Шумилов. Поговорив, мы решили, что ему нужно немедленно же поступить на работу в Красновосточные мастерские. Отдохнув несколько дней, тов. Шумилов пошел в мастерские, в завком, переговорить о работе и повидаться со старыми товарищами.

Казалось бы, такой товарищ, как Шумилов, который раньше работал в этих же мастерских, из этих же мастерских пошел в ссылку, слесарь высокой квалификации, а главное — член социал-демократической рабочей партии большевиков с 1904 г., имел право на немедленный прием в мастерские без всяких разговоров.

На деле оказалось не так. В завкоме заявили, что нужно переговорить с мастером и начальником мастерских, есть ли свободные вакансии. Надо себе представить — какая обида, какое оскорбление для революционера, пробывшего по воле самодержавия несколько лет в ссылке, от своих же товарищей слышать после революции такие же слова, которые слыхали рабочие-безработные, стоя у ворот заводов и фабрик, до революции от царской администрации.

Дело было понятно. У красновосточников в первое время во главе руководства профорганизацией стояли меньшевики. Зная, что тов. Шумилов — большевик, что рабочие его, как ранее работавшего в мастерских, хорошо знают, они просто не решались

его пустить на завод, а возможно, что им даже по партийной линии было дано задание не пускать Шумилова на завод.

Но у тов. Шумилова хватило еще терпения. Он подождал еще три дня, пошел еще раз. Ему опять сказали: подожди. После этого он явился в Бородинские мастерские и зашел ко мне (я в то время работал инструментальщиком и был председателем месткома мастерских). Я ему задал вопрос: „Ну как, приняли в мастерских?“ „Да, — говорит, — разве от этой меньшевистской дряни дождешься чего-либо хорошего!“ — Он рассказал мне о своих мытарствах, а в конце заявил: „Ну их к чертям, больше на поклон не пойду, давай пробу, останусь здесь работать“. Я пошел к мастеру, там же попробовал еще раз поговорить по телефону с завкомом красновосточников относительно Шумилова.

К телефону подошел не то Розенкевич, не то Глазунов (хорошо не помню), я спросил: „Почему Шумилова не принимаете?“ Ответ был короткий: „Да видишь ли, у нас комплект слесарей полный по всем цехам, а сверх комплекта администрация принимать не хочет“. В ответ на это я крепко выругался и повесил трубку. Я взял записку у мастера на дачу пробы Шумилову, заявив ему, что мне нужен слесарь. Шумилов сдал пробу и стал работать у станка в инструментальном цехе.

Я этот факт привел для того, чтобы показать, во-первых, как меньшевики в первые же месяцы Февральской революции боялись представителей революционной партии рабочих — большевиков, что они делали все, чтобы не допустить на предприятия активных революционеров или, как они тогда выражались, не допустить „разложения“ в рабочую среду, и, во-вторых, как трудно нам приходилось вести работу, постепенно собирая силы для активной борьбы с наступающей контрреволюцией.

С поступлением в мастерские тов. Шумилова работа оживилась еще больше. Мы с тов. Шумиловым договорились, что он меньше будет уделять времени работе в инструментальном цехе по специальности и займется постановкой организационно-партийной работы, а также „прощупать“ (как он говорил) настроение рабочих и установить связь с руководящими кругами партийных, профсоюзных и советских организаций.

В своей работе в первое время на ряду с проведением бесед и раз'яснений среди рабочих, а также выступлений на собраниях, где при всяком удобном случае в речах и разговорах приходилось выдвигать партийные революционные лозунги (в особенности это хорошо умел делать тов. Шумилов), мы занимались распространением большевистской литературы и главным образом газет. Я уже говорил выше, что все газетные киоски, библиотеки были захвачены меньшевиками и вся большевистская литература, попадавшая к нам из центра, пряталась.

Пришлось и за это драться. Жена Шумилова обходила киоски и заставляла наравне с меньшевистскими газетами и литературой выкладывать на полки, на видное место и большевист-

ские газеты и брошюры. Мало того, ей приходилось за свои деньги покупать газеты и в качестве продавщицы итти к воротам мастерских и продавать газеты, когда рабочие заканчивали работу и шли домой.

Зачастую были такие случаи, что когда у рабочего не оказывалось денег, а газеты он хотел взять, то Лукерья Ивановна совала газеты в карман рабочего, говоря: „Ладно, возьми, в получку отдашь". Тов. Шумилов, по обыкновению каждое утро, приходя на работу, приносил пачку газет, раздавал их по цехам и бригадам и рекомендовал читать во время обеда за столом, чтобы таким способом ознакомить возможно больший круг рабочих с тем, что думают большевики, что они предлагают рабочим и солдатам. Рабочие всегда с большим интересом выслушивали и соглашались с большевистскими лозунгами.

Вот какими путями первое время приходилось нам внедрять большевизм в рабочие массы.

В течение мая месяца мы налаживали связи по вопросам партийно-организационным и профессиональным, выступали на общих собраниях. Связь была установлена в Красновосточных мастерских через Першина и Гололобова, в пассажирском депо—через Кафанова и Рогозина, в службе движения—через Попова Д., в службе пути—через Солькина (техника) и двух рабочих (Малькова—старика и его сына).

Вся партийная работа среди рабочих проводилась вне установок городского партийного комитета и его руководства. Правда, временами появлялись на общих собраниях Демидов, Вайнштейн и Бельков—все трое меньшевики. Они, как правило, призывали к поддержке Временного правительства и особенно хвалили своих вождей—Чхеидзе, Скобелева, Церетелли. Нужно сказать, что авторитет у них среди рабочих был, в особенности у Демидова, так что нам, рабочим-большевикам трудненько было разоблачать этих говорунов. Все же мы, как могли, их разоблачали.

Необходимо осветить еще один факт. В апреле месяце комиссаром и начальником Ташкентской дороги был назначен инженер т. Кобозев, старый большевик. Вскоре после его назначения, он выехал по жел.-дор. линии и в Ташкент прибыл в конце апреля. Он выступил на собрании рабочих и служащих с участием рабочих Красновосточных мастерских и других служб Среднеазиатской железной дороги и в большой речи по-большевистски, резко критиковал действия Временного правительства в особенности нападая на меньшевиков. Короче говоря, речь его была построена в соответствии с принятыми решениями на апрельской конференции. Впервые у нас, в Средней Азии им был брошен лозунг: „Вся власть советам".

По мере того, как он развивал взгляды большевиков, публика стала шевелиться, поднялись недовольные возгласы, были попытки сорвать собрание. Так, например, начальник станции товарного двора—эсер—начал кричать: что это „измена революции", „позор" „начальник дороги разлагает рабочих и служа-

щих" и т. д. Но ему ничего не удалось сделать, так как рабочие с напряженным вниманием слушали впервые оратора, который с такой резкостью и остротой выступил против Временного правительства. Была ли принята резолюция на этом собрании—точно не помню. Кажется была принята резолюция, сводившаяся в общем к организации контроля над производством и вытекающих из этого задач для железнодорожных организаций.

В результате приезда и выступления Кобозева ряд недоуменных вопросов, которые ранее были непонятны нам, были уяснены рабочими-активистами, членами партии. Но одновременно произошел фактически раскол между рабочими и служащими. В то время, как почти вся основная масса рабочих так называемые тяговики приветствовали и поддерживали Кобозева, остальная часть и в особенности движенцы, были ярыми противниками. При этом чуть ли не каждая станция стала категорически требовать снятия с дороги т. Кобозева, давая об этом телеграммы Временному правительству. Это происходило не только в Ташкенте, но и по всей дороге. Министр путей сообщения принял соответствующие меры и через некоторое время Кобозев был снят и заменен другим. На его место был назначен инженер Мовчан-Кухарук (кадет).

По предложению тов. Шумилова в начале июля мы провели ряд митингов по районам на тему о продовольственном положении. Предварительно мы договорились и назначили своих докладчиков, которые должны были характеризовать тяжелое положение дела снабжения продовольствием, об'ясняя это бездеятельностью Временного правительства, затянувшейся войной, умышленной затяжкой созыва Учредительного собрания и требовать представления полного права Советам рабочих и солдатских депутатов в управлении страной.

Намечены были четыре района, главным образом рабочие районы: Госпитальный базар, бывшая Казачья слободка, бывш. Тезиковая дача и Беш-Агач. В трех районах были приняты предложения в духе указанных мною выше установок, в районе же Тезиковой дачи было принято предложение о внесении доверия Временному правительству. Произошло это потому, что товарищ, который был назначен докладчиком, рабочий из Красновосточных мастерских, Желдаков оказался меньшевиком и поэтому наши предложения были провалены.

Несмотря на то, что ко второму краевому с'езду РС-ДРП, который происходил в Ташкенте в конце июня 1917 г., главным образом, на предприятиях были довольно сильные группы социал-демократов, по преимуществу большевистские, все же перед партийным с'ездом не был поставлен вопрос не только о выделении самостоятельной большевистской организации, но почти, не было принято мер к тому, чтобы на с'езде получить большинство голосов, а для этого нужно было пойти даже на то, чтобы послать своих товарищей для организационной работы из Ташкента в другие районы.

Теперь, когда анализируешь ход событий того периода, приходится признать, что мы были слишком осторожны, боялись, что могут побить с таким трудом сколоченный актив и что у нас не было еще достаточной большевистской устойчивости и смелости.

Собравшийся 21 июня с'езд был в абсолютном большинстве своем меньшевистским. Из 31 человека, присутствовавших на с'езде с решающим и совещательным голосом, большевиков было только 7 человек.

Муравейский в своей статье дал неверный подсчет количества большевиков. На с'езде присутствовали следующие большевики: Бауман, Михайличев, Шумилов, Цируль, Чиликов, Солькин, Сорокина М. П. Остальных делегатов с'езда Муравейский характеризует правильно.

Повестка дня с'езда была следующая:

1. Вопросы партийной жизни и организации.
   а) Партийное об'единение.
   б) Нормальный устав партийных организаций.
   в) Областные и Краевые органы.
   г) Партийная краевая газета и издательство.
2. Вопросы тактики.
   а) Соглашение с социалистическими партиями.
   б) Отношение к Совету С и Р Д и других общественных организаций.
3. Аграрный вопрос в России и Туркестане (Колонизация, ирригация и переселение).
4. Национальный вопрос в Туркестане.
   а) Работа среди мусульман.
5. Выборы в Учредительное собрание.
6. Муниципальный вопрос.
7. Профессиональное движение и формы экономической борьбы в настоящее время.
8. Отношение к войне и интернационалу.
9. Отношение к коалиционному министерству и его местным врагам.
10. Выборы делегатов в Краевое бюро РС-ДРП.

Состав с'езда следующий: большевиков и примыкающих к ним 11 человек, меньшевиков-интернационалистов—4 ч., меньшевиков оборонцев—11 ч., группы „Единства"—3 ч., Бунда—1 не выяснен—1.

Были представлены следующие организации: Андижанская (Данишевский мен. обор.), Асхабадская (Белиев М.), Кокандская (Вайнштейн м.-инт., Виноградов, Федоров больш., шатающийся, Бройтман м.-обор.), Красноводская (Левин „Ел."), Промысла „Санто" (Хностовский „Ед".), Самаркандская (Скворцев м.-обор., Мауер м.-обор.), Скобелевская (Крутиков бол.), Ташкентская (Бауман бол., Бройдо м.-обор., Бельков м.-обор, Михайлевич бол., Гауман м.-обор., Демидов м.-инт., Ляпии м.-обор., Солькин бол., Сорокина бол. Такайшвили м.-инт., Черданцев м.

инт., Черневский бол., Чиликов бол., Шумилов бол.), Чарджуйская (Погребов „Ед.“), Чимкентская (Михалев м-обор, Морозов бол. шатающийся, Бунд Богод), Латышская группа с.-д. (Цируль бол.), Туркестанская (Линдерверт сов. гол). Представитель Поалейцион допущен на с'езд не был, несмотря на его настойчивые требования.

По профессии делегаты распределялись следующим образом: врачей 2, инженеров 2, учителей 3, мировых судей 1, статистик 1, агрономов 1, служащих 5, студент 1, конторщиков 3, техников 3, машинист 1, слесарь 1, токарь 1, бондарь 1, неизвестной профессии 5, цифры сами говорят за себя.

Средняя продолжительность работы в партии на каждого участника с'езда выражается—7 лет. Двое членов с'езда принимали участие на Лондонском с'езде РС-ДРП, двое на первом Туркестанском Краевом с'езде.

Таким образом, наметилось два течения: одно интернационалистическое в 16 человек и другое—оборонческое в 14 чел. Однако, неустойчивость отдельных членов с'езда вызвала колебание в количестве голосов то в ту, то в другую сторону. Верх брал обычно „центр“. В президиум вошли: Демидов, Вайнштейн, Такайшвили и секретарем—Черданцев.

(Муравейский. Второй Туркестанский краевой с'езд РС-ДРП. «Коммунист» № 5—6 1922 г. стр. 76—77).

По вопросу об отношении к Временному правительству была принята меньшевистская резолюция о полном доверии Временному правительству с предложением всем партийным организациям на местах руководствоваться этим решением. Против этой резолюции голосовало 6 человек большевиков. Поведение большевиков на с'езде ни в коем случае не отвечало их партийной принадлежности. Большевики допустили принятие по всем решающим вопросам меньшевистских резолюций.

Только по вопросу об отношении к Временному правительству большевики голосовали против, но по остальным вопросам они, в лучшем случае, воздерживались. Все это говорит за то, что представители большевиков на втором Краевом с'езде РС-ДСП Туркестана в то время еще не были настоящими выдержанными большевиками и еще не изжили некоторые меньшевистские иллюзии.

Что касается движения среди коренных национальностей за этот период, то надо отметить издание бухарским эмиром под давлением младобухарцев и народных масс манифеста о даровании свобод в кавычках. Народ в ожидании крупных реформ волновался и, наконец, потеряв всякие надежды, решил обратиться за помощью к эмиру. Младобухарцами (джадиды) 8 апреля была организована манифестация, которая была разогнана. По официальным данным до десятка человек было избито, на самом же деле убитых и раненых было больше сотни.

ГЛАВА V

НАРАСТАНИЕ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ МАСС

С половины июня начали усиленно готовиться к перевыборам в городскую Думу. По предприятиям происходили митинги, выступали социал-демократы и эсеры. Проводились собрания по районам и в старом городе, где главную скрипку играли улемисты. Было выставлено 16 кандидатских списков. Голосование производилось тайное: по районам стояли урны, куда и опускались избирательные билеты. Выборы закончились 30 июля. В результате подсчета голосов социал-демократы получили в Думе 5 мест (2946 голосов), от социал-демократии прошли все меньшевики).

Список № 2 — социалисты-революционеры получили 24 места (15753), список № 3 — улема получили 62 места (40302), список № 4 — домовладельцы — 2 места, список № 5 — союз мастеровых мусульман — 1 место, список № 6 — радикал-демократ — 2 места, список № 7 — евреи г. Ташкента — 1 место, список № 8 — совет общественных организаций — 2 места, список № 10 — мусульманская об'единенная организация — 11 мест, список № 12 — казачий круг — 1 место, список № 14 — туземные евреи — 1 место, список № 9 (союз строительных рабочих), № 11 (союз служащих торговых предприятий), список № 13 (кадеты), список № 15 (союз солдаток) и список № 16 (союз интеллигентных женщин) мест в думе не получили [1]).

В июне происходили перевыборы Ташкентского совета, председателем которого был избран т. Бройдо.

Июльское выступление петроградских рабочих не нашло соответствующего отклика как в Ташкенте, так и в других городах Средней Азии. Об'ясняется это тем, что газеты приходили с опозданием на 5 или 6 суток, приходилось пользоваться только слухами, а официальным сообщениям мы верить не могли, так как они исходили от Временного правительства и поэтому такие события как выступления рабочих 3—5 июля изображались так, как это было выгодно буржуазии.

Местные газеты были заполнены официальными сообщениями, дополненными местным творчеством, и в них обвинялись не только большевики, которые обзывались „предателями"—

[1]) Данные взяты из «Туркестанских ведомостей» 170 от 3 августа 1917 г.

607—4 *

„изменниками революции", „пособниками Германии" и т. д., но и все петроградские рабочие. Мы же, будучи совершенно не в курсе происходящих событий, как могли, так и раз'ясняли рабочим лживость сообщений, печатавшихся в газетах.

Меньшевистско-эсеровский Краевой исполнительный комитет, получив телеграмму от такого же в большинстве своем меншевистски-эсеровского Всероссийского центрального исполнительного комитета советов о событиях 3—4 июля, уже 7 числа дал ответ, в котором выражал полное доверие Центральному исполнительному комитету и требовал принятия решительных мер против „дезорганизаторов" революционной демократии.

На 11 июля была созвана краевая конференция представителей областных советов рабочих и солдатских депутатов и социалистических партий. Было принято решение, одобрявшее постановление центрального исполнительного комитета о предоставлении всей полноты власти Временному правительству и о необходимости поднятия дисциплины в армии.

После июльских событий в Петрограде, которые на многое открыли рабочим глаза в среде рабочих и солдат, в Ташкенте стал решительно намечаться революционный под'ем. Нарастание революционного кризиса заставило интеллигенцию более четко определить свое отношение к революции. Часть ее отшатнулась от революции и пошла в ногу с буржуазией, но некоторая, лучшая ее часть стала приближаться к большевикам. Именно с этого момента Тоболин, Сорокина, М. П., Чернов, Цвилинг, Цируль, Финкельштейн (оба), Голятовский начали вести активную работу вскоре заняв руководящую роль.

Среди рабочих также произошел резкий перелом. Так например, у красновосточников активными большевиками являлись тт. Першин, А. Казаков, Шмаков, Колесников, Рубцов, Бобровский, Ряховский П., Белозеров и др. В Первомайских мастерских были Шумилов, Отто, Елисеев, Колесов, Бобруйко, Манжара, Федорин, Гавазя, в пассажирском депо — Кафанов, Рогозин, Отрепьев, в союзе металлистов — Гаврилов и Березовский.

Я назвал группу рабочих, которая с момента Февральской революции вплоть до Октября была организатором рабочих масс. Остальные же, о которых я раньше упоминал, которые были избраны в первый состав совета, почти все так и остались меньшевиками. Конечно, это не значит, что работу вели только те, которых я перечислил. Было много других товарищей, но основной актив состоял из указанных мною.

Исходя из этих фактов, товарищи, которые не принимали непосредственного участия в революционном движении Средней Азии, и в частности в Ташкенте в этот период, вправе задать вопрос: — почему же при наличии уже сложившейся большевистской группы резко не был поставлен вопрос о выделении большевиков в самостоятельную организацию, почему они не вышли из меньшевистского болота? Тут, конечно, была до-

пущена ошибка. Во-первых, надо было послать человек двух в центр: информировать центральный Комитет партии большевиков и наладить с ним связь, а от него получить установки. Но этого нами не было сделано. Во-вторых и это — главное, мы не понимали еще тогда что „непримиримейшая пропаганда интернационализма и борьбы с республиканским шовинизмом и социал-шовинизмом всюду и в прессе и внутри Совета рабочих депутатов организация нашей[1]) партии — в этом суть". (Ленин т. XX, изд. 3-е, стр. 55).

Примерно, через месяц, числа 10—12 августа состоялось расширенное совещание, созванное по инициативе Ташкентского совета и Краевого исполкома. В совещании участвовали: Краевой исполком, Сыр-Дарьинский областной совет, Ташкентский исполком полковых и ротных комитетов, представители профсоюзов. Из большевиков присутствовали: Тоболин, Шумилов и Першин. На совещании обсуждался вопрос о текущем моменте. После долгих прений Тоболиным была предложена резолюция, которую приведу целиком.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ И ВОЙНА

1. Борьба империалистических держав переносится на все решительно страны, приобретая размах всеобщего мирового столкновения. Наряду с расширением сферы войны, ее затягиванию способствует и борьба мировой буржуазии против назревающей пролетарской революции путем сохранения режима военной диктатуры и раздробления сил международного пролетариата.

2. Наиболее опасным моментом для империалистов всех стран является русская революция, как первое выступление масс, грозящее в ходе развития превратиться в непосредственное выступление их против войны и империализма и втянуть в эту борьбу пролетарские массы других стран.

3. С самого начала революции империалисты союзных стран и контрреволюционные силы России открыли против нее поход, выразившийся в прямом вмешательстве союзных властей во внутренние дела России, в финансирование контрреволюции английским капиталом, и, наконец, в требовании перехода в наступление, несмотря на абсолютную неподготовленность к нему русской армии.

4. Победа сторонников политики наступления в России привела к новому под'ему шовинизма во всех странах, к усилению империалистической литературы и к созданию условий, затрудняющих работу интернациональных социалистов.

5. Верхние слои мелкой буржуазии и крестьянства, а также часть рабочих, не покончивших еще с мелкобуржуазными иллюзиями, оказались втянутыми в русло общей империалистической политики. В этом отношении произошло полное уравнение политики социал-патриотов всех стран, окончательно превратившихся в России в прямых агентов империализма. Группы эти помогли контрреволюционному финансовому капиталу ослабить значение России как очага революции международной.

6. Кампания за мир путем «давления» на сознание правительства, предпринятая советами, отказавшимися на деле от разрыва с империализмом, не могла не потерпеть жестокого краха, подтверждая правильность точки зрения революционного пролетариата, что лишь революционная борьба масс во всех странах против империализма, интернациональная пролетарская революция сможет привести к демократическому миру.

---

[1]) Подчеркнуто Лениным.

7. Единственным способом действительно демократической ликвидации этой войны для международного пролетариата является завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством. Только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способны на деле роста международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство.

Это предложение было отвергнуто.

В связи с организацией Корниловым контрреволюционного восстания 28 августа в пассажирском депо состоялось собрание, на котором присутствовало до 5 тыс. рабочих не только железнодорожников, но и рабочих других предприятий. На собрании выступали тт. Тоболин, Вайнштейн и несколько рабочих. Нужно сказать, что такого революционного под'ема, вылившегося в грандиознейшую манифестацию, я не видел с момента Февральской революции.

В эти дни рабочие Ташкента показали свою силу, организованность и мощь рабочего класса. Была принята резолюция, требующая расправы над восставшим контрреволюционным генералом Корниловым и его помощниками и передачи власти советам. По окончании митинга все рабочие, как один, стройными рядами со знаменами, на которых были лозунги: „Вся власть советам", двинулись через Казачью слободку (ныне Октябрьскую) к Дому советов (тогда он назывался Домом свободы). Когда проходили мимо казарм первого сибирского полка к демострации присоединилась часть солдат.

На второй день после манифестации было опубликовано в „Нашей газете" воззвание Краевого туркестанского бюро РС-ДРП и распространены листовки с лозунгами: „Вся власть советам". Текст воззвания следующий:

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ-ГРАЖДАНЕ.

Пробил час борьбы!

Под угрозой раскрыть фронт немецким войскам верховный главнокомандующий Корнилов пред'явил Временному правительству требование о передаче ему всей полноты гражданской и военной власти.

Ныне, когда это наглое предложение отвергнуто, генерал Корнилов восстал против Временного правительства и идет на Петроград.

С ним наиболее темные войсковые части, предательски и безжалостно обманутые. Во главе их те офицеры, которые возненавидели новые порядки, сделавшие солдат равноправными членами боевой семьи.

Ради того, чтобы вернулись времена безответственной власти над подчиненными,—эти иуды продали свободу и родину.

Корнилова поддерживают все, кому выгодно угнетение и бесправие народа.

С ним черная Государственная дума, составленная из помощников, теряющих с победой революции свои земли, политые крестьянским потом и кровью.

С ним хищники-капиталисты, напугавшиеся побед и завоеваний рабочего класса, понимающие, что его мощно растущая организация готовит гибель их всемогущей власти.

Корнилова приветствуют и ему служит предательская партия буржуазии—кадеты, еще недавно рукоплескавшие на Московском совещании его призывам к борьбе против органов революционных войск—армейских комитетов.

Все гады, все змеи с ними!

Против него вся демократическая свободная Россия, во главе с высшим органом революционной демократии—Центральным исполнительным комитетом совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Миллионы верных революционных войск.

Все рабочие, все крестьяне, вся мощь, вся жизнь страны.

Двух исходов не может быть из этой борьбы. Изменник падает под ударами свободного народа.

Российская социал-демократическая рабочая партия, всегда боровшаяся за свободу в первом ряду революции, обращается с боевым призывом.

К вам, товарищи рабочие!

К вам, товарищи солдаты!

К вам, свободные граждане!

Ко всем, кому ненавистно рабство, кому дорога свобода, завоеванная мозолистыми руками!

Ни часу промедления, ни минуты растерянности и испуга!

Конец малодушной политике соглашательства и уступок!

Союз с буржуазией, обращенной победным развитием революции в лагерь врагов свободы, принес роковые плоды.

Коалиционное правительство, попытки в союзе с буржуазными партиями, врагами народа, крепить завоевания революции, вырастили диктатора.

Настало время прозреть и увидеть.

Только в быстроте и организованности действия революционной демократии *спасение* и победа.

Ни колебаний, ни сомнений!

Немедленно должна быть разогнана Государственная дума—оплот реакции. Буржуазные министры немедленно должны уйти из состава правительства.

В революционной России вся власть должна принадлежать революционному народу и созданным им органам—советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вся полнота, вся мощь высшей государственной власти отныне до созыва учредительного собрания должна сосредоточиться в руках советов.

Защита революции и скорейшая ликвидация губительной войны может быть организована только самой революцией и никем больше.

Партия пролетариата готова к борьбе и смерти за свободу. Развернуты славные боевые знамена.

Она зовет вас, товарищи, плотно несокрушимой стеной сомкнуться вокруг советов.

Под руководством своих полномочных органов революции вся демократия Туркестана встанет на защиту завоеваний революции и свободы в полном единении и согласии с революционной демократией всей России.

Рабочие, солдаты и все свободные граждане! Сила революции в организации и дисциплине.

Не поддавайтесь провокационным призывам, не предпринимайте разрозненных выступлений которых, только и ждет притаившаяся контрреволюция.

Победа наша неизбежна, ее залог в нашей организованности и готовности к борьбе.

Вечный позор и гибель предателям свободы!

Долой черную Думу!

Долой министров-капиталистов!

Вся власть советам!

Да здравствует Учредительное собрание!

Да здравствует мир и братство народов!

Да здравствует социализм!

Да светит над нами солнце революции и победы!

Туркестанское краевое бюро Российской социал-демократической рабочей партии.

29 августа было создано краевое демократическое совещание совместно с социалистическими партиями по вопросу о власти. Присутствовавшей на этом совещании группой большевиков вносится предложение о передаче власти советам. Предложение было отклонено. Того же числа состоялось заседание Ташкентского совета, где обсуждался внесенный группой большевиков вопрос о передаче власти советам. Предложение и здесь также было отклонено.

Таким образом, в этот период уже открыто выбрасывались большевистские лозунги, которые воспринимались среди рабочих, готовых итти в бой. Наряду с этим предложения, вносимые большевиками на разного рода собраниях, совещаниях и заседаниях исполкомов, краевого и городского совета, отклонялись. Да иначе и быть не могло. Ведь почти во всех организациях, почти везде во главе их сидели меньшевики, эсеры, кадеты и т. д.

Надо отметить, что одновременно с нами лозунг „вся власть советам“ провозглашал и меньшевик Вайнштейн, хотя он и думал (правда, вслух не говорил) о советах без большевиков. И были случаи, когда Вайнштейн или Демидов на рабочих и даже партийных собраниях, говоря под давлением масс о власти

советов, протаскивали в то же время самые настоящие меньшевистские предложения. Тоже проделывали и эсеры.

Почему это происходило? Потому, что мы входили в об'единенную социал-демократическую рабочую партию и поэтому отчасти шли на компромиссы, выносили компромиссные решения, качались сами и заставляли качаться рабочих.

Мы не выполнили основного ленинского требования, выдвинутого им еще в апреле 1917 года. Ленин формулировал следующим образом: „Я слышу, что в России идет об'единительная тенденция, об'единение с оборонцами. Это—предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110".

(Ленин. Речь на совещании большевиков членов ВКСР и СД 17 апреля 1917 года. т. XX, изд. 3-е, стр. 83).

Мы еще не разобрались в том, на что вскоре после июльских дней указывал тов. Ленин, именно, что „мирный период развития революции закончился и, что теперь, когда победила контрреволюция, возглавляемая кадетской партией, взять власть без гражданской войны, без второй революции—нельзя". Мы не разобрались в том, что тов. Сталин, делая доклад о политическом положении на 6-м с'езде партии, говорил так: „Но теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки—значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период не мирный, период схваток и взрывов [1]).

Рабочие все чаще и чаще стали повторять, что надо кончить разговоры и браться за оружие, а в период корниловского восстания на одном митинге прямо заявляли, что нужно об'единиться с солдатами и с оружием в руках взять власть. Характерно, что против этого не было возражений. Наоборот, все присутствовавшие на митинге одобряли такие предложения.

Вот в каких условиях рабочий класс шел к 12 сентября. Недовольство рабочих Временным правительством росло с каждым днем. Разруха надвигалась гигантскими шагами. Назревал продовольственный кризис. Краевая власть бездействовала. Собрания на предприятиях как партийные, так и беспартийные происходили по три-четыре раза в неделю. В большинстве случаев стояли вопросы экономического и продовольственного порядка.

Мы всегда старались раз'яснить их политическую суть внося такие предложения, которые отражали бы недовольство существовавшей властью и требуя перехода власти к советам. У меньшевиков Демидова и Белькова авторитет пал, бывали случаи, когда на собрании их не хотели слушать и демонстративно покидали собрания.

Одновременно росло большевистское влияние и на профессиональные союзы, в особенности на железнодорожные. Оно выражалось в требовании со стороны месткомов больших прав, прав не только контроля над производством, но и непосредст-

---

[1]) СТАЛИН—«На путях к Октябрю», стр. 129.

венного управления. Явно контрреволюционная администрация решительно сопротивлялась этому и на этой почве происходили конфликты между администрацией и месткомами. Дорожные комитеты, а также краевые правления профсоюзов, по своему составу в большинстве меньшевистско-эсеровские, в этих случаях пытались вмешаться в конфликты и противодействовать месткомам, но с ними никто не считался.

Правда, были и такие профсоюзы, как Хлопмасмыло (теперешние текстильщики) союз почтово-телеграфных служащих, союз служащих где сверху донизу очень крепко засели меньшевики и эсеры, которые выносили всегда меньшевистско-эсеровские и кадетские решения в противовес революционно-большевистским.

В старом городе также начал происходить большой перелом. Среди интеллигенции, главным образом молодежи, резко усилился отход от улемистов. Если бы мы, большевики, были тогда сильней,—мы бы приобрели тогда ценнейшие кадры не только агитаторов и борцов за партию и советскую власть из коренного населения, но и после Октября 1917 года смогли бы выдвинуть их на руководящую партийную и советскую работу.

Среди местного населения старого города Ташкента боролось два политических направления. Проводниками большевистского течения были пролетарские элементы старого города, товарищи: Бабаджанов, К. Ходжаев, Н. Ходжаев, Ширинский (татарин) и др. Во главе второго течения — эсеровского—стояли представители татарской интеллигенции: Абдуссатаров, Нагайбаков, узбек Т. Ходжаев и др., которые имели влияние среди зажиточной части населения, где корни мелкобуржуазной идеологии были более крепки. Вот из этих слоев вербовались члены партии социалистов-революционеров в старом городе.

Некоторая часть национальной интеллигенции была нейтральной, а часть, ища выхода, попадала в возникающие тогда под различными названиями всякого рода организации, которые в большинстве в конечном счете превращались в контрреволюционные националистические организации, в пособников возникшего уже в 1918 г. басмачества.

Что же касается рабочих-узбеков: строителей, кожевников, мелких кустарей, то здесь наступил еще более резкий перелом, чем это было с интеллигенцией, в сторону отхода от улемы. Эти рабочие зорко следили за всем, что происходило среди русского пролетариата, в особенности среди железнодорожников, и старались применить это у себя. Я помню, как за несколько дней до сентябрьских событий, к нам, в Бородинские мастерские, пришел, кажется, Бабаджанов, который рассказал, как им тяжело вести работу под напором улемистов и их агитации в старом городе, где было особенно тяжело с продовольствием, главным образом с хлебом.

Ввиду того, что в ближайшее время в районах старого города предполагали обсуждать продовольственный вопрос, он просил нас дать ему совет и помощь, чтобы русские рабочие

пришли в старый город. Мы раз'яснили, ему что нужно делать, и послали в городской партийный комитет. Такие факты доказывают, что часть рабочих и бедноты коренного населения, чувствовала и понимала, кто были их друзья и братья и кто были их врагом.

К сентябрю авторитет Ташкентского совета вырос не только среди ташкентских рабочих, но и среди рабочих других городов. К его голосу прислушивались, в то время как с Краевым исполкомом не считались. Фактически между Краевым и Ташкентским советами все время происходили конфликты.

Одновременно заметно оживилась работа городского комитета партии, в работе которого принимали активное участие тт. Шумилов, работавший там на постоянной работе, а также Тоболин, М. П. Сорокина, Першин и другие, которые не только посещали заседания комитета, но и вели руководящую работу.

В президиум и исполком городского совета входил заместителем председателя т. Першин, в исполком входили т. Шумилов, Тоболин, Гриднев, Финкельштейн. Связь с массами окрепла, что дало возможность группе большевиков, работавшей в партийном комитете и в совете, начать более реально осуществлять свое влияние на партийные и советские организации как ташкентские, так и краевые.

Начиная с 28 августа, не прекращаясь, происходят митинги на предприятиях по разным вопросам. Независимо от обсуждавшегося вопроса, рабочие, в конце-концов, приходили к мнению о необходимости укрепления советов и о передаче им всей власти пока, наконец, Туркестанский комитет Временного правительства не запрещает собирать митинги на 12—13—14—15 сентября. Одновременно Туркестанский комитет Временного правительства закрывает „Нашу газету"—орган Таш. сов., перешедшую к этому времени в руки большевиков. Там в это время руководящую роль в газете играл большевик Цвилинг. К этому запрещению присоединяется и Краевой исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов.

ГЛАВА VI

СЕНТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

Прежде чем перейти к освещению сентябрьских событий необходимо установить, были ли они организованным движением или же они произошли стихийно, как это было в Петрограде 4—5 июля? Ряд товарищей утверждает, что эти события были организованы большевиками. Это утверждение неверно, и вот почему. Мы выбрасываем лозунг „Вся власть советам" до июльских дней и продолжали выдвигать эти же лозунги. Но все мы знаем, что тов. Ленин и наша партия после июльских дней наметила новую линию и это было закреплено решениями VI с'езда партии. Вот, что говорится в 7-м пункте резолюции VI с'езда о политическом положении:

„Лозунг передачи власти советам, выдвинутым первым под'емом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзии.

В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового под'ема".

Но мы, ташкентские большевики, благодаря недостаточно четко налаженной организационной связи с большевистским центром в Петрограде, к этому времени еще вовсе не были осведомлены о принятых на VI с'езде решений партии и по прежнему продолжали свою глубоко ошибочную организационно-тактическую линию единения с меньшевиками — оборонцами. Несмотря на нашу органическую связь с рабочими массами и авторитетности большевистской группы, эта наша ошибачная линия привела к тому, что мы не смогли своевременно рассеять иллюзии о возможности мирного, безболезненного перехода власти к рабочим и предотвратить стихийность выступления трудящихся масс Ташкента в сентябре 1917 года. На ряду с этим мы прекрасно понимали всю нашу неподготовленность к захвату власти революционным путем.

Демонстрация рабочих в Ташкенте 12 сентября возникла стихийно. События начали развертываться с 11 сентября. Движение началось со второго Сибирского полка, где солдатами было обнаружено воровство в пакгаузе. Солдаты заподозрили в этом каптенармуса. Над каптенармусом едва не был произведен самосуд. С трудом удалось недопустить этого, но возмущение среди солдатских масс было настолько велико, что на митинг собрался весь полк. Обсуждалось общее продовольственное положение. Было внесено предложение, немедленно итти и произвести обыск у буржуев, реквизировать все товары. Некоторые даже настаивали на том, чтобы пойти в старый город и „потрясти сартов". Наконец после долгих споров, было принято решение, чтобы 12 сентября в Александровском парке собрать митинг всего гарнизона, где обсудить этот вопрос. Кроме того были избраны делегаты для посылки к рабочим, чтобы об'явить им о решении, состоявшемся во втором полку, пригласить рабочих на митинг, а также осмотреть железнодорожные склады.

В этот же самый день среди рабочих разнесся слух, что почти все товары и продовольственные грузы, идущие в Ташкент, в особенности хлеб, переадресовываются и направляются в Бухару, а часть из них направляется в старый город. И действительно, после проверки выяснилось, что, примерно, уже с июля месяца все ташкентские грузополучатели — торговцы, по договоренности с начальником станции и по его указанию, переадресовывали продовольствие — хлеб, сахар и т. д. на станцию Старая Бухара, чем хотели создать искусственное обострение продовольственного кризиса на тот случай, если бы власть перешла в руки советов. Что же касается старого города, то туда увозили товары на склады, так же как и в новом городе, но, однако, провокаторы главный удар направили именно на старый город.

Поддавшиеся на эту капиталистическую провокацию некоторые рабочие требовали итти в старый город и произвести обыски не только по складам, но и по дворам. Нашлись провокаторы, которые даже приводили факты, будто им кто-то говорил, что он сам-де видел, как хлеб, сахар, мануфактуру и т. д. увозили с вокзала в старый город и развозили по дворам.

Рабочие были сильно возмущены спекулятивным ажиотажем, требовали принятия немедленных мер. Мы с трудом уговорили рабочих, что будут приняты необходимые меры, но все же пришлось внести предложение о выборе представителей рабочих для посылки их на мельницу и в железнодорожные пакгаузы в качестве контролеров.

Что торговцы действительно прятали продовольствие и переадресовывали вагоны в Старую Бухару, это проверка подтвердила. Верным оказалось также, что торговцы как в новом, так и в старом городе прятали хлеб, сахар, мануфактуру и другие продукты. Но комитет Временного правительства при поддержке Краевого исполнительного комитета хотел это использовать,

чтобы спровоцировать рабочих и солдат на преждевременное восстание, для чего и был пущен в ход испытанный буржуазией метод провокации — натравливание одной национальности на другую.

Комитет Временного правительства и Краевой исполком прекрасно знали, что ташкентский пролетариат и солдаты волнуются, что являлось угрозой для дальнейшего существования власти буржуазии. Им нужно было устранить эту опасность и поэтому был избран такой метод борьбы. Недаром же Наливкин 13-го дает Керенскому телеграмму: „В Ташкенте происходят эксцессы со стороны рабочих и солдат, есть нападение на туземную часть города".

В случае удачи затеи Временного правительства был бы подорван авторитет ташкентских рабочих и солдат в глазах не только остальной части пролетариата, работающего в других городах Средней Азии, и семимиллионного коренного населения, но и в глазах всего российского пролетариата. Тем более, что, например, в Оренбурге, Самаре и других городах были распространены слухи будто в Ташкенте происходят грабежи, режут население и т. д. И это дало бы повод к более ускоренной присылке в Ташкент верных Временному правительству военных сил (после сентябрьских событий и без этого был прислан Коровиченко) и тогда надолго ташкентский пролетариат был бы выбит из революционной колеи.

В самом деле, что получилось бы, если бы был допущен обыск, как это требовали 11—12 сентября солдаты и рабочие, поддавшиеся провокации? Ведь в старом городе также знали о том, что рабочие и солдаты требуют обыска в старом городе и, конечно, баи и муллы, а также крупные торговцы готовились к отражению нападения и в результате была бы резня. И если бы это произошло, то была бы сделана громаднейшая, неизгладимая политическая ошибка. В том то и состоит заслуга ташкентских большевиков, что они сделали все, чтобы не допустить подобного выступления.

В этом деле большевики действительно были организаторами сентябрьских событий. Я этим не хочу сказать, что мы не должны были предпринимать революционных мер в целях изъятия хлеба и других продуктов у буржуазии, в том числе и старогородской, чтобы накормить голодных рабочих и прежде всего старогородскую бедноту, но это нужно было сделать другими методами, что и было впоследствии проведено.

Я уже говорил, что 11 сентября нам удалось успокоить рабочих, но на следующий день рабочие узнав о выступлении солдат 2-го полка, а также о приходе их с обыском на склад и вокзал, опять заволновались и заявили, что они пойдут в Александровский парк для участия в собрании совместно с солдатами. Между прочим, тов. Шумилов еще утром сообщил по телефону, что среди солдат и рабочих идет сильное брожение, главным образом, из-за продовольственного вопроса и предупредил, что надо быть осторож-

ным и принять необходимые меры в целях недопущения каких-либо неорганизованных выступлений. Примерно, к двум часам атмосфера так накалилась, что удержать рабочих уже не было никакой возможности. Рабочие, бросив работу, двинулись в Александровский парк. В парке уже были солдаты, но не весь гарнизон, а солдаты из отдельных частей. Вскоре пришли красновосточники и митинг открылся. То и дело раздавались выкрики о реквизиции товаров, в особенности, когда говорил Шмидт—анархист, бывший, после Октября представителем в Бухаре, а затем сбежавший в Афганистан. Своим выступлением он так разжег массу, что после его речи стали еще больше настаивать на немедленной реквизиции товаров. Затем выступали рабочие: Шмаков, Белозеров и другие, последними выступали: Вайнштейн—меньшевик, Тоболин—большевик и Котельников—эсер. В результате их речей масса успокоилась и вполне согласилась с тем, чтобы сменить краевую власть и вместо нее, впредь до созыва Краевого с'езда советов, организовать Временный революционный комитет, в самом же Ташкенте всю власть немедленно передать Ташкентскому совету.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Предложенная большевиками и принятая на митинге рабочих и солдат Ташкента 12 августа 1917 года в парке Федерации.

Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия в лице I и II Сибирских полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Среднеазиатской железной дороги и представители революционной демократии г. Ташкента, собравшись 12 сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения оно видит выход:

1. В немедленной реквизиции находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, что может исполнить только местная власть, опирающаяся исключительно на Советы Р С Кр Д.

2. В осуществлении полного контроля над производством и распределением продуктов.

3. В национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение.

4. В правильном обмене продуктов между деревней и городом с тем, чтобы крестьяне могли получить мануфактуру, городские продукты и сельхозорудия, а городское население хлеб.

5. В немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства.

6. В издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов.

7. В немедленном издании закона о страховании безработных, за счет предпринимателей.

8. Все изложенное может быть осуществлено только при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов С Р и Кр Д.

9. Немедленное образование революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего же дня взял бы всю полноту власти, произвел бы немедленный учет всех необходимых продуктов и взял бы на себя их распределение.

Касаясь организации власти на месте, собрание считает необходимым немедленное принятие всей полноты власти советом Р. Кр. и Д.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Среднеазиатском Музее революции.

В Ревком было избрано 14 чел., из них 5 большевиков, во главе с Тоболиным, 2 меньшевика, остальные эсеры. К этому времени партия эсеров разделилась уже на левых и правых. Тут же было предложено вновь избранному Ревкому и Совету собраться в 6 часов вечера в Доме свободы на заседание.

В 6 часов вечера во двор Дома свободы, вмещающего более 5 тысяч человек, собрались рабочие, пришедшие на заседание Совета. Совет заседал в зале, но по требованию рабочих вышел на двор и продолжал обсуждение поставленных вопросов. Примерно, в 8 часов вечера сообщили, что Дом свободы окружен школой прапорщиков, а Ревком по приказанию командующего войсками Черкеса арестован. Услыхав об этом, члены Совета и рабочие заявили, что они не разойдутся до тех пор, пока юнкера не уйдут и не будут освобождены члены Ревкома. На заседание для об'яснений потребовали командующего войсками Черкеса и прокурора.

Явившийся Черкес был встречен криками: «долой». Ему не дали даже об'ясниться. Рабочие стали вскакивать на террасу и окружать Черкеса. Черкес, понял, что дело плохо, выхватил шашку и, размахивая ею вокруг себя, стал пробивать себе дорогу к окну, выскочил через него и скрылся. Тут же по требованию совета прокурор освободил арестованных членов Ревкома.

Солдатам первого полка сообщили, что Ревком арестован и Дом свободы окружен юнкерами. Немедленно же от этого полка последовал ультиматум, что в случае если через пять минут Ревком не будет освобожден и юнкера не уйдут, то полк выступит в полном вооруженном составе. После такого заявления юнкера были сняты и Совет смог продолжать работу.

На повестке дня остался один вопрос: выборы президиума и исполкома. В результате голосования избирается президиум и исполком в абсолютном большинстве своем эсеровские. Председателем исполкома оказался эсер Черневский, секретарем—большевик Солькин, вместо Черкеса, командующим войсками был избран поручик Перфильев (эсер-максималист) и комиссаром к нему—Вайнштейн (меньшевик), комендантом города прапорщик Гриневич (эсер). Таким образом, в этом составе президиума Исполкома почти все руководство оказалось в руках эсеров. Согласно решения Совета, 13 сентября было разослано и опубликовано следующее обращение к областным советам:

„Высший орган демократии края Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, не отражающий взглядов широких масс революционной демократии, в связи с продовольственной разрухой, грозящей краю страшными бедствиями, не принявший мер к защите интересов трудовых масс населения и нанесшей удар делу революции арестом по его указанию командующего войсками Черкесом Временного революционного

комитета Ташкента, действовавшего в полном контакте с советом солдатских и рабочих депутатов, отрешен временным Революционным комитетом и Исполнительным комитетом совета солдатских и рабочих депутатов, к которым и перешла вся полнота власти. Ввиду крайней необходимости немедленной организации временной краевой власти советов, впредь до созыва краевого с'езда советов, к чему приняты энергичные меры, просим немедленно делегировать по два представителя областных советов, по два представителя местных городских советов рабочих депутатов, по одному представителю мусульманских советов рабочих депутатов, по два представителя социалистических партий города для образования временного Краевого совета делегатов. С мандатами присылайте к двадцатому октября. Подробно о событиях сообщим дополнительно. В Ташкенте нормальный порядок".

Исполнительный комитет Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов и Временный революционный Комитет.

Председатель Исп. ком. сов. сол. и раб. деп. *И. Черневский.*

Секретарь *Солькин.*

Туркестанский комитет Временного правительства в лице своего представителя Наливкина также начинает действовать. Он рассылает на места телеграммы следующего содержания:

12 сентября в Ташкенте на немногочисленном митинге, созванном безответственными лицами для обсуждения продовольственного вопроса, была избрана группа, назвавшая себя Временным революционным комитетом, и пытавшаяся ныне, совместно с неправильно избранным исполнительным комитетом Совета солдатских и рабочих депутатов города Ташкента, захватить власть в крае в свои руки, причем ими отстранен от должности командующий войсками генерал Черкес и назначен поручик Перфильев. Ввиду внесенной названной организацией смуты в жизнь края, считаем гражданским долгом напомнить, что источником власти попрежнему остается Временное правительство и поставленные ими перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского комитета. В сознании важности лежащей на нем ответственности, Туркестанский комитет об'является во всеобщее сведение, что он, не признавая за названными выше организациями права на власть, предлагает сохранить полное спокойствие и подчиняться распоряжениям одного только Временного правительства»

Председатель Туркестанского комитета Временного правительства *Наливкин..*

Одновременно Наливкин телеграфирует Керенскому о происшедшем:

Петроград. Председателю Совета Министров, Военному министру, министру Юстиции.

Двенадцатого сентября в Ташкенте на митинге образовался временный революционный комитет, опирающийся главным образом на солдат первого и второго сибирских запасных полков, частью на местных рабочих. Образованию митинга предшествовала погромная агитация, высказывались требования захвата банков, власти, производства обысков в туземной части города. Одиннадцатого, накануне мусульманского праздника на вокзале были задержаны пассажиры-туземцы, с отобранием багажа, под видом воспрепятствования увозу продовольственных припасов. Одновременно с образованием комитета был переизбран Совет рабочих и

солдатских депутатов. Вследствие постановления революционного комитета, относительно захвата власти, командующий войсками Черкес совместно с комитетом Краевого совета солдатских и рабочих депутатов при содействии школы прапорщиков военного училища арестовал членов новой революционной организации. Присутствуя вскоре на заседании Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов, Черкес подвергался избиению. Распоряжением прокурора арестованные были освобождены. После избиения Черкес скрылся, неизвестно где находится. Революционный комитет отстранил Черкеса от командования, издал приказ об его аресте, назначил командующего войсками поручика Перфильева, комендантом города прапорщика Гриневича и в воззвании к населению об'явил о переходе в его руки власти. Начальник военных сообщений полковник Михайлов, начальник школы прапорщиков полковник Савицкий, командир роты прапорщиков капитан Фролов арестованы. Делаются попытки арестовать членов Краевого совета рабочих и солдатских депутатов, для чего днем и ночью производятся повторные обыски в частных домах, у областного комиссара и в доме Туркестанского комитета. Школа прапорщиков разоружена, военное училище присоединилось к новому комитету. Настроение в городе крайне тревожное. Туземцы основательно опасаются повальных обысков и насилий. Возможны серьезные осложнения. Просим немедленно назначить командующего войсками из Петрограда.

Просим приказания об освобождений арестованных.

Председатель Туркестанского комитета Временного правительства
Наливкин.

Что делал в это время Краевой исполком? Он решил перебраться в другое место и во главе с В. Чайкиным бежит в гор. Скобелев (теперешняя Фергана). Место было избрано подходящее, так как всем известно, что Скобелев в то время был населен исключительно русскими чиновниками и военными,—поэтому там было сосредоточено много контрреволюционеров. Фактически Краевой исполком бездействовал, всем управлял комитет Временного правительства во главе с Наливкиным и Шендриковым.

Была ли оказана поддержка Ревкому и Ташкентскому совету со стороны других городов Средней Азии после всего происшедшего и после разосланного обращения? Нужно сказать, что за исключением Чимкента, Асхабада, Катта-Кургана и Перовска, которые телеграфно сообщили, что они одобряют все действия Ревкома и Ташкентского совета и предлагают стойко держаться, из других мест никаких сведений не было получено. Таким образом, Ревком пока опирался только на Ташкентский совет, в котором также не все было спокойно, я уже говорил, что почти весь руководящий состав был эсеровский. Председатель Совета Н. Черневский (эсер) совершенно не умел руководить, бегал по комнатам, кричал, звонил по телефону, давал несуразные распоряжения и вносил только путаницу. Даже его партийные товарищи левые эсеры видели всю его непригодность, как председателя, но они не хотели поднимать вопроса о перевыборах, боясь, что во время этих последних перевес может оказаться на стороне большевиков.

Среди социал-демократов, меньшевиков, были Вайнштейн, Черданцев, Демидов, Чичерин, Парфенов, Анфиров и др. О Бельскове и говорить нечего, так как он явно стал на сторону контр-

революции и вместе с правым эсером Терлецким подписывал арест Ревкома. К меньшевикам примкнула и часть рабочих: Розенкевич, Дворянов, Желдаков. Меньшевики, увидев, что они своими фразами, революционными по форме, контрреволюционными по содержанию, не смогут удержать революционного напора масс, наметили пути к отступлению и поэтому начали уже открыто говорить о нецелесообразности существования Революционного комитета, а главное, начали действовать в целях свержения этого последнего при помощи профсоюзов. Так, например, с согласия меньшевиков и эсеров, на собрании почтово-телеграфных служащих 15 сентября была принята следующая резолюция:

«Обсудив всесторонне происходящие события в городе Ташкенте, носящие явно анархический характер и принимая во внимание: 1) что полнотой власти ныне обладает лишь Временное правительство в лице Туркестанского комитета; 2) что совершенно не имеется никаких оснований к изменению отношения своего к этому правительству, поддерживать которое в переживаемый критический момент повелевает долг каждого для спасения завоевания революции; 3) что самочинный захват власти в гор. Ташкенте, с применением даже грубой силы, именующим себя «Революционным» комитетом, созданным на митинге без участия большинства организованной демократии города Ташкента, уподобляется приему Корнилова и способствует не только наступлению реакции, но и неминуемо повлечет за собой кровавую борьбу во всем крае—где настроение туземного населения крайне тревожное; 4) что игнорирование «Революционным комитетом» Краевого совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, являющегося верховным органом организованной демократии всего края и созданного всеобщим, прямым и тайным голосованием на Краевом с'езде, совершенно незаконномерно и преступно, как подрывающее авторитет этого органа; 5) что вопрос о новой власти в Российской республике будет решен на демократическом совещании, что поэтому этот вопрос разрешению здесь в Ташкенте не может подлежать; 6) что указания «Революционного комитета» в выпущенном воззвании на допущение продовольственными организациями бездействия не соответствуют действительности, так как фактическими данными подтверждается совершенно обратное, ибо этими организациями принимались все меры к обеспечению продовольствием населения края, если же и испытывались некоторые затруднения в продовольствии, то это происходило совершено по независимым от продовольственных организаций причинам.

— Соединенное общее собрание служащих почтово-телеграфных учреждений города Ташкента, при участии краевого почтово-телеграфного совета, постановило:

1. Подтвердить вновь свое решение о поддержке Временного правительства.

2. Просить срочно по телеграфу Временное правительство назначить следствие по поводу происшедшего события в Ташкенте и о предании виновных революционному суду.

3. Способствовать всеми мерами к недопущению анархии и подобных контрреволюционных выступлений, усугубляющих политико-экономическую разруху.

4. Настоящую резолюцию сообщить Туркестанскому комитету временного правительства, Краевому совету солдатских, крестьянских, рабочих и мусульманских депутатов, Центральному комитету всероссийского почтово-телеграфного союза, поместить в печати и передать циркулярно по округу.

Председатель собрания *Волков.*

Секретарь *Вистин*

Кроме того, все более и более затруднительное положение с продовольствием давало повод к антисоветской агитации. Обещания, которые давались Ревкомом и Ташкентским Исполкомом, почти не выполнялись, что еще больше усиливало реакцию. Так, например, в тот же день, 15-го, вечером на собрании об'единенных профсоюзов, главным образом служащих разных наименований и категорий, также в присутствии представителей партии меньшевиков и эсеров, была принята резолюция следующего содержания:

„Признавая всю полноту власти в Туркестане только за комитетом Временного правительства, соединенное собрание правлений профессиональных организаций гор. Ташкента категорически протестует против анархических и самочинных выступлений безответственной толпы людей, выразившихся в последние дни в Ташкенте в захвате ею власти и Краевого совета рабочих и солдатских депутатов и требует в виду крайней опасности для края от провокационных выступлений среди туземного населения сорганизовавшегося за эти дни Временного революционного комитета, грозящих возмущением этого населения и повторения кровавых событий прошлого года: 1) немедленного ареста и предания суду упомянутого Временного ревслюционного комитета и его ставленников; 2) немедленного командирования Временным правительством генерального комиссара, снабженного всей полнотой власти для проведения в жизнь как указанных требований, так и установления порядка в крае.

Резолюции эти сообщить телеграфно Временному правительству, Всероссийскому центральному комитету совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, а также представить Туркестанскому комитету Временного правительства и Краевому совету рабочих и солдатских депутатов.

Рабочие Красновосточных и Первомайских мастерских к этому времени уже ясно осознали, что из Ревкома никакого толка не выйдет, что взять власть можно будет только с винтовкой в руках, но их пролетарское классовое чутье подсказывало им необходимость поддерживать пока еще существовавший Ревком. К ним примыкала часть железнодорожников, главным образом группа низших служащих, как, например, кондуктора, стрелочники и ремонтные рабочие. Такое же настроение было и среди металлистов, строительных и кожевенных рабочих, а также и печатников. Все же остальные целиком стояли на стороне Временного правительства и его Туркестанского комитета. Даже среди паровозных машинистов была меньшевистская группа во главе с Вороной и Толпыго, которые расхаживали по мастерским и вели агитацию в пользу Временного правительства, утверждая, что поддержка Ревкома — это гибель революции, и т. д. за такого рода агитацию они чуть не подверглись избиению со стороны рабочих.

В партийном комитете положение до того обострилось, что раскол был неминуем. Вся обстановка требовала этого. Сейчас трудно сказать, почему наша большевистская верхушка не пошла на этот шаг. Единственно, что было сделано за это время, это перевыборы президиума и Исполкома Ташкентского Совета. Перевыборы стоили нам не мало трудов. Мы ставили этот вопрос сначала на заседании партийного комитета, затем на фракции членов совета, и, наконец, на фракции левых эсеров.

15 сентября заседал уже новый Исполком. Для характеристики приведу целиком весь список, ибо этот состав Исполкома руководил всеми дальнейшими событиями. Всего было избрано в состав Исполкома 46 человек. Туда входили от социал-демократов следующие большевики: Тоболин, Колесов, Цируль, Шумилов, Солькин, Казаков, Цвилинг, Першин, Гаврилов, Гугусенко, Ляпин, Поташкин, Бауман—13; меньшевики-интернационалисты—Вайнштейн и Бламштейн; бундовцы: Богод, Бердиянский, всего 4 человека. От левых социалистов-революционеров: Гриневич, И. Черневский, Перфильев, Домогатский, Бычков, Колояров, Бондарев, Кузьмин, Савицкий, Николаев, Никитин, Боршов, Никольский, Кудрявцев — всего 14 человек. От беспартийных было избрано три человека: Грибенщиков, Лобанов и Русанов — все трое обычно поддерживали эсеров. Председателем был избран Домогатский. Вот при этом составе и развернулись последующие события: забастовка, отступление, новое наступление — Октябрьская революция 1917 года.

Я уже отмечал, что рабочие стойко и дружно выполняли вынесенные ими решения о передаче всей власти совету и решили не отступать.

За это время поступает и ответ на телеграмму Наливкина от Керенского, который приведу полностью:

„Ташкентский совет солдатских и рабочих депутатов, сместив в Ташкенте представителей власти, назначенных временным правительством и арестовав (?) членов Краевого совета рабочих и солдатских депутатов, пытается овладеть властью во всем Туркестане. Преступная попытка Ташкентского совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства является явно контрреволюционной и будет признана мятежом со всеми последствиями такого признания. Захватчики власти, будь то отдельные лица, воинские части или другие организации, которые в двадцать четыре часа не подчинятся представителям Временного правительства, понесут наказание по всей строгости закона. Предлагаю в Ташкенте немедленно освободить всех арестованных и восстановить их власть везде, принять немедленно самые решительные меры для восстановления порядка, не отступая перед действием вооруженной силы. Высылаются войска и пулеметы. Генеральный комиссар и командующий войсками выезжают. Телеграфируйте всем уездным комиссарам.

Министр-председатель *Керенский*.

Эта телеграмма окрылила всю буржуазию и комитет Временного правительства. Телеграмма была понята так, что в центре Временное правительство держится крепко, иначе оно не давало бы таких телеграмм. Туркестанский комитет временного правительства усиленно заработал. По краю рассылались телеграммы, приказы и т. п. Сосредоточивались все силы на борьбу с Ташкентским Советом.

Одновременно начались всякого рода переговоры, совещания, заседания и т. д. Причем тут-то и выяснилась целиком и полностью позиция меньшевиков и эсеров — итти на всякого рода компромиссы и соглашения. В конце-концов, стало уже ясно, что Наливкин принимает всякого рода предложения со стороны Исполкома об урегулировании вопроса, чтоб не вызы-

вать столкновений, но не проводит их в жизнь. Для примера приведу его распоряжения в бытность его командующим войсками.

«Вследствие телеграммы министра-председателя Керенского № 3357, я принял на себя временное командование войсками Туркестанского военного округа, впредь до прибытия нового командующего войсками округа, о чем об'являю войскам округа.

Временно командующий войсками и председатель Туркестанского комитета временного правительства *Наливкин*».

И вслед за этим посылались строжайшие приказы:

«Начальнику 1-й Туркестанской казачьей дивизии, полковнику Боброву. Препровождая при сем копию телеграммы министра-председателя Керенского возлагаю на Вас исполнение означенного в этой телеграмме поручения, а равно и водворения порядка в Ташкенте, для чего предоставляются Вам должные полномочия до употребления силы оружия включительно.

Председатель Туркестанского комитета временного правительства *Наливкин*».

Несмотря на репрессивные меры, принимаемые Временным правительством, Ташкентский исполком продолжал давать отпор, угрожая, что в случае если Туркестанский комитет будет в дальнейшем применять репрессивные меры, то для защиты Совета будут высланы 1-й и 2-й полки с оружием в руках. Наконец, 18-го между Наливкиным и Исполкомом было достигнуто соглашение следующего содержания:

1) ультиматум, пред'явленный Исполнительному комитету Таш. сов. сол. и раб. деп., заявлением Тур. ком. от 17 сентября с. г., считается аннулированным;

2) гарантируется неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в последних событиях;

3) Турк. комитет, посылается телеграфное сообщение полковнику Коровиченко (копия Керенскому) о ненужности карательного отряда, ввиду спокойствия и порядка в городе;

4) телеграммы Исполкому, а равно корреспонденция, адресованная на его имя, не подвергаются цензуре и не задерживаются;

5) резолюция, принятая советом в заседании 17 сентября с. г., будет обсуждена в об'единенном совещании представителей Исполкома сов. С. В. Д. и Турк. Комитета Врем. Пр-ва 20 сентября с. г.;

6) исполком совета на настоящих условиях обязуется со своей стороны способствовать всеми доступными ему мерами к сохранению порядка в городе.

Но Наливкин подписывал это соглашение лишь для того, чтобы выиграть время, а наряду с тем давал телеграммы о скорейшем приезде Коровиченко.

Поэтому партийный комитет решил призвать рабочих к политической забастовке, в связи с чем выпустил воззвание, которое привожу здесь целиком:

„Туркестанский комитет временного правительства в союзе с контрреволюционными силами стремится ликвидировать Совет рабочих и солдатских депутатов — полномочный орган рабочего класса и революционных войск Ташкента.

Вводя в заблуждение лживыми сообщениями о событиях и роли в них Совета как Временное правительство, так и общественное мнение края и всей России Туркестанский комитет добился от центрального правительства исключительных полномочий.

Этими полномочиями Туркестанский комитет желает воспользоваться для подавления революционной демократии и ее полномочного органа — Совета солдатских и рабочих депутатов.

Туркестанский Комитет осмеливается давать предписания и приказы Совету.

В революционной России временное правительство и его органы существуют постольку, поскольку оно признается советами, но советы не подчинены Временному правительству.

Народ в свободной России выше правительства и его правительство должно быть правительством революционной демократии.

Защита прав революционной демократии лежит на вас, товарищи рабочие, ибо освобождение рабочего класса должно быть делом рук рабочих.

Верные делу революции революционные войска Ташкента стали на защиту прав революции.

Слово за вами, товарищи рабочие. В настоящее время революционные силы рабочего и солдата должны быть об'единены.

Мы всегда призывали вас, товарищи, отстаивая наши права, выступать совместно и организованно.

Час выступления пробил.

Сегодня мы призываем вас, товарищи рабочие, для поддержки пред'явленных Туркестанскому комитету временного правительства требований Советом солдатских и рабочих депутатов, для сохранения сделанных завоеваний, сохранения органа революции Совета, для спасения революции — к выступлению организованной забастовкой.

Организуя забастовочные комитеты, бросайте товарищи, работу и воздерживайтесь от выступления на улице и демонстрации.

Да здравствует русская революция!
Да здравствует единение солдата и рабочего!
За дело революции вперед!

Комитет Ташкентской организации Российской социал-демократической рабочей партии."

К забастовке мы начали готовиться 17 сентября. Мы подробно информировали рабочих о переговорах, причем для того, чтобы получить поддержку от рабочих других городов, было решено послать по среднеазиатской и ташкентской дороге аги-

таторов для информации о ташкентских событиях с предложением присоединиться к об'явленной ташкентскими рабочими забастовке.

В общем же нужно отметить, что рабочие других городов пользовались только слухами, исходящими преимущественно от наших противников, и поэтому не знали истинного положения. К поездке было намечено всего 8 человек: 3 — на Ташкентскую и 5 на Среднеазиатскую железную дорогу. По ташкентской выехали Гаваза, Колесов и, кажется, Отто или Рогузин от первомайцев, остальных не помню. От красновосточников по Среднеазиатской железной дороге: Колесников, Белозеров, Сергеев и др.

18-го числа к нам пришел т. Першин. Мы договорились с ним по организационным вопросам о том, как будет протекать забастовка. Было решено, что будет избран забастовочный комитет, через который партийный комитет и исполком будут руководить забастовкой. В стачечный комитет должны были быть избраны от первомайцев — 3 чел., от красновосточников — 4 чел., от пассажирского депо 2, а от других служб, от Таштрама, печатников и т. д. по 1 человеку.

Забастовку мы наметили начать 19-го в час дня по гудку красновосточников. Первомайцы должны были ответить таким же гудком. После гудка трамвайная электростанция останавливает дизели. В отношении поездов было решено, что принимаются и отправляются поезда только с продовольственными грузами.

После этого из цехов были вызваны активисты, которых информировали о всех мероприятиях и предложили им проинформировать об этом всех рабочих и подготовить их к 19-му числу. Рабочих готовить собственно было нечего. Я уже говорил, что они уже были готовы не только к забастовке, но и ко взятию оружия в руки.

Мне, как председателю месткома, нужно было провести или оформить 19-го числа намеченную программу. В 8 часов утра я прошел по цехам. Рабочие почти с самого утра не приступали к работе, а стояли кучками возле верстаков и вели беседу. Часов в 10 тов. Шумилов по телефону из городского комитета справляется о настроении рабочих и по ряду других вопросов и под конец, смеясь, сказал: „Смотри, Митра, чтобы бородинцы не подкачали". Я ему ответил: „Не беспокойся за бородинцев. Смотрите, чтобы вы в партийном комитете и исполкоме не подкачали".

Хотя я и верил, что красновосточники своего решения не изменят, в голове все-таки мелькали мысли: а дадут ли красновосточники гудок? До гудка осталось 10 минут. Я пошел на горячий паровоз, стоявший у ворот, с которого должен быть дан ответный гудок. Не успел я дойти до паровоза, как раздался громкий, необычный звук гудка красновосточников, видимо машинист сразу крепко нажал на ручку.

На паровозе был, кажется, машинист Пономарев. Он тоже заволновался и хотел было уже нажать ручку гудка, но я ему

сказал: „Обожди, пускай кончит гудеть главный гудок". Гудок прогудел минут десять и в ответ ему был дан наш протяжный гудок. Машины остановились.

Придя в механический цех, где по-обыкновению происходили общие собрания, я увидел, что рабочие уже были все в сборе, открыл собрание и кратко информировал, почему даны гудки, что требуется от рабочих и почему в виде протеста рабочие об'являют стачку.

После выступили Колбин и Федорин, которые меня дополнили. После этого выбрали забастовочный комитет и раз'яснили, что к работе приступать только на основании решения забастовочного комитета. Собрание было закрыто и рабочие разошлись по домам.

Стачечный комитет проводил собрания в разных местах. О ходе переговоров с Наливкиным каждый день нас информировал представитель от партийного комитета и исполкома.

— В дальнейшем события развертывались так. Уже 20-го по всему Ташкенту проводятся собрания всех остальных профсоюзов, отказавшихся от участия в забастовке. На этих собраниях выносятся резолюции с требованиями принятия решительных мер по отношению к бастующим. Узловой комитет железнодорожного узла созывает широкое заседание. Рабочих там было меньшинство, главным образом присутствовали служащие.

Большинством присутствующих было принято решение требующее немедленного прекращения забастовки, полного доверия Туркестанскому комитету, с осуждением действий Ташкентского совета. Тогда мы воспользовались тем, что на собрании нет представителей красновосточников (от остальных служб Среднеазиатской дороги были представители), подняли шум и требовали перерыва до их прихода.

Пока спорили, прошло довольно много времени: стали разыскивать членов местного узлового и районного комитета и когда те явились на заседание, вновь начали обсуждать предложение, уже раз принятое большинством. Вопрос был снова поставлен на голосование, и когда в результате голосования большинством отвергается принятое раньше решение, председатель заявляет, что хотя они оказались в меньшинстве, но они остаются при своем прежнем решении и об этом он поставил в известность Временное правительство.

Ответ им был дан краткий: „Катитесь на все четыре стороны". Мы сами выбрали делегатов и послали их к Наливкину заявить о своей солидарности с Ташсоветом и о готовности защищать совет и его права.

23-го в Ташкент прибыло две сотни казаков, которые на следующий же день начали расправляться с Ташкентским советом. В здании Совета был произведен обыск. Все было разбито. Все ценности забрали, двух членов исполкома арестовали, одного из них избили. Так стали наводить порядки первые прибывшие в Ташкент в помощь Туркестанскому комитету воинские части.

Со дня на день ожидали прибытия с карательным отрядом генерала Коровиченко.

Посылка людей на линию никаких результатов не дала. Нигде, ни в одном городе рабочие не только не присоединялись к Ташкенту и не выступали активно, но даже, насколько я помню, не поступило ни одного сообщения хотя бы о моральной поддержке. Наоборот, на посланную нами телеграмму в сторону Самары как железнодорожным организациям, так и местным советам с просьбой не пропускать карательной экспедиции во главе с генералом Коровиченко, отправленной Временным правительством, мы ни откуда ответа не получили, за исключением Оренбурга, который телеграфно сообщил следующее:

«Сейчас прибыл воинский эшелон из Петрограда в Оренбург вместе с комиссаром Елпатьевским, с представителем центрального комитета Всероссийского совета Захватаевым. Железнодорожный комитет в Оренбурге заявил, что эшелон будет пропущен только до станции Арысь, так как дальше путь разобран или будет разобран. Сообщите сейчас по аппарату положение дел, в частности на железной дороге, на фабриках и заводах в Ташкенте. Продолжается ли забастовка, на какой именно почве, какие вами приняты меры, сколько у вас вооруженных сил, какого состава? Существует ли Революционный комитет, из кого он состоит, имеет ли он влияние на население и войска? Получили ли вы телеграммы Центрального исполнительного комитета совета депутатов? От центрального комитета эсеров делегация отправилась из Ташкента на встречу с отрядом для переговоров со мною. Часа через два полагаю выехать отсюда с воинским отрядом в составе двух броневиков и пулеметной роты с двадцатью четырьмя пулеметами. Вслед за нами должны следовать четыре эскадрона кавалерии и один казачий полк. Если представится возможным, примите меры к обеспечению свободного следования моего поезда на участке Арысь—Ташкент».

Чем бы кончилась наша забастовка—трудно сказать только потому, что центральный союз железнодорожников или, как его тогда называли, Викжелем была разослана телеграмма, в которой было указано, что назначается всероссийская экономическая забастовка. В телеграмме предлагалось избрать стачечные дорожные, узловые и районные комитеты.

Насколько я помню, забастовка началась 25 сентября. Это внесло бодрость не только среди железнодорожников, но и среди других союзов, принимавших участие в забастовке. Интересно, что противники политической забастовки, об'являемой нами, заявляли, что вот, мол, забастовка, об'явленная Викжелем, это—наша забастовка, против нее мы возражать не будем. Почти все железнодорожники входившие в состав стачкома, руководившего политической забастовкой, вошли и в общий стачком.

Наконец, 24 сентября на пассажирскую станцию прибыл долгожданный буржуазией генерал Коровиченко, со всеми своими эшелонами. Эшелоны состояли из пехоты, пулеметных рот с пулеметами, броневой роты с броневиками и легкой артиллерии с орудиями, которых было около пяти или шести. Все солдаты были одеты в новое обмундирование, все были выхолены, видно, был сделан специальный подбор.

23-го у нас состоялось совещание, на котором было принято решение послать группу рабочих, в задачу которых входило по прибытии эшелонов, пойти к ним, выяснить настроение солдат и постараться раз'яснить им роль комитета Временного правительства, Ташкентского совета, а также, почему рабочие выступали с забастовкой.

Утром, когда прибыли эшелоны, рабочие начали проводить в жизнь принятое решение. Были такие группы солдат, которые совершенно не хотели разговаривать, но большинство все же прислушивалось к тому, что говорили рабочие. Когда перед солдатами ставили вопрос: „Зачем вы приехали в Ташкент, ведь на фронте нужны солдаты и оружие", то почти все отвечали, что при посадке сам министр Верховский им об'яснил, что в Ташкенте происходят грабежи населения, убийства и т. д., а так как тут ничего подобного нет, то они скоро уедут отсюда обратно.

В тот же вечер стачечным комитетом было подписано следующее требование к Коровиченко от имени рабочих:

«1) Признание Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов полномочным органом революционной демократии, 2) об'явление о снятии военного положения, 3) немедленное удаление Туркестанского комитета временного правительства в лице Наливкина и Шендрикова, а также их штаба, 4) неприкосновенность представителей революционной демократии и войск, 5) немедленное расследование всех действий Туркестанского комитета временного правительства, 6) возвращение документов, ценностей и денег, похищенных отрядом казаков 23 сентября в помещении исполнительного комитета ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов «Дом свободы», 7) немедленное освобождение арестованного члена Исполнительного комитета Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов прапорщика Гриневича, 8) требования, пред'явленные Туркестанскому комитету временного правительства перед забастовкой остаются в силе, 9) по удовлетворении всех требований забастовка ликвидируется». На этом свою деятельность стачечный комитет и закончил.

Коровиченко сразу приступил к активным действиям и издал приказ, в котором предлагалось не допускать всякого рода собраний и митингов под открытым небом и т. д., угрожая за всякие нарушения предавать военному суду и т. д.

После длительных переговоров с исполкомом Коровиченко соглашается снять военное положение, в результате чего на заседании 27-го принимается следующее решение:

«Считая 1) что рабочий класс Ташкента своим дружным выступлением поддержал Совет в наиболее трудную минуту и 2) что сейчас критический момент борьбы за права и существование Совета миновал и открывается возможность других форм борьбы в единении с демократией всего края, Исполнительный комитет ташкентского городского совета солдатских и рабочих депутатов призывает забастовку прекратить.

Председатель *Домогатский*

Секретарь *Солькин*.

Так закончилась борьба ташкентского пролетариата с Туркестанским комитетом временного правительства, длившаяся на протяжении с 12 по 28 сентября.

ГЛАВА VII

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Большевизация масс под влиянием событий в Петрограде и Москве, усвоения оценки этих событий и лозунгов, выдвигавшихся большевиками все больше усиливалась. Приток большевистских газет, сентябрьские события в Ташкенте и, наконец, политика Временного правительства и соглашательских партий открыли массам глаза на необходимость изыскания революционного выхода из кризиса. Рабочие стали особенно зорко следить за революционными действиями петроградских рабочих и всесторонне обсуждали каждое требование или выступление отдельных заводов в Петрограде. Большинство рабочих и солдат Ташкента давно уже перестали верить Временному правительству. Они понимали, что власть можно взять только с оружием в руках. После сентябрьских событий окончательно убедились в этом, даже, те, которые прежде колебались.

Как же произошло у нас восстание? Примерно, с 15 сентября стали часто созываться заседания совета с широким активом: представителями от партийных организаций, предприятий, заводских комитетов, полковых и ротных комитетов и т. д. На этих заседаниях ставились и обсуждались вопросы о действиях Коровиченко, а также продовольственные вопросы. Решения Совета выносились на собрания рабочих в предприятиях, где получали одобрение и подтверждение.

Об'единенный партийный комитет почти не работал. Работала главным образом группа большевиков: Тоболин, Шумилов, Сорокин, Першин и др., которые вели усиленную работу во фракции совета. На одном из заседаний франции Тоболин прямо поставил вопрос, что надо перейти к действиям—готовить вооруженное восстание. Я хорошо помню, как Вайнштейн, с пеной у рта, стал категорически возражать, называя такое предложение абсурдным. Он говорил, что такое предложение может внести только сумасшедший или человек, который хочет погубить революцию. В результате никакого решения о вооруженном восстании пока принято не было.

Обсуждался ли этот вопрос в партийном комитете или же отдельно в группе большевиков не помню. Документов, которые могли бы осветить этот вопрос, нет никаких, а опросом тех товарищей, которые были в то время членами партийного коми-

тета, ничего добиться нельзя, так как никто почти ничего не помнит. Вообще нужно сказать, что информация актива была поставлена плохо, только тов. Шумилов информировал нас более или менее регулярно и всегда ясно ставил перед нами вопросы, исходя из решений шестого с'езда партии.

Кроме того, низовой актив часто путал и разнобойные выступления наших руководящих товарищей из группы большевиков. Так, например, тов. Гоболин часто выступал по принципиальным вопросам, не согласуя их с Шумиловым, Першиным и другими. В результате чего он часто высказывал такие соображения или вносил такие предложения, с которыми были не согласны другие товарищи.

Получались разногласия, что использовывалось меньшевиками, а главным образом, Вайнштейном, который еще больше запутывал головы неискушенных в политике рабочих. Надо иметь в виду, что Вайнштейн, благодаря красноречию, демагогическим приемам и внешне революционным фразам пользовался авторитетом до самого Октябрьского переворота даже и среди рабочих.

В общем, нами в достаточной мере еще не была выработана единая большевистская тактическая линия, как в организационных, так и в политических принципиальных вопросах. И если принять во внимание, что социал-демократическая организация существовала как „об'единенная", то станет понятным, почему руководство массами, которые надо было вести к пролетарской, социалистической революции, было так затруднено. Верно и то, что среди руководящей большевистской головки того времени были оттенки вроде каменевских, рыковских, троцкистских и т. д., только мы не умели вскрывать и как следует разоблачать.

23 октября тов. Першин (Шумилова в то время не было в Ташкенте — он уехал на дорожный с'езд в Оренбург) позвонил мне по телефону и передал следующее: „На 24 назначается собрание Совета совместно с представителями профсоюзов и завкомов, полковых и ротных комитетов. Стоит вопрос о власти и о продовольственном положении. Будет большая схватка с Коровиченко" я переспросил его, как стоит вопрос о власти и долго ли мы будем ставить его в качестве отвлеченной проблемы? Он мне ответил, что вопрос о власти будет поставлен ребром, что надо хорошо подготовить членов Совета и месткома. Я ему обещал сделать все, что надо.

Заседание, назначенное на 24-е, было перенесено на 27-е в в 6 час. вечера. В $5^1/_2$ часов зал заседания был уже переполнен. В $6^1/_2$ час. президиум открывает собрание. Настроение было приподнятое. Чувствовалось, что должно произойти что-то большое. Когда развернулись прения, а это было часов в 11 вечера, президиум поручил троим: Федорину, мне и Ляпину пойти на телеграф для переговоров с тов. Шумиловым, который в это время находился в Оренбурге.

Мы должны были ему сообщить о положении в Ташкенте и в Ташкентском совете в связи с репрессиями, производимыми Коровиченко. Точно также мы должны были узнать у него, каково настроение среди оренбургских рабочих, главным образом в главных мастерских, а также по всей линии Ташкенской железной дороги, и предупредить его, что в данный момент происходит заседание Совета, на котором обсуждается вопрос о власти, что неизбежно столкновение, могущее дойти до вооруженного восстания и, что необходимо поставить вопрос об оказании нам помощи со стороны Оренбурга.

Пробыв около часа у прямого провода и не дождавшись Шумилова мы передали записку с просьбой вручить ему немедленно, а сами решили пойти опять в Совет. Было уже около часа ночи. Дойдя до угла Гоголевской и Полторацкой улиц, мы увидели, что от Дома свободы выскочило около сотни казаков на лошадях, промчались галопом мимо нас и ускакали в сторону вокзала. Подойдя ближе к зданию Совета, мы увидели, что свет погашен, стоит группа вооруженных солдат. Мы сразу почувствовали что-то неладное. Чуть не бегом мы направились на вокзал. На вокзале и в мастерских царила тишина. Было уже больше 2 часов ночи. Мы решили пойти на нефтекачку, где и пробыли до утра.

Что же произошло? Во время заседания Совета явился отряд юнкеров и казаков, и окружил Дом свободы. Арестовать из актива им никого не удалось, все сумели уйти через подвал. В это время было сделано нападение и на второй полк, в результате чего солдаты были арестованы и обезоружены. Тоже самое пытались сделать и с первым полком, но здесь это не удалось, так как присутствовавшие на заседании представители первого полка, после того как им удалось вырваться из лап казаков, прибежали в казармы, разбудили всех солдат и полк был быстро приведен в боевую готовность. Поэтому, когда белогвардейские отряды подошли к казармам, они встретили вооруженное сопротивление и были вынуждены сразу отступить.

На следующий день в пять часов утра в мастерских был дан гудок, по которому стали собираться рабочие. На ходу рабочим разъяснили, что произошло. Тут же выдавались винтовки и патроны. Из Красновосточных мастерских я побежал в Первомайские узнать, что там делается. По дороге я встретил старика, плотника вагонного цеха тов. Гамаюнова, бежавшего в мастерские с топором в одной руке и со стамеской в другой. Я пояснил ему в чем дело. Старик грозно поднял топор в сторону города, крепко выругался и побежал в мастерские. Придя в мастерские собрал всех рабочих (их было около 200 человек), коротко их информировал и предложил немедленно итти в Красновосточные мастерские для того, чтобы взять винтовки и патроны. Все ребята бегом направились в мастерские.

За время, пока я ходил в мастерские, отряд юнкеров в составе одной роты прорвался прямо к Красновосточным мастер

ским и пытался ворваться во двор через ворота, но был отбит рабочими и отступил. Когда юнкерами был дан залп из винтовок и ручных пулеметов, из группы отстреливающихся рабочих было убито три человека.

К вечеру того же дня был уже избран Революционный комитет. Сконструирован он был так: президиум районных железнодорожных комитетов, представители местных комитетов, от воинских частей, от партийных комитетов и президиум Ташкентского совета. Председателем был избран тов. Ляпин, командующим тов. Дунаев Ф., который в этот же день вечером был ранен и на его место был избран поручик Стасиков (эсер-максималист). К вечеру уже были организованы отряды во главе с командирами и началась ружейная перестрелка. Отряды были распределены по улицам: Госпитальной, Шевченко, Духовской и Куйлюкской.

Так началось вооруженное восстание рабочих в Ташкенте 28 октября 1917 года.

Как проходили бои? В литературе это уже достаточно освещено, и поэтому я повторять не буду. Я остановлюсь лишь на отдельных моментах. Прежде всего о численном составе участвовавших в боях. Кроме рабочих, которых было до 3 тысяч человек, на нашей стороне были: 1 сибирский полк, батарея, стоявшая на Саперной улице, перешедшая на нашу сторону и в первый же день утром со всеми орудиями и снарядами прибывшая в мастерские, что нас здорово выручило, и отдельные мелкие части, общей численностью до 300 человек.

На стороне белых была школа прапорщиков, юнкерское училище, кадетский корпус, все крепостные части, находившиеся в Ташкентской крепости, отряд, прибывший с Коровиченко, казачий полк, мелкие части и броневики, причем все они были вооружены до зубов. В общем, в части количества и вооружения громаднейший перевес был на стороне белых.

На второй день боев нас чуть не окружили по Куйлюкскому шоссе. Один отряд прорывался к нам в тыл, а в это время другой отряд с броневиком подходил к вокзалу. Только благодаря беспримерному героизму робочих атаки были отбиты. Орудийная стрельба с обеих сторон не прекращалась в течение всего дня.

Красногвардейцы и солдаты страшно утомились. Несмотря на то, что была дана телеграмма во все города края с просьбой поддержки и помощи, ни от кого пока ответа получено не было. Белые беспрерывно вели атаку. Коровиченко вздумал однажды прислать парламентеров для переговоров, выставляя требования о немедленном разоружении рабочих и солдат и сдачи оружия. Это предложение было категорически отвергнуто. После переговоров была открыта с их стороны ружейная и орудийная стрельба по всему фронту.

Помню момент, который никогда не может изгладиться из памяти. Примерно, 29 числа, часов в одиннадцать ночи, было

получено сообщение по радио, что в Петрограде восставшие рабочие и солдаты свергли Временное правительство, и власть перешла в руки Советов.

Эта весть настолько подняла дух и ободрила красногвардейцев, что они готовы были немедленно же броситься в бой.

Значительную помощь оказали нам прибывшие с фронта солдаты, которые после демобилизации из Красноводска возвращались на родину. Их было около 700 человек. Они в полном составе, всем эшелоном под'ехали к мастерским, сразу же вооружились (а оружие у нас было, так как перед тем, стоявший рядом с 1 сибирским полком, окруженный нами казачий полк, вынужден был без боя сдаться и сложить оружие) и двинулись на помощь рабочим чем предрешили конец боя. Первого ноября, в результате шестидневного боя, белые вынуждены были принять условия Революционного Комитета. Доррер и др. сдались. С нашей стороны убитых было около 70 человек и 25 чел. раненых.

Так рабочий класс в Средней Азии вместе со всеми рабочими тогдашней России, под руководством коммунистической партии большевиков прошел труднейший путь революционной борьбы в Октябре, взял оружие в свои руки, и, победив, создал Советскую власть и установил диктатуру пролетариата.

ГЛАВА VIII

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Весь ноябрь прошел под знаком дальвейшего организационного укрепления большевистской организации. Меньшевики не сдавали своих позиций, всячески противодействовали всем начинаниям большевиков. Окончательный разрыв большевиков с меньшевиками произошел в первой половине ноября, а создание партийных органов было произведено в декабре. В основу партийной работы была положена организация органов советской власти, подготовка к третьему с'езду советов и организация партийно-массовой работы. В этом отношении нам нужно было отколоть от меньшевиков ту часть рабочих, которые и после Октября все еще шли за меньшевиками.

Наряду с укреплением рядов партийной организации шло вооружение ее членов и обучение их военному делу.

Вооружались рабочие не только в Ташкенте, но и по всему краю. Росли отряды красногвардейцев. Рабочих распределяли по родам оружия: артиллеристы, пулеметчики и пехотинцы. К ним прикрепляли рабочих, которые не владели никаким оружием, и товарищи, знавшие военное дело, обучали их.

Для руководства красногвардейцами создавались штабы красной гвардии. В Ташкенте первый штаб красной гвардии был создан из представителей, избранных на общих собраниях рабочих. Председателем был: Романов — большевик, слесарь Первомайских мастерских, а заместителем его — Галкин тоже большевик, слесарь Красновосточных мастерских. Кроме того, ряд товарищей-большевиков занимал разные руководящие посты в красной гвардии. Неверным является приписывание левым эсерам организационной и руководящей роли в создании красной гвардии. Позже была организована большевистская партийная дружина под председательством тов. Шпилькова, рабочего Первомайских мастерских расстрелянного в январе 1919 года во время контрреволюционного восстания Осипова.

Пролетариат чувствовал и понимал, что Октябрьскими боями революция не закончена, что предстоят еще не меньшие бои с силами контрреволюции. Поэтому он крепко держал винтовку в своих руках. К январю 1918 года в одном только Ташкенте вооруженных рабочих насчитывалось до 3 тысяч человек, из них в бывшем старом городе было 600 человек узбеков. Всего

же по краю красная гвардия насчитывала до 5 тысяч человек. В некоторых местах красногвардейцам приходилось нести и караульную службу, так как к концу января 1918 г. в Ташкенте и в других городах осталась только горсточка солдат, а остальные раз'ехались по домам и в Россию.

Так создалась красная гвардия, которая сыграла в Средней Азии в период гражданской войны крупную роль в борьбе против белой контрреволюционной армии.

Третий с'езд советов, на котором был избран первый состав Совета народных комиссаров Туркестанской республики закончился 23 ноября. Всего в состав правительства вошло 14 человек, из них 4 большевика, 8 левых эсеров и 2 правых эсера. Председателем Совнаркома был избран большевик т. Колесов, он же комиссар почты и телеграфа. Заместителем председателя и комиссаром юстиции был избран левый эсер Залесский, комиссаром народного просвещения — правый эсер Пермезский, продовольствия — правый эсер Коледзян, комиссаром внутренних дел — Агапов, который вскоре испугался трудностей, перешел к меньшевикам и как меньшевик был организатором контрреволюционного восстания в Ташкенте.

Заместителем комиссара внутренних дел был избран левый эсер Боронзин, комиссаром финансов — левый эсер Котельников, комиссаром по иностранным делам — левый эсер Домогатский, комиссаром по военным делам — левый эсер Перфильев, а его заместителем — левый эсер Стасиков, комиссаром торговли и промышленности — большевик Ляпин, комиссаром труда — большевик Полторацкий, комиссаром здравоохранения левый эсер Успенский и комиссаром земледелия — правый эсер Чегодаев.

Партийный состав правительства является показателем того, насколько слаба была тогда большевистская партийная организация, в особенности на местах. Большевики не только не получили большинства в правительстве, но в состав его были допущены даже правые эсеры.

Еще хуже дело обстояло с представителями коренных национальностей. В первом составе правительства мы не имели ни одного представителя узбеков, туркменов, казаков или киргизов. Об'яснять этот факт отсутствием подходящей кандитатуры было бы совершенно неверно. В то время уже была группа не только интеллигентов, но и рабочих-националов достаточно проявивших себя на работе и проверенных в период революционной борьбы с февраля по октябрь 1917 года.

Я уже говорил о том, что мелкобуржуазные партии по отношению местных национальностей занимали великодержавную позицию. Краевой с'езд партии социалистов-революционеров, например, следующим образом решал национальный вопрос: „Главное признать автономную самостоятельность Туркестана под контролем до выращивания туземной интеллигенции".

Но и среди большевиков не все обстояло благополучно. У отдельных членов партии, а иногда у целых групп были почти

такие же взгляды и мнения. Разница заключалась быть может в словах, но сущность была одна и та же. Вот где об'яснение тому, почему в составе не только центрального, но и областных советских органах вовсе не было представителей коренного населения. Возможно, что в последних это было выражено в меньшей степени.

В середине ноября я был избран делегатом на всероссийский железнодорожный с'езд мастеровых и рабочих, который был созван в Петрограде. Всего от узла было послано на с'езд 4 человека, из них два большевика (Шмаков и я), один меньшевик и один правый эсер. Под'езжая к Оренбургу, мы узнаем о готовящемся в Оренбурге контрреволюционном восстании казаков во главе с генералом Дутовым, но нам удалось проскочить.

С'езд оставил в моей памяти неизгладимый след. Во время с'езда мне пришлось впервые услышать вождя нашей партии и рабочего класса тов. Ленина. Кроме него, выступали Зиновьев и др. Выступали также меньшевистские и эсеровские вожди: Мария Спиридонова, Чернов, Мартов и др., но как они ни распинались на с'езде, ругая на всякий лад большевиков, все же ничего у них не вышло. Всего делегатов было, если мне память не изменяет, 490 человек, из них большевиков 400, левых эсеров около 50, остальные меньшевики и правые эсеры.

Во время с'езда состоялась манифестация петроградских рабочих, которые с раннего утра мощными колоннами двигались по улицам Петрограда. Все это вместе взятое дало новые силы и веру в победу рабочего класса, в непоколебимость, мощь и железную волю партии большевиков в деле борьбы за социалистическую, пролетарскую революцию.

13 декабря, возвращаясь со с'езда, на станции Бузулук мы увидели, что вся она забита вагонами-теплушками, переполненными вооруженными красногвардейцами. Наш поезд дальше не пошел. Оказалось, что Дутову удалось организовать казаков и после ряда боев с оренбургскими красногвардейцами дутовцы заняли Оренбург, нашим частям пришлось отступить до Бузулука. Выяснив, где находится штабной вагон, мы со Шмаковым пошли туда, там встретили тов. Кобозева, который нас информировал о событиях происшедших в Оренбурге.

Мы хотели взять оружие и вместе с оренбугскими рабочими итти в наступление на Дутова, но Кобозев предложил нам обязательно пробраться в Ташкент, чтобы информировать рабочих о том, что мы видели и слышали в России, а также об образовании оренбургского фронта. Проехать можно было с уходящими двумя эшелонами солдат, возвращающихся с германского фронта. Несмотря на то, что рабочие около 4 дней уговаривали их остаться с ними, вооружиться и отбить у Дутова Оренбург, солдаты заявили, что они нейтральны и ни с кем в драку ввязываться не будут. Им удалось договориться с Дутовым о том, что их эшелоны будут пропущены через Оренбург и дальше беспрепятственно.

607—6 *

С этими эшелонами нам и удалось проехать Оренбург. Правда мы побаивались, что Дутов обманет и когда эшелон прибудет в Оренбург, он окружит их казаками и насильно заставит пойти в ряды его армии. К счастью, этого не случилось. По пути в Ташкент мы останавливались на всех узловых пунктах, где делали доклады. Настроение рабочих везде было приподнятое, боевое, причем везде уже были эшелоны, в любую минуту готовые выступить против белых.

Так начался оренбургский фронт или, как его тогда называли оренбургская пробка. Пробка вскоре была, временно ликвидирована общими усилиями красногвардейцев оренбургских и других районов Ташкентской железной дороги.

За ноябрь и декабрь в партийной жизни Ташкента произошли большие организационные изменения. Был уже избран городской комитет социал-демократической рабочей партии большевиков. Придя в партийный комитет, я получил партийную книжку. Секретарем партийного комитета была тогда М. П. Сорокина.

За это же время в Коканде произошли крупные события. Я имею в виду „кокандскую автономию". Это была попытка со стороны контрреволюционной националистической буржуазии образовать буржуазное тюркское государство. Образование Кокандской автономии об'ясняется отчасти теми ошибками в проведении национальной политики, а также слабостью нашего влияния в широких трудящихся массах, в особенности среди батрачества и бедноты коренных национальностей, которые были использованы против нас группой контрреволюционных националистов, действующих совместно с русской и международной буржуазией.

1 декабря в Коканде был созван чрезвычайный краевой мусульманский с'езд, который об'явил автономию Туркестана, известную впоследствии под названием „Кокандской автономии". На с'езде было избрано правительство во главе с Мустафа Чокаевым. Доказательством того, что с'езд и избранное им правительство были контрреволюционные, может служить следующее: на с'езде принимали активное участие представители Дутова и известные миллионеры-хлопковики: Потеляхов, Юсуф Давыдов, братья Вадьяевы и др., которые к основным национальностям никакого отношения не имели, кроме разве того, что они нажили свои миллионы на поте и крови узбекской, туркменской и таджикской бедноты.

Кокандская автономия является для нас наглядным примером того, как с первых же дней революции буржуазия безразличия национальностей сплачивала свои силы для борьбы с победившим пролетариатом.

Буржуазное автономное правительство просуществовало до февраля месяца. В Ташкенте в честь его состоялась манифестация, которую не могли предотвратить ни правительство ни даже партия.

13 декабря улемисты и часть населения бывшего старого города Ташкента вместе с русской буржуазией, при участии правых эсеров и меньшевиков предприняли активное наступление на советскую власть. Они двинулись в новый город, окружили тюрьму и выпустили сидевших там контрреволюционеров—Доррера, полковника Бека Иванова и др., затем посадили их на автомобиль, пустили его впереди манифестантов и двинулись по направлению старого города через Урду. Цепь красногвардейцев и солдат долго сдерживала народ, но не выдержала и открыла ружейный огонь. После нескольких выстрелов толпа шарахнулась в сторону Урды. По оффициальным данным убитых было 16 чел. узбеков. Доррер и полковник Бек были снова схвачены и без суда на месте расстреляны.

Чего хотела добиться русская буржуазия? Она хотела восстановить коренные национальности против большевиков, советской власти и рабочих.

Кто стоял во главе кокандского правительства и был его активным организатором? Для ясности приведу здесь список: Мустафа Чокаев, Мир-Адыль, Камаль-Казы, Мир-Камиль-Мир-Муминбаев, Ахметджан-Хаджи-Темир-беков, Саид-Ахмат-Ходжа-Гияс-Ходжаев. Все они крупные землевладельцы-хлопковики, мануфактуристы, представители крупной городской буржуазии тогдашней Ферганской долины. А вот представители Ташкента: Ариф-Ходжа-Азиз-Ходжаев (миллионер), Каримдат, Шамсутдинов, Мулла-Кары, Мунавар-Абдурашитов, имевшие связь с известным башкирским националистом Заки-Валидовым, Мирза-Ахмед-Кушбегиев, Касым-Хан-Казы и братья Иногамовы, известные миллионеры хлопковики; Яущевы, Юсуф Давыдов, братья Симхаевы, братья Вадьяевы, Потеляхов и др. В составе правительства кокандской автономии было 43 проц. представителей татарской буржуазии. Наконец, группа идеологических вдохновителей: эсеры, меньшевики, попы, бывшие уездные начальники, присяжные поверенные и другие как, например, В. Чайкин (правый эсер), присяжный поверенный Пилиев, Самойлов, два Покровских (оба меньшевики), Дружкин, Демишевский, Твиритин, Шереметьевский, Никулин (поп), Ситняковский и Мидиневский (уездные начальники) и много других. Вся эта группа была известна каждому рабочему батраку и бедняку, каждому дехкану, так как они нажили свои богатства за счет крови и пота рабочих и дехкан, и поэтому не так уж трудно было доказать трудящимся Средней Азии контрреволюционную сущность кокандской автономии.

Надо было мобилизовать все силы, идущие против кокандской автономии. Часть узбекской интеллигенции, не сочувствовала ей, поэтому стояла задача—послать их в гущу населения для разъяснения контрреволюционной роли кокандской автономии. Кроме того было необходимо организовать специальные вооруженные отряды из рабочих и бедноты коренных национальностей и послать их для ликвидации контрреволюции.

Мы ничего этого не делали и заняли выжидательную позицию, в то время как кокандские контрреволюционеры с каждым днем все больше и больше укреплялись и вооружались. Они имели в своем составе миллионеров, в распоряжении которых находились деньги и продовольствие. Ошибка наша заключалась в том, что мы не приняли немедленно достаточно активных мер для ликвидации автономии, допустили самотек и медлительность и только почти через 3 месяца послали вооруженные отряды.

При самой ликвидации кокандской автономии мы допустили вторую ошибку. Вместо того, чтобы окружить тесным кольцом старый город, где засели автономисты с небольшой вооруженной силой: а у нас силы было достаточно для того, чтобы окружить, заставить всех их сдаться, вместо этого мы открыли артиллерийский огонь по старому городу, а потом пустили вооруженных дашнаков и другие отряды. В результате начались грабежи и насилия, от которых пострадало население, не только ничего общего не имевшее с автономистами, но даже являвшееся их противниками.

Иргашу же, который орудовал в группе автономистов и был крайним правым, удалось убежать со своим отрядом. Впоследствии Иргаш стал первым фактическим организатором басмачества—новой контрреволюционной силы, которая вместе с русскими белогвардейцами и международной контрреволюцией пыталась свергнуть Советскую власть в Средней Азии и восстановить по программе одних—царскую власть, а по замыслам других—власть местных ханов.

С басмачеством пришлось бороться еще долго, даже после того, как усилиями рабочего класса и нашей непобедимой Красной армии под руководством коммунистической партии (большевиков) белогвардейская армия была наголову разбита.

Так закончило свое существование Туркестанское автономное контрреволюционное, буржуазно-националистическое правительство, организованное общими усилиями национальной и русской буржуазии и просуществовавшее три месяца, если считать с начала чрезвычайного краевого мусульманского с'езда.

Говоря о Кокандской автономии, надо поставить вопрос об отношении к ней широких трудящихся масс из основных национальностей. Этот вопрос необходимо ставить тем более, что еще до сих пор находятся товарищи, которые недооценивают роль коренного населения как в самый период Октябрьской революции, так и во время гражданской войны и пытаются доказать, что трудящиеся массы коренных национальностей не дрались с оружием в руках в Октябрьские дни и на фронтах, а если и выступали, то против нас, причем ссылаются в таких случаях на басмачей.

Когда Центральный комитет коммунистической партии (большевиков) принимал решение о вооруженном захвате ее власти, он знал, что по призыву партии весь рабочий класс при поддержке солдат и беднейшего крестьянства вооружится и сверг-

нет власть буржуазии. В первую голову это было сделано петроградскими рабочими и солдатами. Двумя днями позже то же самое происходит за тысячи верст на далекой окраине. Ташкентский пролетариат при поддержке солдат взял оружие в свои руки и сбросил иго буржуазии. Мог ли, хотя бы и с оружием в руках какой-нибудь десяток тысяч рабочих, окруженный со всех сторон белогвардейскими отрядами, продержаться среди семимиллионного населения в течение двух лет, т. е. до прихода регулярной Красной армии из центра, мог ли отряд, не имея запасов продовольствия и обмундирования, с ничтожным количеством винтовок, патронов и снарядов, отбиться от наседавших на него белых банд и удержать власть в своих руках без активной поддержки трудящихся основных национальностей? Ясно что нет. Утверждать противное—значит или ничего не понимать в классовой борьбе, или быть отъявленным великодержавным шовинистом.

В действительности, широкие массы дехканства, рабочие, беднота, батрачество, частью среднее дехканство и кустари с первых дней революции, может быть, вначале смутно, но все же поняли, что только рабочий класс, руководимый партией большевиков, взяв власть в свои руки и организовав орган диктатуры пролетариата — советскую власть, может окончательно освободить их от векового рабства и угнетения не только самодержавным царем и русской буржуазией, но и баями, манапами и муллами.

Вот почему, когда в кишлаки, аулы и старые города приходили представители партии большевиков и обращались к дехканству за помощью, продовольствием, то, несмотря на наши грубые политические ошибки, продовольствие давалось, отпускалась кожа, шерсть, кустари делали кожаную одежду, тужурки, брюки, сапоги, вырабатывалась мата (узбекское полотно) и из нее шилось белье — все это шло, главным образом, для рабочих, занятых на производстве, и для Красной армии. В особенности нельзя не отметить того факта, что авторитет Владимира Ильича среди широких трудящихся масс уже с первых же дней революции был исключительно велик — о нем говорили в самых глухих уголках кишлаков и аулов.

Вот почему основная масса трудящихся национальностей, несмотря на политические ошибки правительства Туркреспублики и партийных организаций, не пошла за туркестанским контрреволюционным автономным правительством, образовавшемся в Коканде, а продолжала бороться вместе с русским пролетариатом против белогвардейцев и басмачества.

В огне этой борьбы из среды интеллигенции, рабочих и дехкан вырастали кадры лучших активистов как партийных, так и советских работников. Многие из них и теперь занимают руководящие партийные и советские посты и являются действительными большевиками. Таких товарищей партия и рабочий класс должны отметить. Мы победили только благодаря тому, что мы

вели борьбу с врагами общими силами трудящихся всех национальностей.

В начале января 1918 года, так называемая оренбургская пробка была ликвидирована. Дутов был разбит и прерванное железнодорожное движение восстановлено. Но зато кроме правительства Кокандской автономии появилась угроза со стороны Самарканда. В первых числах января в Самарканде стали скопляться эшелоны, возвращавшиеся с Кавказского фронта и состоявшие, главным образом, из оренбургских и семиреченских казаков. Я считаю, что это скопление делалось искусственно для того, чтобы собрать силы и двинуть часть из них на помощь кокандской автономии, а часть — к Дутову, чтобы потом разбить Ташкент.

Вот почему в Самарканде в стоявшем, там 7-м Сибирском стрелковом полку и 18-й мортирной батарее, а также в прибывшем казачьем эшелоне правыми эсерами не безуспешно велась бешеная контрреволюционная агитация. На одном из собраний было принято решение: „Ехать домой с казаками, разоружить красную гвардию и вооружить людей более достойных, выразить недоверие комиссарам: Колесову, Полторацкому и Пандо".

Я не буду подробно останавливаться на вопросе о разоружении казаков в Самарканде, который достаточно освещен в воспоминаниях других товарищей, скажу лишь одно, что когда в первой половине февраля в Красновосточных мастерских было собрание всех рабочих Ташкентского узла, то после информации представителя правительства было вынесено решение немедленно взять оружие и ехать в Самарканд.

К вечеру того же дня были поданы вагоны. А на утро 3 или 4 эшелона с вооруженными красногвардейцами-рабочими выехали в Самарканд. Не доезжая Самарканда, была выслана делегация для переговоров. Переговоры никаких результатов не дали. Числа 15 февраля под станцией Ростовцево революционные войска и красногвардейцы пошли в наступление. После решительного напора казачество стало отступать. Значительное количество офицеров, захватив оружие и пулеметы, бежало в сторону Коканда. В дальнейшем боев почти не было. Казаки вынуждены были сдать оружие.

Красногвардейцы и часть ташкентских и самаркандских солдат в течение 5 — 6 дней ликвидировали казачьи части, которые не хотели сдавать оружие, и тем самым ликвидировали хорошо вооруженную силу, которая готовилась для оказания помощи Кокандской автономии и Дутову для подавления революционных ташкентских рабочих.

Таким образом, уже через месяц после Октябрьской революции и организации советской власти в Туркестанском крае рабочие организации выделили отряды красной гвардии при активном участии некоторой части революционных солдат, которые по домам не разошлись, и остались в Средней Азии,

чтобы вместе с рабочими продолжать борьбу против контрреволюции.

Наиболее сильными отрядами, которые выделились за это время, были вооружены соответствующими родами оружия и избирали своих командиров в большинстве из рабочих и солдат, являлись: 1) Ташкентский, который был организован из рабочих Красновосточных мастерских, первомайцев, службы пути и других служб, из Таштрама и других организаций. Отряд насчитывал в то время 400—500 чел. бойцов, включая в себя: пехоту, пулеметную команду и артиллерию. Ташкентский отряд вырос впоследствии до 1200—1300 чел. В дальнейшем в него влились бывшие военнопленные австрийцы и около двух рот узбеков из старого города. 2) Перовский отряд был также одним из лучших отрядов и с самого начала принимал участие во всех боевых операциях. 3) Довольно сильными были Казалинский и Чарджуйский отряд. Затем большую роль играли челкарцы и актюбинцы, кокандцы и самаркандцы.

Вот эти отряды красной гвардии и ликвидировали, хотя и временно, белогвардейские выступления Дутова в Оренбурге во второй половине января, в Самарканде казачество 15 февраля, в Коканде — в двадцатых числах февраля кокандскую автономию.

Вскоре после Самарканда и Коканда образовался фронт в Бухаре.

В Ташкент прибыл т. Файзулла Ходжаев, который от имени ЦК младобухарской партии обратился с просьбой об оказании вооруженной команды для свержения власти эмира. Но когда советские войска, во главе с т. Колесовым подошли к Бухаре, то оказалось, что младобухарцы не провели широкой подготовительной работы среди широких трудящихся масс ремесленников и дехканства. В то же время эмир бухарский использовал широко разветвленный церковный аппарат: мулл, ишанов и т. д. для распространения всевозможных провокационных слухов и для восстановления их против большевиков, в результате чего наш отряд оказался в кольце, так как в тылу было разобрано полотно железной дороги.

Вот все это вместе взятое привело к тому, что наши отряды чуть все не погибли (если бы чарджуйские рабочие не оказали им героической поддержки). Пришлось отступить, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Так закончился так называемый колессовский поход на Бухару.

ГЛАВА IX

БОРЬБА С МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМИ ПАРТИЯМИ

Меньшевики и правые эсеры вели большую агитацию против разгона Учредительного собрания, проводя организацию протестов через ряд профсоюзов. 15 января общее собрание Ташкентского отдела профсоюза Хлопмасмыло вынесло протест против разгона Учредительного собрания. Вслед за этим общее собрание социал-демократов-меньшевиков выносит такое же решение. Те же предложения выносились ими на общих собраниях в Таштраме, Красновосточных и Первомайских мастерских, в пассажирском депо и т. д.

С предложениями выступали меньшевики Вайнштейн, Демидов и другие. Предложения меньшевиков были отклонены абсолютным большинством голосов. Были приняты предложения, внесенные большевиками и приветствовавшие постановление советской власти о разгоне Учредительного собрания.

Наряду с борьбой против саботажа отдельных профсоюзов и бешеной агитации против власти советов, которую вели меньшевики, правые эсеры и прочие контрреволюционные силы, начинает разгораться борьба с левыми эсерами. На происходившем во второй половине января 1918 года крестьянском краевом с'езде разгорелась борьба вокруг выборов президиума. Левые эсеры заявили, что так как это с'езд крестьянский, то здесь большевикам делать нечего. Эсеры должны взять в свои руки все руководящие посты.

Продовольственный вопрос значительно обострился. В ряде мест началась голодовка. Хлеб, идущий со стороны Оренбурга, стали перехватывать другие города по пути следования. Пришлось организовывать из рабочих продовольственные отряды и рассылать их по краю производить хлебозаготовки, а также посылать уполномоченных в Сибирь по продвижению хлебных грузов по линии Ташкентской железной дороги, но пока они заготовляли и продвигали хлеб, началась форменная голодовка.

Из многих районов начали сообщать о сотнях случаев смерти от голода. В особенности было много смертных случаев в районе Арысь — Туркестан, так как здесь к тому же был еще большой неурожай. Голодовала главным образом казакская, киргизская и узбекская беднота. Потребовались громаднейшие усилия со стороны рабочих, заготовлявших продовольственные продукты.

В большинстве случаев середняк-дехкан помогал в этом и давал свои, хотя и скудные запасы продовольствия: хлеб, рис, мясо и фрукты. В отношении хлеба особенно помогали крестьяне районов Актюбинска, Эмбы и Кустаная. Урожай хлебов внутри самого Туркестанского края увеличился в 1918 г., отчасти за счет уменьшения засева хлопка и увеличения засева под зерновые культуры главным образом риса и овощей. Это избавило население от поголовного голода и дало возможность снабжать армию.

Контрреволюционные элементы пытались использовать тяжелое положение с хлебом и повели агитацию за выдачу белой муки к предстоявшей пасхе. Надо отметить, что эти требования исходили не только от обывателя, но проникли в среду рабочих. Однажды около продовольственного комитета собралась толпа с требованием выдачи белой муки к пасхе. Продком, несмотря на то, что часть населения умирала от голода, не выдержал и под давлением толпы начал выдавать по три фунта белой муки.

При обсуждении вопроса о Брестском мире так же, как и в центре, были большие колебания в наших рядах, были выступления „левых" коммунистов с горячей защитой продолжения войны, но все же в результате дискуссии восторжествовала ленинская точка зрения о немедленном заключении мира. Одновременно этот же вопрос обсуждали и левые эсеры, которые вынесли решение за продолжение войны.

20 апреля 1918 года открылся 5-й краевой с'езд советов. Главнейшим политическим значением пятого с'езда является об'явление им советской автономии Туркестана. Во время этого с'езда была получена телеграмма товарищей ЛЕНИНА и СТАЛИНА, в которой они приветствовали об'явление автономии и обещали всемерную поддержку автономной Советской Туркестанской Республике.

Об'явление автономии являлось дальнейшим шагом в проведении ленинской национальной политики нашей партии в Туркестане. Оно являлось так же большим сдвигом в выправлении политической линии туркестанских большевиков в национальном вопросе, так как с об'явлением автономии, образованием Туркестанской Советской Республики, само собой разумеется, ставился вопрос о широчайшем вовлечении трудящихся масс коренного населения в советское строительство. На пятом с'езде в состав ЦИКА и Совнаркома был избран ряд товарищей из коренного населения.

1 мая в Ташкенте и других городах по краю происходили широчайшие демонстрации в честь международного пролетарского дня и в честь об'явления советской автономии Туркестана. Они проходили с большим под'емом, участвовали в них тысячи трудящихся местных национальностей Туркестана.

Вторым вопросом, подвергшимся обсуждению, был вопрос о национализации промышленности. Интересно было выступление комиссара хлопковой промышленности, левого эсера, который

заявил: „Принцип национализации сама власть советов не сможет провести в жизнь, ибо она на каждом шагу встретит открытое противодействие капитала". Однако, правительством было принято решение о национализации разного рода отраслей промышленности, а также об организации всевозможных управлений административного и хозяйственного аппарата.

Второй важный факт, имевший место на этом с'езде, это — соглашение фракций большевиков и левых эсеров о совместной работе и о недопущении в президиум, не стоящих на точке зрения защиты революции. Фракция большевиков насчитывала 86 человек, примерно такое же количество было левых эсеров и около 50 чел. беспартийных, которые также входили и в состав фракции левых эсеров.

Структура советского аппарата была недостаточно четкой. Так, например, в бывшей Закаспийской области (теперь Туркмения), существовал областной совет народных комиссаров, который вынес интересное решение о работе 7-го областного с'езда советов. Обсудив работу 7-го с'езда, СНК постановил: „работу 7-го с'езда считать неудовлетворительной, так как он отступил от прямых задач пролетариата и был в большей части правым. Созвать 8-й с'езд советов, который выполнит те задачи, которые должен был разрешить 7-й с'езд".

Наиболее важным мероприятием в области структуры аппаратов была организация управления путей сообщения в Ташкенте с ликвидацией управления в Оренбурге и Ашхабаде. 18 апреля состоялось решение с'езда железнодорожников о создании комиссариата, так называемого Туркпути. В районах же создали советы комиссаров.

Все комиссары избирались на районном с'езде. Деление районов было применительно к теперешнему делению. Это было наиболее правильное решение вопроса в то время, и это сыграло решающую роль в период гражданской войны, ибо без ликвидации контрреволюционного управления и передачи управления в верные рабочие руки все железнодорожное хозяйство, главным образом паровозы, вагоны и материалы были бы растащены во все концы, и мы остались бы без паровозов и без вагонов.

Остановлюсь теперь на расстановке партийных сил и на отношении коммунистической партии большевиков к другим партиям.

Каковы были наши партийные силы? Всего по краю было членов партии до 4.000 тыс. чел. Я считаю только тех, которые действительно состояли членами партии, имели партийные билеты, подчинялись всем ее решениям, были организаторами и передовыми борцами на фронтах против белых банд, героически отражая нападения на власть советов, вели работу, напрягая все силы чтобы не допустить окончательного развала хозяйства, доведенного империалистической войной до полного краха (а нужны были действительно героические усилия, чтобы не допустить окончательного краха), и, вместе с тем, умели преодолевать

саботаж служащих, одновременно, ведя жесточайшую борьбу против соглашательских партий, включительно до левых эсеров. Социальный состав парторганизаций был в подавляющем большинстве рабочий. Имелась небольшая группа интеллигенции. Я привожу эти факты в противовес тем товарищам, которые считают, что у нас уже в июне 1918 года было членов партии чуть ли не до 15 тысяч.

Конечно, другое дело, если мы оставим вопрос, каково было влияние партии большевиков на широкие массы рабочих, на дехканскую бедноту и батрачество, на трудовое середняцкое дехканство, на бедняцкие и середняцкие слои русского крестьянства? Несмотря на то, что в это время еще имелось влияние других партий: правые эсеры, меньшевики, националистическая организация Шуро-Исламия и в особенности партия левых эсеров, мы имели десятки тысяч сочувствовавших большевикам. Но в партийных организациях не было еще необходимого организационного опыта, не было и опытных организаторов, почему полного охвата сочувствующей массы не было достигнуто.

Были при этом и такие случаи, когда списки записавшихся в партию большевиков при проезде лево-эсеровского агитатора вербовщика брались и переделывались в лево-эсеровские. Особенно большое сочувствие большевикам было со стороны киргизской и узбекской бедноты и дехканства не только старых городов, но и кишлаков.

К этому времени была сколочена руководящая группа партийных работников как в высших органах, так и в низовых, главным образом на предприятиях. Так, например, группа руководящих товарищей из Краевого партийного бюро, Совнаркома Турк. ЦИК'а и других советских органов, большинство из которой входило в партийный городской комитет и Ташкентский исполком, состояла из товарищей: Тоболина, Качуренира (только, что прибывший из центра), Войтинцева, Солькина, Цыруль, Баумана, В. Л. Першина, Казакова, Финкельштейна, Колесова, Полторацкого и Фигельского (прибыли из Оренбурга и Актюбинска в связи с организацией Туркпути), Дубицкого, Лушникова, Сальникова, Кравченко и ряда других товарищей. Во всяком случае партийный руководящий состав не только в Ташкенте, но и по краю выдвинулся (или, вернее говоря, его выдвинули массы по преимуществу из среды рабочих. Часть из них были старые большевики: Шумилов, Качуринер, Сальников, Полторацкий, Тоболин. Все товарищи были связаны с рабочими массами.

Что собой представляли левые эсеры? Они об'единяли русское кулачество, в особенности в Семиречьи, а также байство, городскую мелкую буржуазию и торговцев, но много входило в их партию и рабочих. Во всяком случае левые эсеры количественно превышали в то время партию большевиков. Во главе этой партии стояли: Черневский, Успенский, Домогатский, Колузаев, Александров, Форов и другие.

К меньшевикам примыкало много интеллигенции, а также некоторые рабочие красновосточники, Таштрама, печатники, из первомайцев, главным образом паровозные машинисты, но основная их база была Хлопмасмыло и прочие организации. Во главе стояли: Вайнштейн, Демидов, Парфенов, Чичерин, Черданцев, Анфиров, Измаилов.

В состав правых эсеров входило много учителей, высших чиновников почты и телеграфа, но кроме того, была сильная организация в Закаспийской области, где входило много рабочих Кзыл-Арвата и Ашхабада, во главе с Фунтиковым. Их главным вождем был Сосновский, затем Савицкий, Гориздро, Колядзян. Нужно отметить, что хотя левые эсеры и откололись, но влияние Сосновского было громадно. Кроме того, в самой партии левых эсеров было много таких членов, которые фактически были правыми.

Была группа анархистов во главе с Козлитиным техником Красновосточных мастерских.

Были сторонники украинской рады. Главным образом это были чиновники разных рангов, присяжные, поверенные и вообще все те из украинцев, кто был против советской власти и большевиков.

Были сильны дашнакские организации в Коканде, Андижане, Ашхабаде.

И, наконец, была организация Шура-Исламия, которая после разгрома Кокандской автономии свила себе очень сильное гнездо в бывшей Ферганской области и частично в Самаркандской, организовав вооруженную силу в лице басмачества. Во главе этого движения стояли такие видные панисламисты, как: Мадаминбек, Куршимат и др. Их безусловно поддерживала, снабжая оружием, деньгами и т. д. контрреволюционная национальная буржуазия. Многие из них пристроились в советский аппарат и даже проникли в партию. В общем сеть их агентуры была раскинута очень широко.

Кроме того, в Ташкенте в старом городе, возникла новая организация, так называемые „бой-скауты" (союз молодежи), руководителями которой были турецкие пленные офицеры, ставившие своей целью оторвать молодежь от советской власти, от большевиков. Полностью осуществить этого им не удалось. В основном, абсолютное большинство молодежи осталось верными советской власти и партии большевиков.

В Казакстане были сильны алашордынцы — буржуазно-демократическая организация, которая включила в себя много казакской и киргизской интеллигенции.

В Туркмении родовые и племенные вожди и, главным образом, бывшие офицеры группировались вокруг полковника — туркмена Сердарова, явного сторонника англичан, который и был в период господства белых в Закаспийской области предводителем туркменских отрядов.

Большая часть представители этих националистических контрреволюционных организаций, как оказалось позже, были в партии большевиков и часто занимали руководящие партийные и советские посты, входя в партию большевиков исключительно для того, чтобы, прикрываясь партийным билетом или маркой советского работника, организовать помощь и содействие басмачеству.

Работники советского аппарата: специалисты, служащие и проч., после Октября никакой чистке не подвергались, благодаря чему вся эта свора чиновников плюс хозяев, управляющих разных фирм, хлопкоочистительных заводов и т. д., все эти махровые колонизаторы обосновались в советско-хозяйственном аппарате в особенности в тех органах, которые обслуживали широкие массы дехканского населения по линии сельского хозяйства и административного аппарата.

Дехкан видел, что те же самые чиновники и предприниматели, которые его обирали, и даже полицейские, которые ранее его били, вроде таких, как становой пристав Тризна, или бывший аксакал, старшина и т. д. остались на месте. Невольно у него были большие сомнения и недоверие к органам власти. Появление же рабочего в кишлаке или старом городе, даже не владеющего их родным языком, вызывало всегда радость и поддержку во всех действиях по осуществлению мероприятий советской власти.

Широкие массы батрачества, бедноты, мелких городских кустарей и даже мелкой буржуазии хорошо уяснили лозунг, что „советская власть—есть власть рабочих и крестьян". Это внушало им надежды на лучшее будущее, а также давало возможность уяснить себе, кто является действительным виновником разных безобразий, которые творились со стороны всех мастей и названий антисоветских и антибольшевистских партий и чиновников советского аппарата, применявших разные методы подрыва авторитета как партии, так и советской власти, и использовывавших наши ошибки, в особенности в национальном вопросе.

Крайкомом партии большевиков Туркестана была принята более или менее правильная организационная структура. Были организованы областные комитеты, в июне 1918 г. организованы партколлективы, устав которых был составлен на основе материала, опубликованного в „Правде". Первые ячейки были организованы в Первомайских и Красновосточных мастерских.

Таким образом, в июле месяце в партийных организациях края насчитывалось членов партии около 3000 тыс. человек. Этому отряду пришлось вести упорную борьбу, мобилизовать рабочих для отражения наступавших со всех сторон белых банд и басмачества и для подавления внутренних восстаний.

В таком положении нас застало развернувшееся к этому времени новое наступление Дутова, для отражения которого выехал Ташкентский отряд из Ташкента, Перовска и др. В это

же время получили сообщение из Ашхабада, что поехавший из Ташкента отряд во главе с большевиком Фроловым в Кзыл-Арвате был уничтожен до одного человека кзыларватскими рабочими, что это якобы произошло благодаря анархическим действиям чрезвычайного уполномоченного Фролова, будто бы, стрелявшего в проходивших рабочих. Это было в первой половине июля 1918 года.

Почему же это произошло? Произошло это потому, что правые эсеры и меньшевики спровоцировали рабочих, ибо когда приехал в Ашхабад Фролов, с помощью которого ашхабадские большевики навели порядки, там везде сидели меньшевики и эсеры и всячески дискредитировали советскую власть, вплоть до организации открытого мятежа, выставления требований разгона советской власти и созыва учредительного собрания. Когда же часть контрреволюционной банды была заменена лучшими передовыми рабочими, когда в областных и местных органах власти стали большевики, и Фролов выехал дальше в Кзыл-Арват, контрреволюционные вожди увидели, что их песенка будет спета и провели бешеную провокационную работу.

В результате кзыларватские и ашхабадские рабочие стали на сторону правых эсеров и меньшевиков, уничтожили отряд Фролова и фактически открыли Закаспийский фронт. После получения телеграммы в Ташкенте о событиях в Кзыл-Арвате туда не были посланы вооруженные силы. Решили послать мирную делегацию во главе с народным комиссаром труда Полторацким—большевиком, рабочим-печатником. Но тов. Полторацкий, доехав до Мерва, 22 июля ночью был предательски вызван из вагона, отвезен за город и там убит.

Через день были убиты 9 ашхабадских комиссаров; из них 8 рабочих большевиков и Дорев—юрисконсульт железнодорожного управления. После этого часть красноармейцев была арестована, часть расстреляна. То же самое проделали в Мерве. Наконец, было организовано временное контрреволюционное правительство во главе с правым эсером Фунтиковым. Так начался Закаспийский фронт.

После этих событий и, главное, после убийства тов. Полторацкого нашему правительству стало ясно, что надо посылать не мирные делегации, а вооруженные отряды. Во дворе Красновосточных мастерских было созвано общее собрание всех железнодорожников узла, а также рабочих других предприятий, где была заслушана информация о происшедших событиях в Закаспийской области. На собрании присутствовало не менее 5 тысяч чел.

Меньшевики и эсеры мобилизовали все свои силы, плотным кольцом окружили трибуну. Когда кончили информацию и обратились с призывом ко всем рабочим—дружно выступить с оружием в руках, разогнать временное правительство и заставить Закаспийскую область подчиниться власти советов, меньшевики

начали выступать один за другим и с яростью набрасываться на большевиков, обвиняя последних в создании искусственного столкновения между рабочими. Они беспрерывно повторяли, что виноват Фролов, который-де вынудил рабочих Кзыл-Арвата на выступление и умалчивали об убийстве тов. Полторацкого.

В особенности ярко выступали меньшевики-машинисты Первомайского паровозного депо: Толпыго, Крашталь, Воронин, из Красновосточных мастерских: Розенбаум, Розенкевич, И. Попов и др. При выступлении наших ораторов они кричали, старались заглушить их и даже дошли до того, что Першина не пускали на трибуну, хватая его за полы тужурки.

Митинг продолжался часа четыре. Рабочие стояли спокойно, потому что великолепно понимали, что вначале спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками ашхабадские и кзыларватские рабочие снова выступят на защиту советской власти. Революционная роль кзыларватских рабочих в 1905 году была всем известна.

Многие из присутствовавших были активными участниками революционного движения в те годы как в Ашхабаде, так и в Кзыл-Арвате, а некоторые даже сидели в царской тюрьме и были административно высланы из Кзыл-Арвата и Ашхабада. Нужно знать старого рабочего, чтобы понять его внутреннюю борьбу и сомнения. Наружно он был спокоен, спокойно стоял в течение четырех с лишним часов, слушал ораторов, но несмотря на это, напряжение было невероятное, каждый думал: „а какой будет конец?“

И конец наступил. Выступил, кажется, Паршин — слесарь паровозосборного цеха и сказал только несколько слов: „Довольно говорить, надо ехать“, после чего раздались возгласы: „Надо ехать“. Голосуется предложение о прекращении прений, и прения прекратились. Председатель собрания поставил на голосование предложение немедленно организовать отряды и послать против восставших закаспийцев, свергнувших советскую власть. Второе предложение: обратиться ко всем рабочим с призывом организовать такие же отряды и послать на Закаспийский фронт. Было решено также послать особые делегации в Кзыл-Арват и к ашхабадским рабочим с предложением самим свергнуть обманувших их меньшевиков и эсеров и восстановить советскую власть.

Меньшевики заметили сильно изменившееся настроение рабочих и перестали настаивать на своем первоначальном предложении отказаться совсем от поезки в Ашхабад. Они внесли другое предложение: послать мирную делегацию из рабочих, выбранных на общем собрании. Было поставлено на голосование первое предложение—море рук. Меньшевики протестуют, требуют подсчета, рабочие возражают.

Ставится второе предложение—голосует человек полтораста. Ташкентские рабочие этим голосованием после Октября еще раз доказали, что они всегда готовы защищать советскую власть, не

жалея своей жизни. Уже утром были поданы вагоны, и на следующий день ташкентские красногвардейцы выехали на Закаспийский фронт. В ответ на призыв правительства сообщили о готовности немедленно выступить и выехать на фронт самаркандцы, урсатьевцы, кизилкийцы и т. д. Чарджуйцы же, не ожидая чьего-либо приказа, выступили против закаспийских белогвардейцев, которые подступали уже к Байрам-Али, одни задерживали их напор до прибытия подкрепления.

Таким образом, в июле месяце имелось три фронта. На Оренбургском фронте против Дутова вели борьбу оренбургские рабочие и отряды красногвардейцев: Актюбинский, Челкарский, Казалинский, Перовский и Ташкентский. Главные силы в борьбе против басмачества были первое время организованы из самих же ферганцев: кокандских, андижанских, кизилкийских рабочих, рабочих хлопкоочистительных заводов и т. д.

В течение последних лет некоторые троцкиствующие историки в своих трудах пытались утверждать, что местное население не принимало активного участия в революции и гражданской войне, другие, же не утверждая этого, просто смазывали громадную роль местного населения в гражданской войне. Это конечно не верно.

Нужно сказать, что в Фергане активное участие в борьбе против басмачества принимали узбеки. Также и в отрядах, сражавшихся против Дутова, было много казаков и киргиз. На Закаспийском фронте были отряды из туркмен, одним из активных участников с нашей стороны был тов. Атабаев (ныне председатель Туркменского Совнаркома). Большую роль сыграли в борьбе на фронтах интернациональные части из бывших военнопленных австрийцев и, главным образом, венгерцев. Всего было около 3 тысяч человек.

ГЛАВА X

ВНУТРИПАРТИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Одной из основных организационных ошибок партийных организаций Туркестана было то, что сразу же после Октября не был созван Краевой партийный с'езд и не был создан Краевой партийный центр, что дало бы возможность выработать единую программу и тактику действий и облегчило бы борьбу с нарастающей контрреволюцией в крае. Первый Краевой с'езд по инициативе Ташкентской организации был созван в 1918 году 17 июня. К моменту первого с'езда партийная организация Туркестанского края уже насчитывала в своих рядах до 4 тысяч человек. Самой многочисленной организацией была Ташкентская, в которой было около 900 человек, из них 700 человек русских и 200 человек узбеков старого города.

На партийном с'езде делегатов было до 40 человек. Повестка дня с'езда была следующая: 1) доклады с мест, 2) о партийной работе на местах, 3) постановка работы среди мусульманского пролетариата, 4) издательство, 5) связь с партийным центром и взаимоотношения с ним, 6) текущий момент, 7) образование партийного центра.

Я не буду останавливаться на каждом пункте повестки дня, я лишь кратко укажу то, что данный с'езд внес ясность в ряд вопросов, а также разрешил ряд организационных вопросов. Например, именно после с'езда на предприятиях и при учреждениях начали организовываться партийные ячейки, которые в то время назывались партийными коллективами.

Такая форма организации сразу же дала хорошие результаты, ибо был об'единяющий коммунистов центр—бюро коллектива.

На с'езде был сделан также некоторый шаг вперед в области национального вопроса, хотя нельзя сказать, чтобы он был решен совершенно правильно, по-ленински. Решения по национальному вопросу в основном сводились к следующему: 1) государственным языком, наряду с русским, об'явить язык тюркский, 2) образовать комиссариат по национальным делам при областных, уездных советах, 3) все официальные органы издавать на тюркском языке, 4) организовать курсы по подготовке партийных работников из коренных национальностей, 5) создать мусульманскую Красную армию, 6) приступить к созданию партийной литературы на тюркском языке.

После завершения организационного оформления большевистских партийных организаций в крае, началась решительная борьба с партией левых эсеров. К этому времени произошел известный всем из истории революционной борьбы случай. В июле месяце 1918 г. происходит убийство Мирбаха, германского посла, и мятеж левых эсеров. Интересен факт отношения к этому событию левых эсеров в Средней Азии, в частности в Ташкенте. Ташкентская партийная организация большевиков сделала запрос левым эсерам об их отношении к происшедшим событиям в Москве. Мы получили ответ такого содержания: „Причин, побудивших партию пойти на убийство Мирбаха и восстание в Москве, они не знают, а поэтому считают себя пока нейтральными". Затем туркестанские эсеры выдвинули теорию, что они, левые эсеры, не такие как там, в центре России, что у них совершенно другая линия. Какая? Неизвестно.

Но, несмотря на то, что разрыв в центре левых эсеров с большевиками произошел, наша партийная организация в Средней Азии не решалась в тот период итти на разрыв с левыми эсерами. В тот период за левыми эсерами шла еще часть рабочих, несколько отрядов на фронте целиком были левоэсеровские. Это обстоятельство и сдерживало нас от резкой постановки вопроса о разрыве. Левые эсеры могли оказать вооруженное сопротивление. На чьей стороне был бы перевес—неизвестно. Поэтому надо было выжидать.

С этого момента нашими большевистскими организациями наиболее сильно ведется борьба за овладение массами и за руководство ими, за руководство советами. Результаты были небезуспешные для нашей партии. Начался постепенный отход от партии левых с.-р., сначала единицами, а потом целыми группами. Так например, в Первомайских мастерских перешли к большевикам тов. Колбин—рабочий вагонного цеха, который пользовался большим авторитетом среди рабочих. После его перехода вскоре группа рабочих, человек до 20, также перешла в партию большевиков, многие просто уходили из левоэсеровских организаций и оставались беспартийными или сочувствующими большевикам.

Были и такие случаи, когда происходили собрания коммунистической партийной ячейки совместно с собранием с. р. Последние слушали, как мы обсуждали вопросы, и когда принимали предложение, то они просили, чтобы в протоколе записали, что они тоже присоединяются к нашему предложению. Или, например, идет у нас собрание, принимается предложение, приходит кто-нибудь из левых с. р., переписывает наше предложение, и целиком, без всяких поправок оно принимается на их собрании.

Когда происходили общие собрания рабочих, всегда принимались предложения, вносимые большевиками.

То же самое было в пассажирском депо. Там группа товарищей—Кафанов, Отрепьев, Рогозин—провели большую работу по отколу от левых эсеров многих рабочих.

Сложней обстояло дело среди паровозных машинистов. Там была сильная группа меньшевиков—Кришталь, Боронин, Толпыго и друг., они вели разлагающую работу Правда, большинство из них не отказалось от поездки на фронт в качестве машинистов.

Но несмотря на то, что там были сильны меньшевики, опиравшиеся на рабочую аристократию—машинистов и т. п., все же нашим товарищам Елисеву, Малышеву и друг. большевикам удалось вырвать из под влияния этой рабочей аристократии рядовых рабочих помощников машинистов, кочегаров и т. п.

Было второе слабое место—это служба движения, особенно кондуктора и часть проводников. Там была сильна группа левых с.-р., во главе с Ломакиным, Роговым. Но и здесь постепенно росло большевистское влияние, осуществляемое нашей партией. Особенно большое влияние имел и пользовался авторитетом большевик кондуктор Д. Попов.

Наконец, в службе пути сидели—левый эсер Сичков, меньшевик Подлесный. У нас там была хотя и маленькая, но сплоченная и твердая группа большевиков: Мальков, Майданов и Торкашев, которые вели массовую работу.

У Красновосточников была довольно большая группа рабочих левых эсеров. Во главе их были Форов и Котельников. Там же был правый эсэр Новоселов, вокруг которого также была группа рабочих. На заводе была также группа активных меньшевиков социал-демократов: Дворянов, Глазунов, Тюленев, братья Михеевы, Похидченко, Матузенко, И. Попов, Родзенбаум, Розенкевич, Редько и друг. Всего в этой группе было около 25 человек.

Но хуже всего было то, что комиссаром главных мастерских был назначен ренегат Агапов, который весной 1918 года испугался трудностей, вставших на пути развития пролетарской революции и фактически перешел в партию меньшевиков. Вместе со всей меньшевистской группой Агапов вел среди рабочих мастерских активнейшую подпольную провокационную работу, которая сказалась в январские дни 1919 года.

Городские мелкобуржуазные партийные организации (правые эсеры, меньшевики, дашнаки) к тому времени уже решительно стали на путь контрреволюции. Численно эти организации несколько уменьшились, так как некоторая часть их перешла в партию левых эсеров.

Сильно укрепилось влияние большевиков в союзе Хлопмасмыло. Там уже была группа товарищей, которые резко стали вести борьбу против засевших меньшевиков, Климов и др. У металлистов, куда входили и тап трамовцы, и в других профсоюзах также имели большое влияние большевики (Гаврилов, Березовский).

Резкий перелом произошел внутри старогородских организаций. От Шуро-Исламия и от левых эсеров в старом городе отошла группа рабочих, в особенности строители и кустари-одиночки. Левые эсэры возглавлялись Турсун-Ходжаевым. Во

главе большевиков стояли, Низаметдин-Ходжаев, Касым Ходжаев, Бабаджанов и др.

Нужно сказать, что к этому времени в партию большевиков стали проникать такого типа чуждые партии люди, как Кушбегиев, Мунавар Кары, Осипов и т. д. Они в партию шли не для того, чтобы организовать батраков, бедняков и рабочих для закрепления завоеваний Октября, для борьбы вместе с российским пролетариатом против белых банд и басмачества, для помощи партии правильно разрешить национальный вопрос, земельный вопрос, так как земля еще находилась в руках баев, русских предпринимателей и кулаков. Они шли в партию с той целью, чтобы можно было лучше вести свою националистическую контрреволюционную работу. Вступление в партию замаскированных контрреволюционеров создавало невероятные трудности для партии и рабочего класса.

Но, несмотря на это, влияние нашей партии значительно возросло.

Борьба с левыми эсерами особенно разгорелась в Ташкентском совете в период перевыборов совета.

Во время выборов президиума Исполкома мы предлагали свой список, левые эсеры предлагали свой, фракция заседала 4 дня — все договаривались. Наконец, поставили на голосование. Большинством голосов, кажется 15-ю, наш список был принят. Впервые нами была достигнута такая победа. До этого председателем совета был все время левый эсер. Председателем был избран большевик ТОБОЛИН. Вся фракция левых эсеров ушла с заседания: предварительно ЧЕРНЕВСКИЙ заявил, что они работать не будут и пойдут аппелировать в массы. Примерно с неделю большевики работали одни.

В то же самое время несмотря на то, что многие рабочие ушли на фронт, оставшаяся часть рабочих героически справлялась с ремонтом паровозов, вагонов и т. д., во-время подавая их на фронт, хотя ремонт подвижного состава сильно затруднялся отсутствием материалов.

Надо сказать, что чем резче разгоралась классовая борьба (в то время на территории советской республики появились чехи, Дутов, потом Колчак, Деникин), тем крепче становилась наша партия.

Те достижения, о которых я говорил, нужно было закрепить и двигаться дальше. Но оказалось, что в руководящей головке как в ЦК, так и в Ташкентском горкоме, было не все благополучно. Назревал раскол.

Началось это со следующего. В Ташкент, кажется, в конце июня месяца, удалось через фронт проехать одному партийному работнику, посланному Москвой, — тов. КАЧУРИНЕРУ. В нескольких выступлениях на собраниях актива и на общегородских собраниях тов. Качуринер очень четко поставил все партийные вопросы, умело ориентировался в обстановке, правильно заострил внимание партии на национальном вопросе и наконец, правиль-

но оценил значение партийно-массовой работы, роль профсоюзов и молодежи. Вся сумма этих вопросов, поставленная свежим человеком, встряхнула организацию, а тов. Качуринер сразу же завоевал авторитет.

Но Тоболину и еще группе товарищей это не понравилось. Особенно это касается Тоболина, который привык командовать. Тоболин, будучи руководителем коммунистической организации в Туркестане, считал, что все его предложения беспрекословно должны приниматься, независимо от того, верны они или неверны; достаточно было кому-нибудь внести поправку, как Тоболин начинал кипятиться, иногда даже уходил с собрания. Вообще он любил, чтобы все признавали его превосходство перед другими, злоупотреблял этим. Кроме того он имел тяжелый, замкнутый характер. Нужно конечно отдать ему должное. Он многое сделал в первое время для сколачивания партии и в борьбе с меньшевиками и левыми эсерами. Но в руководители компартии Туркестана он не годился, и это он почувствовал, когда приехал Качуринер.

В Качуринере Тоболин почувствовал человека, который может быть Ташкентской организацией противопоставлен ему.

Помню, на одном собрании обсуждался вопрос об участии партии в организации профсоюзов и о влиянии на них. Загорелся спор. В это время как раз было вынесено решение о мобилизации членов профсоюзов для дополнительной посылки на Оренбургский фронт. Меньшевики развели бешеную агитацию против мобилизации и выдвинули предложение послать от рабочих мирную делегацию для переговоров с Дутовым, причем организация этого собрания была подготовлена сепаратно. На собрании, где меньшевиками ставился вопрос о посылке делегатов к Дутову, присутствовали представители от всех профсоюзов города Ташкента. Собрание происходило в бывшей Казачьей слободке, в клубе. Присутсвовало человек до 300. Меньшевики воспользовались тем, что на этом собрании не было представителей власти и большевиков и выдвинули вопрос об Оренбургском фронте, сообщая разную нелепицу и обвиняли во всем большевиков.

Об этом стало известно заседавшему в Доме Советов партийному активу. КАЧУРИНЕР взял слово и предложил немедленно послать на это собрание трех человек прямо с собрания большевиков, мотивировав тем, что в этом собрании много рабочих, которые наслушаются ложной информации и, не разобравшись, придя на работу, эту информацию передадут всей рабочей массе, чем создадут нехорошее настроение среди рабочих. Он указывал также, что надо не допустить вынесения резолюции и выборов делегации для мирных переговоров. Тоболин взял слово и категорически запротестовал, заявив, что никого не надо посылать, а нужно разогнать это собрание. Долго продолжался спор, наконец собрание вынесло решение послать трех человек: Качуринера, Першина и Рубцова.

Вообще, Тоболин массово-политическую работу партии среди рабочих подменял административным нажимом. В национальном вопросе он стоял на позициях троцкистско-великодержавнических, считая ненужным привлечение к активному участью в советском строительстве трудящихся коренных национальностей.

В этот период он примыкал к бухаринской группе „левых коммунистов". Он хотел нашу организацию вести по „лево"-оппортунистическому пути.

Вот с того момента и началась дискуссия между Тоболиным и Качуринером. Не проходило ни одного собрания, чтобы не было спора. Впоследствии была выдвинута Тоболиным теория— молодых и старых коммунистов, что послужило причиной раскола верхушки партии. Я говорю — раскол верхушки, потому, что Тоболин, Колесов, Гущин, Сорокин и ряд других всего не более 30 человек думали повести за собой Ташкентскую организацию. Но этого им не удалось сделать. Ташкентская организация не пошла за ними. После этого Тоболин со своей группой стал вести самую гнусную антипартийную работу. В угоду своему самолюбию он стал на путь предателя партии и революции. Чтобы не повторяться, приведу целиком выдержку из статьи т. Антропова. Она целиком соответствует тому, что тогда было.

„Перейдем к разбору, стоящего в повестке дня первым пунктом вопроса о Тоболине, возглавлявшем группу так называемых „старых коммунистов". Вопрос этот с'ездом разбирался пять дней. История этой группировки в дос'ездовский период такова. Первые признаки наростающего конфликта между Тоболиным, возглавлявшем и высший партийный и советский орган края (председатель ЦИК и ЦК партии) и группой товарищей возглавлявших Ташкентскую организацию, начали заметно проявляться со времени прибытия из центра ряда партийных работников: Качуринера, Мартынова, бр. Равдиных и ряда других.

Конфликт начался по вопросу об отношении к рабочим массам и работе среди них. Т. Финкельштейн в своей статье „О прошлом",[1]) так характеризует новый курс партийной работы: „Внутри Ташкентской организации сколачивается выдержанное большевистское ядро. Партия начинает подтягиваться. Она впервые ставит вопрос о разграничении партийно-советских функций, о внутрипартийной работе, о работе в массах". Усиливающаяся на этой почве требовательность к отдельным партийцам, в частности к самому Тоболину и пред. Совнаркома Колесову, вызвала с их стороны резкий отпор. Тоболин заявляет: „Революцию в Туркестане делал я, большевиками вас сделал я и не обязан вам подчиняться". А на предложение организации Колесову отчитаться в своей работе, этот последний заявил: „Я вам не обязан, я выбран краем". Дальнейшим следствием начавшегося конфликта был выход Тоболина из ЦК и отзыв Колесова с работы в Совнаркоме. Свой выход из ЦК Тоболин письмом на имя этого ЦК мотивирует следующим образом:

[1]) Ст. в журнале «За партию» № 1 (5) за янв. 1928 г. стр. 87—90.

„Принимая во внимание неправильную тактику ЦК партии по отношению к левому ее крылу и отмечая сильное влияние оппортунизма в центральном Комитете, я старый член ЦК, избранный общереспубликанским с'ездом не нахожу возможным оставаться в рядах ЦК впредь до с'езда партии, который должен, избрав соответствующий состав своего центра, указать ему истинный путь революционного социализма, а настоящим довожу до сведения о выходе из состава ЦК.[1])

Вопрос о выходе Тоболина из ЦК обсуждался по инициативе Ташкентской организации на комфракции VI Чрезвычайного с'езда Советов Туркреспублики (в середине октября). Тоболин здесь в своем выступлении заявил, что он не останется во фракции до тех пор, пока там будут присутствовать те члены Ташкентской организации, против которых он выступает. После этого „фракция решила за невозможностью разобраться в деле" поручить всесторонне выяснить этот вопрос врем. ЦК.

Эта же фракция, выделившая временное ЦК, в виду распада избранного на I с'езде, предложила ему созвать в ближайшее время II Краевой с'езд.

После VI с'езда Советов Тоболин, „выдвинул против организации обвинение в том, что она засорена, что в ее рядах работают агенты бывшего охранного отделения, вышел из партии и опубликовал заявление о новой организации „старых коммунистов" в новой редактируемой им газете „Коммунист". А вслед за этим сторонниками Тоболина публикуется такое заявление: „Ознакомившись с письмом, помещенным в № 47 (от 28 ноября—П. А.) газеты „Коммунист", мы, нижеподписавшиеся, не находим возможным оставаться в числе членов Ташкентской организации коммунистов-большевиков, о чем доводим до сведения." [2]) И далее идут подписи 16 человек. И развернутые Тоболиным в „Коммунисте" резкие нападки против партии и шаги по организации новой партии (в „Коммунисте" 1 декабря появилось об'явление о собрании „старых коммунистов"), заставило временный ЦК газету „Коммунист" закрыть и на заседании от 4/XII вынести следующее постановление: „1) Не признавать таковую (группу „старых коммунистов"—П. А.), как возникшую явочным порядком, при существовании надлежащих организаций партии, притом еще в уродливой форме—при участии не имеющих никакого отношения к партии элементов; 2) членам партии предложить не входить ни в какие сношения с вышеуказанной организацией; 3) всем вошедшим в вышеуказанную организацию членам партии предложить в 3-дневный срок выйти из таковой, после чего, если эти члены не заявят о выходе, исключаются из партии; 4) принять все меры пред-

---

[1]) Показ. Солькина по делу «Стар. ком»., арх. Средазбюро ЦК ВКП(б) д. № 54, л. 13.

[2]) Показ. Солькина по делу «Стар. ом.» арх. Средазбюро ЦК ВКП(б) д. № 54, л. 13.

отвращения дальнейшего разложения в партии вообще и в Ташкенте в частности"[1]).

В этот же день Тоболин, явившись в Белый дом к Малкофу, заявил, что он, как руководитель группы „старых коммунистов", не желает подчиняться закрытию газеты „Коммунист", что несмотря ни на что, газета будет выходить. Что он также не подчинится запрещению выезда Колесова в Самарканд и что поезд для этой поездки будет взят с бою с помощью 27 молодцов. А если ЦК будет также преследовать группу, то она примет все меры, обладая для отпора необходимой силой.[2])

5 декабря члены группы Гущин и Петров явились на фронтовой с'езд Красной армии и, назвавшись представителями новой партии „старых коммунистов" и пред'явив ряд обвинений ЦК и ЦИКу, начали грозить, что в случае неудовлетворения их требований „откроется новый фронт". В ответ на это с'езд постановил об аресте руководителей группы и пожелание о создании следственной комиссии по их вопросу. При аресте Тоболина и Костюка в квартире Зелетдинова все трое оказались вооруженными револьверами и бомбами и, став в позу обороняющихся, категорически отказались сдать оружие, угрожая пустить его против арестовывающих их. Для ареста пришлось применять силу. Сообщив, что Колесов выехал в Ферганy, Тоболин заявил: „Завтра явятся войска из Самарканда".[3])

В дальнейшем, в своих показаниях „Особой следственной комиссии" Тоболин следующим образом мотивировал свои действия: „Из Ташкентской организации коммунистов я вышел не по идейным соображениям, а потому, что в среде ее находились определенные провокаторы, разложившие и засорившие ряды партии настолько, что борьба с ними внутри организации стала бесполезной". И дальше „В Ташкентской организации я не доверял и не доверяю: Пашко, Самброс (жена Пашко), супругам Качуринер, Троицкому, Рахмилевичу, Муравьеву и многим другим неизвестным мне лицам, появившимся со стороны Оренбурга". „Цель организации нашей — возвращение к работе в массах, организация масс, наш лозунг в массы и работы через массы". Наша цель — разложить существующую организацию, привлечь из нее лучшие элементы, а темные элементы откинуть и, таким образом, создать единую мощную коммунистическую организацию[4].)

Такова платформа выдвинутая Тоболиным в его показаниях Особой следственной комиссии и затем разбираемая на II Краевом с'езде партии. После пятидневного разбора этого вопроса с'езд большевиков 108 голосов против 38 и при 8 воздержавшихся, вынес следующую резолюцию:

---

[1]) Дело № 54 «О стар. коммунистах», архив Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б).
[2]) Там же.
[3]) Протокол № 1 Особ. Следств. Комисс. от 1 дек. 52.
[4]) Дело № 54 Особ. следств. комиссии.

С'езд признает:

1. Что принципиально идейных расхождений между группой, так называемых «старых коммунистов» с Ташкентской организацией нет.

2 Что выход группы «старых коммунистов» из Ташкентской организации, необоснованный никакими идейными принципами или тактического характера расхождениями, недопустим с точки зрения партийной дисциплины.

3. Что об'яснения руководителя группы «старых коммунистов» Тоболина относительно выхода из Ташкентской организации: а) по причине загрязнения рядов Ташкентской организации темным и авантюристическим элементом и б) соглашательской политике ЦК партии — не выдерживают никакой критики.

4. Борьба с временным ЦК партии Ташкентской организации, производимая вне партии, недопустима.

Принимая все вышеизложенное с'езд постановил: предложить группе так называемых «старых коммунистов» строго подчиниться партийной дисциплине, войти в какую-либо существующую Росс. Коммунист. партию в Туркестанской республике, бороться с замечаемыми недостатками только внутри партии и работать в этих организациях под контролем ЦК партии. В случае отказа подчиниться сему постановлению члены группы, так называемых «старых коммунистов» исключаются из Туркестанской организации Российской Коммунистической партии со всеми вытекающими отсюда последствиями [1].

Таким образом с'езд осудил группировку и предложил ей подчиниться воле партии. Но осудив ее, с'езд допустил весьма серьезную политическую ошибку, решительно смазав принципиальную, политическую сущность группы так-называемых „старых коммунистов", которые были не чем иным, как своеобразным проявлением троцкизма, туркестанским отрядом фракции „левых коммунистов", ведшим в то время кампанию против ЦК партии в Москве. Тоболин был безусловно троцкистом. В то время он всякое свое выступление использовывал для пропоганды „перманентной революции". От троцкистских позиций Тоболин не отказался и в своей последующей работе.

Вот при каких условиях был созван с'езд в первой половине декабря 1918 года.

Делегатов на этом с'езде было 170 ч., членов партии к этому времени было уже 10 тысяч слишком.

Повестка дня была следующая: 1) Вопрос о Тоболине. 2) Отчет о деятельности временного центрального комитета (временного потому, что в ноябре, во время с'езда советов была созвана партийная конференция и в связи с неработоспособностью ЦК, избранный на II с'езде, ЦК был переизбран на этой конференции, эту конференцию и надо считать первой) фракции ЦИКа и доклады с мест, 3) текущий момент, 4) партийная работа в центре и на местах.

Состав ЦК был избран из 7 человек следующих товарищей 1) Ауляни, 2) Джурабаев, 3) Ермолов, 4) Нахматулин, 5) Новицкий, 6) Солькин, 7) Шакиров. Интересно отметить, что работники, которые были на советской работе в партийные органы не выбирались и получалось так, что председатель Турцика и Совнаркома в ЦК не входили.

[1]) Архив Испарта Средазбюро ЦК ВКП(б) Дело II с'езда в Туркестане.

ГЛАВА XI

ЯНВАРСКИЕ СОБЫТИЯ

Пока шла дискуссия в партии третья сила готовила удар в спину.

Работа Тоболина окрылила меньшевиков и другие контрреволюционные элементы. Начинаются бешеные наскоки, агитация и стремление разложить рабочие массы. Левые эсеры усиленно этому содействуют и также ведут разлагающую работу, несмотря на то, что они входили в состав правительства. Они саботируют, выходя из состава правительства. Атмосфера в мастерских накаляется до отказа. Агапов со своей группой развил работу во всю. Он неоднократно пытался проникнуть и в 8-й район, созывая для этой цели об'единенные совещания, главным образом по экономическим вопросам. На этих совещаниях подвергаются критике действия правительства и партии большевиков. Но захватить 8-й район ему не удалось, благодаря тому, что как состав самого комиссариата, так и партийной организации были достаточно крепки и сумели удержать влияние в своих руках. Мы не допустили разлагающего действия меньшевиков и эсеров. В своей подрывной работе они дошли до методов царского правительства, применявшихся при погромах — спаивание. Они агитировали за посылку в Самарканд за вином. Обстановка обострялась.

Наконец красновосточники потребовали от правительства доклада о продовольствии. Приехал Войтинцев — председатель Тур ЦИК'а с докладом. Только он выступил, как поднялся шум. Войтинцев просил успокоиться, но шум поднялся еще больше. Видно было, что все подготовлено. Вскакивает на трибуну Колузаев и произносит демагогическую речь, направленную против правительства. Наконец, общими усилиями удалось заставить крикунов замолчать и дать возможность Войтинцеву закончить доклад. Решение было коротко — доклад принять к сведению. Другого предложения внести при таком настроении было невозможно.

В связи с таким тяжелым настроением решения II с'езда партии, происходившего во второй половине декабря 1918 г. проработаны в массах не были. Конфликт с левыми социалистами-революционерами чувствовался, развязка с ним должна была наступить, ибо нельзя было дальше так работать. Они все

время не работали с правительством, а выступали в роли критикующих и шли в массы, разлагали тыл, что в известной мере отражалось и на Красной армии и гвардии. Но никто не предполагал, что удар будет нанесен в спину военным комиссаром Осиповым и Агаповым.

За три дня до восстания мы были в железнодорожном районном комитете, который был создан незадолго до событий, и обсуждали вопрос о необходимости дополнительного вооружения членов партии. Был разработан план, по которому каждый член партии прикреплялся к определенному отряду. Назначены были командиры отрядов. Кроме того, в определенном месте должны были быть сосредоточены пулеметы и патроны к винтовкам, каждый партиец при себе должен был иметь оружие: винтовку, наган и ручную бомбу. На случай вызова был установлен пароль.

Весь этот план был утвержен на закрытом районном партсобрании 16 января. Но осуществить нам его не удалось. 18 января ночью (под крещение) Осипов совершил давно задуманное им гнусное предательское дело, и выступил против советской власти.

Необходимо несколько осветить, как велась подготовка и кто стоял во главе восстания, как это потом выяснилось в момент восстания и на суде над Цветковым, Тишковским, Агаповым и др.

История гражданской войны, эпоха борьбы рабочего класса Страны советов под руководством Российской коммунистической партии (б) с интервентами и контрреволюцией, имела не малое значение и для Туркестанского края. Характеризуя исторические этапы борьбы с контрреволюцией в Туркестанском крае, природу, зарождение и вдохновителей этой организации, главным образом, нужно остановиться на событиях, которые имели место в период 1918—1919 года в Туркестанском крае и городе Ташкенте, когда рабочий класс России под руководством ВКП(б) напрягал величайшие усилия, проявил величайший героизм на всех фронтах борьбы с интервентами и контрреволюционными организациями. В это время царское отрепье в лице бывших генералов, офицеров, эксплоататоров и всех мастей лакеев в Ташкенте активизировало свои силы в целях свержения советской власти и образования автономной республики под английским протекторатом.

В этих целях Ташкентская контрреволюционная организация во главе с бывшим генералом Кондратовичем, полковником Корниловым, генералом Джунковским, Блаватским, Арсеньевым и т. д. при материальной поддержке англичан развернули свою подрывную работу по организации „белой гвардии".

Но деятельность контрреволюционной организации не ограничилась только рамками определения руководящего идейного штаба, ибо на этих силах далеко не уедешь. Нужна была массовая организация, нужна была опора, нужна физическая сила для осуществления контрреволюционных планов.

В этих целях инициативная группа контрреволюционной организации при поддержке английской миссии в Баку, Мешеде, Кашгаре и английского консула в Ташкенте, в лице Фельберга, Агапова, Запкина, Александрова, Назарова, Неделкова, Егорова, Иванова, Фридмана, Михайловского, Новоселова, Копалова, нашли своих соратников по оформлению организации и укреплению своей опоры.

В целях активизации своей работы организация твердо распределила обязанности между собой.

На обязанности Фельберга лежало информировать организацию. На Запкина возлагалась задача насыщения органов милиции, своими людьми, которые в большинстве своем были бы противниками советского строя. По мнению организации в свержении советской власти милиция как физическая вооруженная сила должна была сыграть решающую роль. На Кондратовича возлагалось руководство во время переворота вооруженными силами со стороны старого города.

На Джунковского возлагались установление и поддержка связи с английской миссией в Мешеде (Персия), а также доставка материальных средств для организации. Александров ведал материальной частью организации, а также материальным обслуживанием „нуждавшихся" членов организации. На Фридмана возлагалась задача установления связи с военнопленными и вербовка последних на сторону организации.

Новоселов должен был ориентировать широкие массы и информировать о их настроении.

На Конохова, как на работника милиции возлагалась роль организации охраны собраний организации, а также ее конспиративной работы.

На Иванова возлагалось установление связи с английской миссией в Кашгаре.

На Агапова возлагалась главная роль руководства в деле организации переворота под лозунгом переворота силами рабочих.

Михайловский обслуживал все конспиративные заседания контрреволюционной организации и вербовку актива последней.

Контрреволюционная организация финансировалась по линии английской миссии Мешеда и Кашгара и со стороны Мерва — Баку.

Имеющимися материалами отмечено, что за период существования контрреволюционной организации со стороны английской миссии из Мешеда через Джунковского было получено сто тысяч рублей в конце августа 1918 г. Они были распределены так: Блавацкий получил тридцать тысяч и в конце сентября двадцать шесть тысяч, Кондратович получил пятнадцать тысяч рублей, Корнилов — пять тысяч рублей, Арсеньев — две тысячи, Зайцев — три тысячи рублей, а остальные средства были распределены между остальными членами организации. Имелась попытка со стороны контрреволюционной организации

послать в Мерв Запкина, Неделкова и Егорова за деньгами, которые они должны были получить на заводе (каком именно установить не удалось). Эта поездка, как показывают материалы, не состоялась, вследствие открытия Ашхабадского фронта.

Связь с английской миссией, как указано выше, контрреволюционная организация поддерживала через генерала Дружковского. Помимо этого устанавливалась связь с английским консулом в Кашгаре через капитана Иванова. В целях чего капитан Иванов, маскируясь желанием заняться торговлей чаем и на месте познакомиться с этим делом и приобрести якобы лучшие образцы должен был поехат в Кашгар. Контрреволюционная организация всю свою работу вела в строго конспиративном порядке и работала исключительно по программе английской миссии.

В круг обязанностей организации помимо подготовки вооруженного выступления против советов входила борьба с германской ориентацией, особенно по Фергане, где по их источникам был сильно развит панисламизм.

В основу организации вооруженного переворота с целью ниспровержения советской власти было предпринято распространение мнимого недовольства рабочих советской властью. Для этого переворот подготовлялся от имени рабочих. Большая роль в этом деле была отведена Агапову и генералу Кондратовичу, который вербовал лиц способных вести пропаганду, расчитывая в этом случае исключительно на молодежь, полковнику Корнилову, который вербовал мусульман для этой цели; Арсеньеву, который вел также пропаганду среди мусульман; Занкину, который в лице органов милиции подготовлял вооруженную силу и т. д. выступление предполагалось в апреле 1918 года. Но в апреле 1918 г. им не удалось осуществить своего злодейского плана. Это было произведено в январе 1919 г. в несколько измененном составе.

Был организован контрреволюционный комитет в составе военного комиссара Осипова, председателя комиссаров главных мастерских Агапова, его помощника И. Попова, одного рабочего мастерских, Новоселова, Цветкова (полковника) Тишковского с высшим юридическим образованием. (по своим политическим взглядам близок был к кадетам, хотя называл себя социал-демократом), Руднева (офицер генерального штаба). Был разработан план, по которому должна была вестись работа в следующем направлении: будирование рабочих посредством провокации, создание недовольства среди рабочих, подбирая для этого своих людей.

То же самое они проводят в крепостной роте и в гарнизоне, посылая своих людей для этой цели. В их задачу входило распространение среди красноармейцев провокационных слухов и подрыв авторитета советской власти. Они старались заменить своими людьми весь командный состав гарнизона. Они вели также работу по разложению отрядов советских войск, дерущихся на

фронте против белых, организацию связи с некоторыми командирами частей, а также замену главным образом, большевиков своими людьми. Их программа — свержение советской власти и созыв Туркестанского учредительного собрания.

Разработанный план начал осуществляться. Я уже говорил, что Агапов умело организовал это дело, когда выступил с докладом Войтинцев, его не стали слушать. Но в 8-й район, в частности в Первомайские мастерские, им проникнуть не удалось. Там были твердые и верные руководители. Как потом выяснилось на суде, сестра Тишковского, работавшая в Управлении Комиссариата 8-го железнодорожного района машинисткой, передавала решения наших заседаний не только открытых, но и закрытых, а также секретные документы и давала информацию о настроении рабочих контрреволюционному комитету.

Командиром второго полка был назначен б. офицер Бутенин (2-й полк нес гарнизонную службу и составлен был главным образом из казаков и киргиз), что дало мозможность настроить эти части против советской власти. Но их попытки взять в свои руки Крепостную роту не дали никаких результатов.

Связь с англичанами удалось установить через б. офицеров. Была ли установлена связь с отдельными отрядами, следствием вскрыто не было, но что эта связь существовала сомнений не было.

Так готовился переворот. Но полностью осуществить свой план им не удалось. Несмотря на молодость и отсутствие опыта, нашей Туркестанской Чека все же удалось нащупать следы контрреволюционной организации. Были арестованы в прифронтовой полосе Закаспийского фронта по подозрению в шпионаже два офицера, у которых оказалось не то письмо от Бота (Бот был ад'ютантом Осипова), не то письмо Боту, хорошо не п мню в общем — документ, дающий понять, что Осипов замышляет недоброе. В связи с этим письмом и был арестован Бот (арест был произведен поспешно). Осипов понял, что будет раскрыт и решил выступить, не ожидая окончательного завершения организационного плана восстания.

С 18 на 19 января ночью обманным путем Осипов вызвал Войтинцева — председателя Тур. ЦИК, Фигельского — председателя Совнаркома, Качуринера — председателя Туркестанского Краевого Совета профсоюзов и редактора „Известий" Шумилова — председателя Ташкентского Совета и Финкельштейна — зампредгорсовета, Фоменко — председателя Турчека и всех их зверски расстрелял.

К утру были доставлены во 2-й полк: Дубицкий — комиссар путей сообщения, Малкоф — управляющий делами Совнаркома, Першин — второй зам. председателя Ташкентского совета, Шпильков — начальник партийной дружины, Троицкий — редактор „Известий", которых постигла та же участь. В общем было расстреляно 14 человек — все члены Коммунистической партии большевиков, из них рабочих 8 человек. Необходимо отметить,

арестованные левые эсеры, например, вождь этой партии б. член Союза русского народа Успенский и др. не были тронуты.

Так расправился контрреволюционер Осипов с лучшими борцами революции и руководителями коммунистической партии большевиков в Туркестане. Вечером часов в 9 приезжал воинский отряд к зданию комиссариата 8-го района, и только случайно большевистская головка этого района не была захвачена белогвардейцами; заседание было назначено на 7 часов вечера 18 января, но по просьбе тов. Попова Д. было перенесено на 19 января.

Во время суда Агапову был задан вопрос: „давал ли он согласие на расстрел комиссаров", он ответил: „Я не предполагал, что будет пролита кровь".

До сих пор не установлено и никто из левых эсеров не сказал почему Колузаев, половина отряда которого стояла на товарной станции вооруженной, а сам Колузаев путешествовал в течение всей ночи из штаба Красной гвардии и обратно в мастерские, не поднял на ноги весь отряд, не вызвал рабочих, дополнительно не связался с тов. Беловым, комендатом крепости, с самого вечера, чем, безусловно, предотвратил бы дальнейшие события, ибо у Осипова в начале восстания были небольшие силы. Нужен был решительный натиск — и он сам был бы арестован. Однако этого не было сделано. Спрашивается почему? Ответа до сих пор не получено.

Часов около пяти утра был дан протяжный гудок в мастерских. Соскакиваю с постели. Наскоро одеваюсь беру, винтовку и наган. Бегу в мастерские. Со всех сторон бегут с винтовками рабочие. Спрашивают „в чем дело, Манжара? Почему тревога?" — „Не знаю товарищи, придем, узнаем".

Подбегаем к мастерским. Ворота открыты. Бегу дальше. Возле конторы вижу стоит знамя с лозунгом социалистов революционеров. „Земля и воля". Признаться сердце немножко защемило. Я подумал, что левые социалисты-революционеры пошли на авантюру, дали ложную тревогу и арестовывают прибегающих большевиков. Когда зашел в контору никого из большевиков не было, кроме 50 человек беспартийных вооруженных рабочих. Спрашиваю: „В чем дело". Отвечают: „сами не знаем". Кинулся к телефону, вызываю квартиру тов. Шумилова, но ответа нет, провод не работает.

Вскоре пришли Ильясов, Рубцов, Казаков, Д. Попов и другие большевики. Стали спрашивать друг друга, что произошло. Но никто ничего не знал. У всех была одна мысль, что это какая-нибудь авантюра левых социалистов-революционеров. Наконец пришел Колузаев, который дал разъяснение, что тревожный гудок он дал в связи с тем, что ночью в городе было неспокойно, что в районе мастерских разъезжали какие-то отряды. Он сообщил также, что говорил с Войтинцевым и Шумиловым, которые приглашали его ехать к Осипову, находившемуся в это время во втором полку, но он не поехал и не советовал этого

делать и им. Наконец он сообщил: „Возможно, что Осипов изменил и выступил против советской власти".

Мне донесли, — говорил Колузаев — что Осипов находится во втором полку, где полный двор вооруженных. Больше никто ничего не знал. Выслушав информацию, мы заметили, что уже почти семь часов, а руководителей краевых и городских большевистских партийных органов не было. Пришли к убеждению, что все они арестованы и сидят. В то время мы не знали о том, что все они расстреляны.

На этом узком совещании было решено избрать Временный революционный комитет.

К этому времени в колесном цехе собралось тысячи полторы рабочих. Пока шли из конторы в колесный цех, группа большевиков успела обменяться мнениями, стоит ли нам входить во Временный революционный комитет? Мы опасались, что это действительно авантюра левых с.-р., что они для выигрыша времени и отвода глаз, как ташкентских рабочих, так и большевистских отрядов, находящихся на фронтах Оренбургском Ферганском, и Закаспийском, временно используют большевиков. Но потом мы решили, что в случае чего, вооруженную силу рабочих нам удастся повернуть против левых эсеров. Поэтому мы здесь же наметили кандитатуры в Ревком.

На собрании в колесном цехе с информацией о последующих событиях выступил член правительства тов. Казаков, который в то время был комиссаром продовольствия. После него выступил Колузаев и еще два-три человека. Рабочие приняли решение, что они готовы все умереть за советскую власть и ни перед кем не сдадутся и не сложат оружия до тех пор, пока не разобьют восставших контрреволюционеров. Так ташкентские рабочие еще раз доказали преданность советской власти. Надежды Осипова и Агапова, которые были уверенны, что рабочие не выступят с оружием в руках на защиту советской власти, разлетелись, как мыльный пузырь.

После принятия этого решения собранием был утвержден Ревком в количестве 37 чел., из них 15 большевиков, а остальные 22 человека левые социалисты-революционеры. Председателем был избран Панасюк — член Военно-революционного штаба Закаспийского фронта, считавший себя социалистом-революционером-максималистом. Я был избран товарищем председателя, а секретарем Левартовский. Командующим был назначен Колузаев.

В состав Ревкома были избраны: Панасюк, Казаков, Колузаев, Ильясов, Каминский, Манжара, Козлитин, Бапишев, Кочкин, Крайнюк, Фоминых, Куприянов, Семиреченко, Блиничкин, Попов, Заикин, Волженский, Монахов, Березуцкий, Каменников, Рябоконь, Весильевский, Галкин, Дорофеев, Котельников, Якименко, Рейзер, Черневский Н., Орлов, Власов, Колчин, Попов, Алиев, Сидоров, Иванов, Агапов, Ширинский.

Несмотря на то, что рабочих информировали о происшедших событиях, они все же не ясно представляли себе, что же все-

таки произошло, выступил ли Осипов против Советской власти или это выступление левых социалистов-революционеров.

Часам к 12 утра уже началась перестрелка по Духовской улице и по улице Шевченко. Отдельные отряды, не ожидая общего распоряжения командующего, сами двинулись в бой. Один отряд под руководством Бабешко, другой — Рубцова, когда дошел слух, что Першин, Шумилов и другие большевики расстреляны, пошли немедленно в бой.

Некоторые товарищи говорят, будто-бы бой начался 20 января. Это неверно.

Интересно было поведение Агапова. Он по гудку не пришел в мастерские, а за ним были посланы два красногвардейца. Он все время молчал и активно себя не проявлял. Об активном участии Агапова и И. Попова в контрреволюционной организации мы узнали случайно.

Как-то с телеграфа звонили и передали, что со станции Кауфманской какой-то командир вызывает к проводу Попова или Агапова. Мы передали, что сейчас придет. К проводу подошли Панасюк, Волженский и Попов И., вызвали ст. Кауфманскую. Один из них заявил: „Я Агапов, кто меня просил?". Был дан ответ: „Я командир взвода Исаев, Баранов и Савицкий". Для проверки еще раз они оттуда спросили, имя и отчество. Был также дан ответ. Тогда все трое, поверив что это действительно Агапов, сообщили, что у них все готово, мобилизовано 250 человек крестьян, для доставки которых в Ташкент необходимо выслать паровоз с вагонами и оружие. Они спросили: „Все ли покончено с большевиками и советской властью?" Им ответили, „С большевиками кончено, осталось покончить с крепостью" и посоветовали крестьян распустить, а самим прибыть в Ташкент, обещав выслать за ними паровоз.

Этот факт подействовал на нас, большевиков, убийственно. Об Агапове мы могли думать все, что угодно. Самый факт его ухода из большевистской партии весной 1918 года и переход к меньшевикам говорили за то, что он способен на многое, но мы все же не думали, что предательство с его стороны зайдет так далеко.

Я помню, как ко мне подошли тов. Д. Попов, Павлов и, кажется, Бабешко и спросили: „Ну что же теперь будем делать, как будем говорить с рабочими?" Я сам первое время растерялся, несмотря на то, что Агапова давно подозревал, и не мог дать ясного ответа. Но так или иначе пришлось быстро решать вопрос. Созвали заседание Революционного комитета, который решил арестовать Агапова и Попова. На лицах левых эсеров была видна злорадная улыбка, для них это был лишний козырь для партийной борьбы с большевиками за влияние на массы. Так думали они. Но беспартийные рабочие и рабочие левые эсеры отнеслись иначе. Они поняли, что это тяжелый удар для партии, и не высказали ни одного упрека, они только спрашивали

про Агапова: „верно ли, что он изменил?“ И это понятно, ведь он пользовался большим уважением рабочих.

В этот же день во 2-й полк были посланы два делегата Березуцкий и Зинкин выяснить, что же Осипов намерен делать, главным образом нужно было выяснить, какими вооруженными силами располагает Осипов. Через короткий промежуток времени наши делегаты возвратились в сопровождении представителя от Осипова и с письмом, написанным гнусным белогвардейским языком. Письмо его начиналось, примерно, следующими словами: „Товарищи рабочие и товарищи солдаты! Власть насильников и узурпаторов пала. Каждый может вздохнуть свободно, мыслить и говорить“. Дальше он сравнивает власть большевиков с властью Николая второго и призывает рабочих опомниться, пока не поздно. „Призывают вас, — писал Осипов, — присоединиться к знамени восстания против насильников народа русского. Враги народа Туркестана: Фигельский, Войтницев, Малкоф, Червяков пришли сами и изъявили покорность, [1]) но гневу массы не было предела, и они были растерзаны“. Подпись: „Осипов“. И дополнительно было написано: „Власть насильников уничтожена. События подготовлялись рабочими, крестьянами и военными. Военная сила только в первый момент приняла на себя власть. Ждем вас и надеемся, что вы принесете свою лепту в общее дело, и не создадите новой братоубийственной войны:“ Подписи: „Осипов, Тишковский“.

Президиум Ревкома зачитал это письмо. Наши делегаты сообщили, что, когда они Осипову рассказали, что все рабочие вооружены и рвутся в бой, то Осипов спохватился и с недоумением вскрикнул: „Как, разве рабочие не с нами“? Все они были убеждены в подготовленности рабочих Агаповым и их преданности им, но жестоко в этом ошиблись.

После этого был выслушан осиповский представитель, бывш. офицер Гагенский, который заявил, что они, восставшие во главе с Осиповым, не желают крови, не поднимут оружия против рабочих и надеются, что и рабочие сделают то же. Он сообщил так же, что общими усилиями будет организовано Временное правительство, которое и доведет край до учредительного собрания.

Вот гнусные контрреволюционные предложения со стороны Осипова.

Было написано Осипову ответное письмо следующего содержания: „Рабочие, своей кровью завоевавшие советскую рабоче-крестьянскую власть, сейчас готовы тоже своей кровью защищать и отстаивать эту власть“.

Я уже говорил, что перестрелка началась, примерно, часов в 11 утра.

За это время мы уже организовали 4 полка, 1-й полк состоял из рабочих Красновосточных мастерских, 2-й из Первомай-

[1]) Гнусная ложь. М.

ских, 3-й—городских рабочих и партийной дружины и 4-й — Оренбургская школа инструкторов, которая с винтовками и пулеметами в полном составе по гудку также пришла в мастерские. Кроме того, на нашей стороне была крепость. Всего вооруженных без крепостной роты у нас было около 1.500 человек и одна батарея. Командирами частей были назначены: Рубцов — большевик; Якименко — левый социал-революционер.

По сведениям, которыми мы тогда располагали, количество войска Осипова достигало до 4 тысяч: часть гарнизона, 2-й полк, 1-й полк кавалерии и вся буржуазия, сбежавшаяся во 2-й полк, узнав о выступлении Осипова против советской власти. Кроме того, Осипов пытался вызвать в Ташкент с Закаспийского фронта Казанский полк, но телеграмма была нами перехвачена и полк был оставлен на месте.

На 20 января было назначено наше общее наступление. В 6 часов утра почти тремя равными колоннами рабочие пошли в наступление. Одновременно из мастерских и крепости была открыта орудийная стрельба. Рабочие без передышки двигались вперед. К вечеру одна колонна приблизилась к крепости, вторая подходила к Пушкинской и третья колонна наступала из сквера против второго полка. Винтовочные и пулеметные пули сыпались как дождь, но наши отряды решительно двигались, все время отстреливаясь.

Наконец наступила ночь. Стрельба стихла. Только время от времени раздавались одиночные выстрелы, а иногда и групповые.

Когда бандит Осипов понял, что еще один напор и его песенка будет спета, он будет окружен и уничтожен, он оставил прикрытие исключительно из киргиз, незнающих русского языка и со всем своим штабом, частью пехоты, кавалерии и артиллерии по улице Шевченко и по Московской прошел на Чимкентский тракт и попытался пробраться в Семиречье.

Можно ли было сразу же ночью послать отряд рабочих в погоню, два дня и две ночи не спавших и почти не евших, при 18 градусах мороза? Конечно, нельзя, ибо люди выбивались из сил, но на 2-й день был организован конный отряд. Были большие затруднения с лошадьми. Пришлось разыскивать лошадей. Лучшие автомашины-грузовики Осиповым были забраны, оставшиеся испорчены. Но так или иначе 22 января отряд был снаряжен и послан в догонку. Вся банда направилась по Чимкентскому тракту. Через горы они намечали пробраться в Фергану и дальше в Афганистан. В горах в это время лежал глубокий снег и пробраться было очень трудно. Поэтому наш отряд, несмотря на подкрепление, в Чимкенте не мог окружить всю банду. Трудно теперь установить чем кончил Осипов, но факт, что он забрал с собой золото, захваченное им в банке в Ташкенте, и бежал с небольшой группой через Фергану в Афганистан.

Так окончилось белогвардейское, контрреволюционное восстание, организованное Осиповым и Агаповым.

Еще раз рабочие Ташкента доказали свою преданность советской власти и героически ее защищали, не жалея своей жизни, и подавили восстание в течение 2 дней. В тот же вечер были освобождены арестованные большевики, которых Осипов не успел расстрелять: Саликов—зам. комиссара путей сообщения, Кравченко—комиссар тяги, Низаметдин-Ходжаев—председатель старогородской партийной дружины, Пошерстник и другие, а также несколько человек беспартийных рабочих и левых с.-р.

Но мы имели большую утрату, потеряв 14 человек старых партийных и советских руководителей, фамилии их я уже упоминал выше. И теперь, по прошествии 15 лет с дрожью вспоминаешь как наши товарищи были изуродованы до неузнаваемости. Кроме этих 14 человек было убито в бою 26 человек и несколько человек ранено.

Какова же была роль левых эсеров во время восстания? Что касается рабочих из левых эсеров, то они плечо с плечом с большевиками и беспартийными героически дрались против белогвардейцев. А как вел себя Центральный комитет эсеров и их актив? Мы видим, что в то время как члены Центрального комитета большевиков расстреливались, левые социалисты-революционеры арестовывались, но не расстреливались.

Почему член краевого с'езда левых эсеров (в это время как раз у них был с'езд) Шамсутдинов, активно участвовал в январском восстании, командовал во 2-м полку отрядом и расстреливал коммунистов, что выяснилось при чистке партии в 1929 году? Почему заседавший 18 января вечером с'езд левых эсеров или партийная дружина не были тронуты белогвардейцами, а дружина большевиков обстреливалась? На все вопросы можно дать только один ответ. Все это не случайно. Осипов хорошо понимал, что стоило только расправиться с большевиками, как левые эсеры рассыпались бы, как пыль. После Московского мятежа левых эсеров Среднеазиатские эсеры понимали, что они вместе с большевиками у власти быть не могут, придет время, когда им придется отойти от революции.

Могли ли они добровольно уйти или распустить самих себя? Конечно нет, столкновение было неизбежно. Вопрос был только в том, когда, и в какие формы оно выльется.

Я раньше упоминал, к каким методам борьбы прибегали несмотря на то, что входили в органы советской власти, отдельные ответственные представители партии, левых эсеров, в том числе и члены ЦК. Часто при выступлении на рабочих собраниях старались дискредитировать правительство, сами не работали, а только критиковали. В особенности усилилось это, когда они увидели, что авторитет партии большевиков с каждым днем все возрастает. Всячески старались они демагогическими приемами разложить массы, и если бы не было Осипова и Агапова, был бы Черневский и Успенский. ЦК левых эсеров или, по крайней мере, узкий круг руководящей головки их не мог не

знать о готовящемся ударе в спину большевикам, и они всячески способствовали этому.

Таким образом, руководящая головка левых эсеров подготовляла январские события. Но за них сделали это другие в лице военного комиссара Осипова—политического авантюриста, пролезшего в партию, и Агапова, хотя и старого и рабочего, но изменившего революции. Левые эсеры думали пожать плоды, устранив от руководства лучших представителей партии большевиков с партийных, советских и профессиональных постов, дискредитируя партийную организацию в глазах широких трудящихся масс тем, что во главе восставших против советской власти были как будто большевики-предатели. Они на основе этого хотели целиком захватить власть в свои руки. Но это им не удалось, рабочие за ними не пошли, а наоборот абсолютное большинство поняло предательскую роль левых эсеров и стало выходить из партии. На фронте тоже самое: отряды, находившиеся еще под влиянием левых эсеров, остались верными пролетарской революции и вместе с большевиками не допустили к вскрытию фронта, а героически отбивали наступавшего врага.

ГЛАВА XII

ЛИКВИДАЦИЯ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

После того, как белая осиповская банда была разбита, нужно было подумать об организации краевой власти. На заседании Временного военного революционного совета было внесено два предложения. Первое: оставшиеся в живых члены Турцика должны собраться и из своей среди выбрать новый президиум, также председателя Совнаркома и наркомов. Это предложение было отвергнуто и было принято второе предложение, а именно: созвать всех членов Турцика, Совнаркома, Сырдарьинского облисполкома, Ташкентского городского исполкома, представителей от воинских частей, от профессиональных организаций и от партий, а также от всех активных участников в подавлении осиповского восстания, на котором впредь до созыва 7-го с'езда советов избрать Временный революционный комитет.

Вышеуказанное заседание было назначено 21 января в 8 час. вечера в мастерских. На собрании присутствовало около 200 человек.

Предварительно было собрание большевиков, участвовавших в этом собрании, для выявления нашего отношения к предстоящим выборам в Ревком и для намечения кандидатуры в члены Ревкома. На этом совещании некоторые товарищи выдвигали совершенно неправильные, я бы сказал, антипартийные предложения, заключавшиеся в том, чтобы совершенно отказаться входить в Ревком. Они мотивировали это тем, что лучше уйти в подполье. Пускай, мол, попробуют левые эсеры поработать без большевиков, а тем временем мы будем подрывать их авторитет и рабочие сами их свергнут. После недолгих споров, это предложение было отвергнуто.

Затем обсуждали кандидатуры в члены ревкома. Был намечен список следующих товарищей: Саликов, Ильясов, Рубцов, Манжара, Вилинко, Казаков, Попов Д., Елисеев, Низаметдин-Ходжаев и ряд других. Моя кандидатура была снята в связи с тем, что я в то время был председателем районного железнодорожного комитета партии и председателем комиссариата 8-го железнодорожного района, который в то время имел большое значение для всего участка железной дороги.

Главное внимание было уделено обсуждению кандидатуры председателя Ревкома. У нас были опасения, что левые эсеры

примут все меры к тому, чтобы председатель был их. Перед нами встал вопрос: как быть? После долгих споров решили, что мы, большевики, ни за что не согласимся на это, и, в крайнем случае, будем действовать через массы.

В качестве председателя остановились на кандидатуре Казакова.

Вечером на общем собрании долго спорили о количестве членов Ревкома. Мы сумели провести свой список целиком. Наконец решено было Ревком избрать из 14 человек.

Второй вопрос. Производить ли выборы по списку, намеченному фракциями на паритетных началах, или же, выдвигать кандидатуры персонально и голосовать отдельно каждую кандидатуру. Споры были жаркие. В конце-концов, было принято второе предложение.

Наконец, третий вопрос, это—вопрос о председателе. Наше предположение оказалось правильным. Группа левых эсеров категорически требовала, чтобы председателем был Успенский. Но часть левых эсеров считала, что председателем должен быть большевик. Они выдвигали интересную мотивировку: „Если председателем будет левый эсер, то Центральное правительство в Москве не признает Туркестанское правительство".

Наконец, после долгих споров начали намечать кандидатуры в Ревком. Всего было выдвинуто большевиков 21 человек-левых эсеров 18 чел., в результате голосования большевиков было избрано 6 чел.: Казаков, Саликов, Рубцов, Ильясов, Незаметдин-Ходжав. Фамилию шестого я не помню. Левых эсеров, 8 чел.: Белов, Панасюк, Колузаев, Якоменко, Домогатский, Волженский, Глинянов, Успенский. Председателем был избран Казаков.

Вот в каких условиях была избрана временная краевая власть.

Благодаря принятым мерам предполагавшийся Осиповым срыв фронтов не удался. Красная армия героически отбивала нападение врага. В феврале мы уже имели регулярно действующую Красную армию, был создан РВС Туркреспублики, были организованы ревсоветы на Актюбинском и Закаспийском фронтах, но все же отрыжки сепаратных действий имели место, в особенности этим отличался Колузаев.

Вместе с тем начали увеличиваться и общие затруднения: не было нефти и других видов топлива, нечем было топить паровозы, котлы в мастерских, нечем было отапливать жилища. Перешли на отопление маслом, сухой рыбой. Часть паровозов перевели на уголь. Кизылкийские и сулюктинские шахтеры, особенно первые, ночью отстреливались от басмачей, а днем с винтовкой шли добывать уголь. Здорово тогда помогали своей героической работой рабочие Кизил-Кия и Сулюкты.

Придешь, бывало в то время в цеха красновосточников или первомайцев. Народу, меньше половины, остальные на фронте

или несут караулы. Окружат, справляются, как дела на фронте, а потом начнут беспокоиться: материалов нет, а вот срочно надо кончить ремонт паровозов и вагонов, которые должны уйти на фронт. Зная, какое положение с материалами, отвечаешь: „Ну, как-нибудь найдете". Улыбнутся, и опять застучали молотками. Бывало, поступит распоряжение: срочно дать 30—40 вагонов, десяток паровозов. Скажешь рабочим несколько слов, а на утро паровозы и вагоны хорошо отремонтированы и оборудованы, уже готовы к отправлению.

В отношении отопления жилищ рабочих и служащих пришлось обращаться к дехканам, прилегающих к городу кишлаков, чтобы срубили все, что можно и дали бы топливо для отопления квартир и на фронт. И дехкане без единого слова протеста работали топорами, пилами и кетменями, не оставляя в земле даже пеньков: огонь все пожирал. И все это на арбах подвозили к железной дороге, грузили в вагоны и отправляли в города.

Были такие случаи, когда часть дров, предназначенную для выдачи, для отопления жилищ рабочих, приходилось отправлять на фронт. После об'явления об этом у некоторых женщин навертывались слезы на глазах, но они без звука протеста уходили домой, где в холодных квартирах сидели оборванные ребятишки.

Кроме того, продовольственное положение было очень тяжелым. Были хлеб и вода. Других продуктов не было. Доходило даже до того, что хлеба отпускали по восьмой фунта на едока.

Плохо было с обмундированием для Красной армии, но и в этом деле нам здорово помогли ташкентские старогородские кустари. Они вырабатывали кожу, шили тужурки, изготовляли обувь, выделывали мату, из которой шили белье и т. д. Все, что можно только было сделать, чтобы удовлетворить самые необходимые нужды фронта, дехкане делали.

Наконец, начала ощущаться самая острая и вместе с тем самая опасная нужда—это нужда в снарядах, патронах и порохе. Но мы и здесь нашли выход. Мы начали изготовлять порох сами (изготовляли в Каунчах кустарным способом). Этим порохом мы заряжали старые гильзы и вырабатывали таким образом артиллерийские снаряды и ружейные патроны.

Несмотря на все трудности, Красная армия героически защищалась на фронтах. Рабочие на производстве также героически выполняли свои обязанности как в отношении фронта, так и в выполнении других заданий. Был во всем единый дух, единая воля тыла и фронта — во чтобы то ни стало победить врага.

Несмотря на то, что левые эсеры вошли в Ревком, все же они попрежнему саботировали и занимались демагогией, но зато авторитет большевиков вырос как никогда. На собраниях вожди левых эсеров почти никакого авторитета не имели, наоборот, к ним стали относиться враждебно.

После январских событий беспартийные рабочие, которые до этого еще шли за левыми эсерами и другими мелкобуржуаз-

ными партиями, поняли, что кроме коммунистической партии большевиков, ни одна из них не приведет рабочий класс к победе. Рабочие по всему краю начали вступать в ряды ВКП(б) и требовать организации единой коммунистической партии большевиков. Значительно усилился приток в партию и бедноты из коренной национальности. Рабочие в старых городах также стали усиленно вступать в партию большевиков. Одновременно кустари и молодежь уходили из партии левых эсеров.

Рабочие члены партии левых эсеров категорически стали требовать от своего ЦК слияния с большевиками, но ЦК левых эсеров старался всячески противодействовать такому требованию, мотивируя тем, „что надо хорошенько проверить большевиков". Они демагогически указывали на изменников Агапова и Осипова.

На борьбу с партией левых эсеров были мобилизованы все члены партии большевиков под руководством ЦК КПТ и всех низовых органов. После проделанной нами громадной работы руководящая роль во всех центральных и низовых советских органах перешла в руки большевиков. В феврале 1919 г. как раз происходили перевыборы советов, которые дали нам возможность взять руководство ими целиком в свои руки.

Так например, в Ташкентский горсовет прошло большевиков 85 проц., по Ферганской долине, по отдельным городам, перевыборы дали следующие результаты: Кокандский совет — 120 коммунистов-большевиков, 28 левых эсеров, в Наманганском — 94 большевика, 53 левых эсера, в Андижанском — 70 большевиков и 1 левый эсер. Тоже самое было и в других городах.

Но не смотря на эти успехи, ЦК левых эсеров продолжал вести свою линию, противодействовал укреплению советской власти, старался подорвать всякими путями авторитет партии большевиков.

ЦК левых эсеров остался непоколебимым, когда из Москвы 20 февраля 1919 г. была получена радиотелеграмма о том, что открыт лево-эсеровский заговор. Я считаю необходимым привести ее целиком:

„В Москве 13 февраля открыт новый эсеровский заговор. В последнее время северным областным и петербургским комитетами партии левых эсеров в огромном количестве распространялась погромная литература, в виленском органе левых эсеров — „Наш путь" велась агитация против советской власти. Так, 3 февраля в „Нашем пути" была помещена резолюция совета партии левых эсеров по военному вопросу, который считает необходимым: широчайшую военную подготовку восстания трудящихся, введение явочным порядком солдатских комитетов Красной армии, приостановку дальнейшей мобилизации, уменьшение численного состава Красной армии.

Затем на состоявшихся 15 ноября и 20 декабря конференциях левых эсеров было решено при губкомитетах партии организовать следующие отделы по конспиративной подготовке

свержения большевиков: организации экспроприации, террористических актов. Военный — для создания в воинских частях партийных ячеек с обязательством снабжать оружием все партийные организации губернии, организации партизанских отрядов. Связи — для установления паролей, шифров. Контрразведки — введения учета местожительства ответственных работников коммунистов, в особенности членов ЦК. Кроме того, отдел снабжения паспортами. На этих же конференциях было решено принять меры борьбы с ЦК, например, громить их, расширять и разжигать крестьянские восстания, возникшие на почве реквизиций. Выражается также категорический протест против существования Красной армии.

20 января 1919 года конференция, на которой присутствовали представители всех партийных организации левых эсеров. ЦК партии вынес предложение обсудить вопрос о принятии террора по отношению к большевистским деятелям. Конференция одобрила это предложение с оговоркой, что террористические акты могут быть разрешаемы только губернскими партийными комитетами и поручать исполнение этих актов своим членам в строжайшей тайне от имени партии, дабы не навлечь репрессивных мер со стороны большевиков. Означенная тактика должна применяться впередь до особого распоряжения ЦК.

Если принятые меры для дезорганизации деятельности партии большевиков окажутся бессильными, стараться проникнуть в ряды коммунистов для осуществления этой задачи изнутри. Наконец, в руки ЧК случайно попало письмо из Харькова, из которого явствует, что у левых эсеров имеется план захвата власти в свои руки, создания всероссийского правительства. Автор письма не одобряет прежней политики и предлагает другие способы борьбы, указывая на целесообразность подготовки вооруженного восстания. Это побудило ВЧК установить над партией левых эсеров надзор, который выяснил, что они действуют в двух направлениях.

На Украине пользуясь повстанческим движением, левые эсеры старались захватить власть в свои руки. Другое направление — Литва, Белорусская, Латвия, куда были направлены левоэсеровские вожди—Сомков, Трутовский, которые работали там нелегально. Задачей этой группы было также захватить власть в свои руки.

ВЧК удалось арестовать видных деятелей левых эсеров: Спиридонову, дело которой уже передано в трибунал, Штейнберга, бывшего комиссара юстиции, Трутовского, Рыбина, Розенблюма, Проколонича, Кронина и других деятелей, которые после предварительного дознания будут также переданы Революционному трибуналу. Все арестованные, за исключением Спиридоновой, содержащейся в Кремле, заключены в Бутырскую тюрьму. После тщательных розысков вчера удалось открыть конспиративную квартиру в Москве, занимаемую ныне арестованным деятелем партии левых эсеров Кроником. При обыске обнару-

жены: импровизированная нелегальная типография, также поддельная круглая печать коменданта Московского Кремля. Розыски, аресты продолжаются".

Знал ли Туркестанский ЦК левых эсеров или отдельные его члены о вышеуказанном заговоре? Безусловно, знал, если не весь состав, то лидеры вроде Черневского, Успенского и др., ибо, анализируя их действия как до январских событий, так и после приходится категорически утверждать, что действия Туркестанских левых эсеров целиком и полностью совпадают с той программой, которая была принята в Москве. Я еще раз напоминаю о тех дезорганизаторских действиях, которые принимались со стороны левых эсеров в особенности во второй половине 1918 г.

Какие можно привести факты? Первый факт: будучи членами правительства, левые эсеры сами ничего не делали и только критиковали большевиков. Второй — зная о тяжелом положении с продовольствием, везде на всех рабочих собраниях вместо необходимого раз'яснения они разжигали недовольство, сваливая всю вину на большевиков. Третье — они поддерживали все отсталые слои рабочих во всех требованиях, которые пред'являлись этой группой рабочих правительству. Например, в декабре, перед рождеством, частью рабочих Красновосточных мастерских было пред'явлено требование выдать к празднику не меньше, как по бутылке водки и по четверти вина. Для этой цели на собрание был вызван представитель Турцика тов. Войтинцев. Последний заявил, что это требование неправильное. Он говорил, что в то время, как наши товарищи на фронте проливают кровь, чтобы удержать советскую власть, мы в тылу не можем праздновать и пьянствовать. В ответ на это поднялся шум, крики: „долой его!" и т. д. Войтинцева чуть было не стащили с трибуны, и только благодаря активным действиям большевиков и части беспартийных рабочих удалось восстановить порядок и дать закончить речь тов. Войтинцеву. Что делали в это время члены президиума и члены ЦК левых эсеров? Вместо помощи они выступили с демагогическими речами, заявляя: „раз власть рабочих, то что рабочие требуют, то и должны давать и нечего слушать паршивых речей интеллигентиков".

Четвертое — как только на фронте мы имели какие-нибудь неудачи, они немедленно распространяли слухи, что в этом виноваты большевики. Пятое — в самый тяжелый момент, в декабре 1918 г. Колузаевский отряд самовольно ушел с Закаспийского фронта.

Я привел только наиболее видные факты. Своей подрывной работой левые эсеры облегчали задачу захвата власти другим контрреволюционным организациям: Цветкову, Тишковскому, Осипову, Агапову и т. д.

Интересы обоих контрреволюционных организаций совпадали независимо от того знали или не знали левые эсеры о существовании Осиповской группы.

Поэтому и после январских событий туркменские левые эсеры нелегально продолжали вести свою работу совместно с московским центром, иначе чем же можно было об'яснить их гробовое молчание по поводу полученной радиограммы о заговоре, как не солидарностью со своим центром.

На втором краевом с'езде железнодорожников, тов. Беленко, приветствовавший этот с'езд от имени ташкентской организации коммунистической партии большевиков, в своей речи указал на заговор левых с.-р. и требовал от фракции левых с.-р., чтобы они окончательно выявили свое отношение к этому заговору. В ответ на это с заявлением от левых эсеров выступил Барский, который сказал: „чтобы ни происходило в центре, но в Туркестане с.-р. никогда не выступали и не выступят с оружием в руках для борьбы, при разрешении тактических споров с коммунистами". Такие ответы на прямо поставленные вопросы получались от ташкентских левых эсеров даже за несколько дней до вынесения решения о слиянии. То же самое говорил второй вождь левых с.-р. Успенский, который так ставил вопрос, что партия левых с.-р. наравне с признанием диктатуры пролетариата, признает также и диктатуру „трудящихся вообще".

Начало слияния партий в краевом масштабе было положено на 2 краевом профсоюзном железнодорожном с'езде 24 февраля 1919 г.

Перед тем, как начать доклад о текущем моменте, фракция большевиков краевого железнодорожного с'езда поставила вопрос перед фракцией левых с.-р. как последняя рассматривает заговор ЦК партии левых эсеров в Москве и признает ли она свой ЦК, как верховный руководящий орган, считает ли она назревшей необходимостью теперь же слияние пролетарских масс и крестьянской бедноты под одним знаменем Российской коммунистической партии.

От имени фракции левых с.-р. отвечал Барский. Он уклончиво заявил: — о факте восстания они ждут подтверждения из центра, и если это подтвердится, то Туркестанская партия с.-р. это действие осуждает, не оправдывает и не поддерживает.

Такой ответ вызвал целую бурю со стороны фракции большевиков. Выступившие товарищи: Лучников, Казарин и др. заявили, что или фракция пусть не морочит голову, или же большевики будут в дальнейшем действовать в соответствии с требованиями текущего момента.

После этого вторично выступил Барский, который опять заявил, что если подтвердится выступление против советской власти левых с.-р. они согласны на слияние, при условии, что коммунисты согласятся отбросить из названия своей партии слово „большевик". Конечно, такое заявление вызвало опять бурю негодования. Наконец, член ЦК левых с.-р. Глинянов потребовал перерыва для обсуждения этого вопроса на фракции.

После перерыва Барский выступил и заявил, что фракция отныне приступает к работе под лозунгами коммунистов и дает согласие на об'единение с коммунистами.

Было принято предложение дать телеграммы по всей сети железной дороги и в Москву о происходящем слиянии с.-р. и коммунистов в одну коммунистическую партию большевиков.

Кроме того были посланы от с'езда представители с информацией на с'езд горняков, почтово-телеграфных служащих и других.

В это самое время такое же решение было вынесено об'единенным собранием рабочих Первомайских и Красновосточных мастерских. Так кончила свое существование в Туркестане партия левых с.-р. Это об'единение произошло под прямым давлением рабочих, главным образом железнодорожников.

2-й железнодорожный с'езд был действительно историческим с'ездом. Он решил вопрос не только железнодорожного строительства, свои бытовые и профессиональные, но и политические вопросы.

Таким образом, уже в начале марта 1919 г. по всему краю помимо воли и желания ЦК левых эсеров, без его ведома эсеровские организации на местах сами себя фактически распустили и вошли в партию коммунистов-большевиков. Это обстоятельство и заставило ЦК левых эсеров, во главе с Успенским, Колузаевым, Беловым, а также всех членов фракции 7-го чрезвычайного с'езда советов, происходившего в марте 1919 г. притти на заседание с'ездовской фракции коммунистов-большевиков. Успенский в своей речи заявил, что отныне партия левых эсеров в Туркестанском крае не существует, она ликвидирована и предлагает в дальнейшем с'езд проводить под единым руководством большевиков.

В дальнейшем 7-м с'ездом советов уже руководил непосредственно ЦК КПТ(б).

Таким образом, исходя из фактов контрреволюционной деятельности левых с.-р. в центре и выполнения этой же программы туркестанскими эсерами, рабочие стали уходить из этой партии и переходить в партию большевиков. Это было результатом их убеждения в предательстве интересов рабочего класса руководителями партии левых эсеров и в правильности политики партии большевиков.

Наша ошибка заключалась в том, что при слиянии мы не произвели жесткой чистки и проверки членов партии левых с.-р., главным образом, верхушечной, руководящей ее части. Вследствие этого вместе с честными рабочими, рядовыми членами партии социалистов-революционеров вошла с туркестанскую партийную организацию и предательская верхушка руководителей организации.

Правда, нами была издана следующая директива:

Распоряжение Краевого Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)

всем организациям РКП Туркестана

ТОВАРИЩИ!

В процессе углубления революции, захвата все более и более широких слоев его мы встречаемся с неизбежным и здоровым явлением в рабочих массах и беднейшем крестьянстве — соединение их в одну коммунистическую партию. То, что произошло давно в центре России, мы наблюдаем в настоящий момент в Туркестане. На различных с'ездах произошло об'единение обоих советских фракций в одну коммунистическую.

Революционный элемент, осуществляющий в своей работе на деле, а не на словах, классовую борьбу и диктатуру рабочих и крестьян и идущий к одной цели — коммунизму, должен был, наконец иметь одно сердце — свою партию. Искусственные перегородки, построенные на песке теории должны будут падать под ударами самой жизни, и трудящийся класс, угадывая это своим классовым чутьем, ускоряет это падение. Мировая партия революционного коммунизма должна учесть этот момент и, ставя всегда первой задачей сплочение рабочих масс в одно целое, должна приложить все усилия к безболезненному, скорому и в наиболее широких размерах об'единению истинно революционных элементов. В целях проведения вышеизложенного крайком постановил:

1. Всем местным организациям развить устно и письменно агитацию в направлении об'единения рабочих и крестьян в одну коммунистическую партию.

2. Открыть широко двери партии для рабочих и б. крестьян и красноармейцев, состоящих до сих пор в партии левых эсеров, без применения рекомендаций и других формальностей.

3. В отношении других, деклассированных элементов, применять существующий прием: извещения в газете и рекомендация.

4. При соединении выбрасывать из партии весь негодный элемент, дабы не засорять ее. Всех трудящихся звать в одну коммунистическую семью Туркк райком Солькин".

В этих директивах, как видим, были некоторые недостаточно четкие указания на недопустимость приема в партию известных слоев партии социалистов-революционеров, эти указания были недостаточно четкими.

Ошибкой с нашей стороны было то, что мы принимали левых эсеров без всякой чистки, механически, оптом. Самая директива об об'единении страдала огромным недостатком, она не дала местам четких указаний о порядке приема, не предупредила партию о необходимости строгой проверки каждого бывшего левого эсера. В результате в партию пролезли, контрреволюционные элементы, долгое время разлагавшие нашу работу.

Все же нужно поставить в заслугу коммунистической партии(б) Туркестана то, что она, руководя борьбой на фронтах, провела в 1919 г. в течение февраля-марта большую работу на идеологическом фронте, окончательно доказав рабочим и крестьянам, что партия левых социалистов-революционеров не является сторонницей советской власти, диктатуры пролетариата, что партия левых социалистов-революционеров также, как и другие мелкобуржуазные партии, скатились в лагерь контрреволюции. Без этой работы не могла оформиться та огромная тяга рабочих членов партии социалистов-революционеров в партию большевиков, которая явилась основной причиной слияния.

ГЛАВА XIII

РАЗРЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Из всех вопросов, которые выдвигались жизнью в условиях переживаемого момента встал национальный вопрос. Он настоятельно требовал своего разрешения тем более, что уже в апреле мы имели решение 8-го с'езда РКП(б). Говорить о том, что мы не имели указания центра, мы не имеем никакого права. Нужно было только понять эти решения и по-большевистски проводить их в жизнь.

Наконец организационные формы разрешения этого наболевшего вопроса были указаны в мае 1919 года, был решен вопрос об организации краевого бюро, был также разрешен вопрос о работе при ЦК КПТ мусульманских коммунистов.

В конце мая была создана конференция, на которой было избрано бюро. Нужно отметить, что такая форма организации была горячо принята не только коммунистами из коренных национальностей, но и европейской части. Я приведу наиболее важные документы как принятые на самой конференции, так и полученные с мест.

1-я КОНФЕРЕНЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ КОММУНИСТОВ

1-я краевая конференция мусульманских коммунистов послала приветственные телеграммы на наши Туркестанские фронты.

Кроме того ею разосланы следующие, имеющие большое влияние для Востока и мировой революции радиограммы, показывающие высокую степень сознательности коммунистов.

«Москва. Через Коминотдел революционному пролетариату Востока, Турции, Индии, Персии, Афганистана, Хивы, Бухары, Китая, всем, всем, всем.

Мы, мусульмане-коммунисты Туркестана, собравшиеся на 1-ю краевую конференцию в Ташкенте, шлем вам наш братский привет, вам, свободные, вам угнетаемые. Мы ждем с нетерпением, когда вы последуете нашему примеру и возьмете управление страной в свои руки местных советов рабочих и дехканских депутатов. Мы скоро надеемся итти с вами плечем к плечу в борьбе вашей с мировым капиталистическим гнетом, выразившимся на Востоке в лице английского удушения туземных народов. Сегодня мы встречаем революционное Аганское посольство, прибывшее к нам в Ташкент.

Всех радиотелеграфистов, сочувствующих мировой революции просим распространить это приветствие всеми доступными им способами, несмотря на попытки английского правительства воспретить распространение. 26 мая 1919 года».

«Кушка. Ревком для передачи Афганскому народу.

1-я краевая конференция мусульманских коммунистов Туркестанской республики Российской социалистической советской федерации, от лица всего трудового мусульманства Туркестана шлет привет Афганскому народу в его борьбе против деспотизма англичан и добавляет, что революционные массы мусульман Туркестана будут итти с Афганским народом всегда рука об руку за освобождения от гнета всемирного империализма.

Да здравствует освобождение Востока и гибель всемирного империализма!

Президиум конференции.

26 мая 1919 года».

«Москва. ЦК коммунистической партии тов. Ленину, ВЦИК, Мусульманскому центральному бюро.

Давно жданное вами пробуждение Востока совершилось. Он весь занимается революционным пожаром. Мало того он становится коммунистическим, 24 мая открылось в Ташкенте заседание первой на Востоке краевой конференции коммунистов-мусульман, шлющее вам, источнику мировой социалистической революции, свой молодой товарищеский привет. Все отдельные уголки Туркестана прислали к нам своих представителей, и первого июня наша конференция, окончивши коммунистическую работу вольется в ряды общепартийного нашего коммунистического с'езда для общей работы, для выбора краевого комитета партии, куда надеемся войти и мы в необходимом количестве. Сегодня вместе с Туркестанским правительством встречаем первое революционное Афганское посольство, торжественно прибывающее в Ташкент в сопровождении 150 афганских казаков. Мы прикладываем к окончательному пробуждению Афганистана и других соседних народов все наши усилия, также сделали, чтобы Туркестанское советское правительство все же смогло заключить мир с Джунаидханом, вождем Хивы, чтобы оно могло рассеять шайки Иргаша и других разбойников в Фергане и подавить восстание, вызванное неудачной политикой местных советов и английской провокацией, теперь мы констатируем полную удачу нового течения национальной политики в Туркестане, правильно поставленной национальной секции 7-го с'езда советов представителями центра, наши туземные отряды начинают вливаться в общесоветские войска, наши коммунисты связывают их с туземным населением, этим отнимается возможность отдельным группам негодяев грабить и терроризировать население, сваливать вину на советский строй, система назначения командиров и грозные кары за отступничество в общесоветских войсках дали твердую дисциплину, а все это вместе взятое — победа на всех фронтах Туркестана, близкую надежду на новое соединение с Центром, твердое положение Туркестана, как никогда.

Президиум конференции.

26 мая 1919 года».

«Чарджуй. Для передовой линии Реввоенсовет Закаспийского фронта.

Первая краевая конференция мусульманских коммунистов, открывшаяся 26 мая от лица всех мусульманских коммунистических организаций Туркестана шлет горячий привет доблестным бойцам Закаспийского фронта и поздравляет их с боевыми успехами.

Да, здравствуют красные солдаты советского Туркестана.

Президиум конференции.

26 мая 1919 года».

Краевой конференцией получены следующие приветствия:

«Маргелан. Старомаргеланские коммунисты горячо приветствуют дорогих товарищей, прибывших в краевую конференцию коммунистов. Да здравствует с'езд коммунистов и диктатура пролетариата! Смерть буржуазии и эксплоататорам!

Комитет маргеланских коммунистов».

«Андижан. Андижанская партия коммунистов-мусульман единогласно постановила приветствовать вас лучших борцев за обездоленный до сего времени и поставленный в особо тяжелые условия мусульманский пролетариат. Мы верим твердо, что дружными усилиями с'езда, широким строем, рука об руку с европейцами мусульманский пролетариат, как равные братья, не только упрочит в Туркестане позицию революции, но и покажет себя борцом за свободу, равенство и братство и интернационал.

Председатель партии *Миркасимов*».

«Самарканд. областной комитет партии коммунистов-большевиков от имени Самаркандской области приветствует товарищей мусульман-коммунистов и желает плодотворной работы. Да здравствуют коммунары! Да здравствует великий вождь тов. Ленин! Да здравствует диктатура пролетариата над буржуазией! Председатель областного комитета Константинопольский».

«Скобелев. Ваша телеграмма № 15, от 26 мая помещена мною в приказе по войскам Ферганского фронта со следующим добавлением: «Получив товарищеское приветствие всем красным войскам Ферганской обл., усилиями которых дисциплина проводится в жизнь, всем борцам за всемирный союз трудящихся должно быть радостно услышать сочувственный голос пробужденного мусульманства. Сознание, что почти невыносима тяжелая борьба наша не остается бесплодно, должно влить в наши ряды новую бодрость, удесятерить наши истощенные силы, побудить на новую борьбу, инициативу наши сомкнутые ряды.

Комвойск *Сафонов*».

«Самарканд. Поздравляем вас от имени Самаркандского уездкома с открытием конференции.

Председатель Курбси и секретарь *Ани-Тынбаев*».

«Коканд. Мусульманский коллектив приветствует с'езд горячо желает ему плодотворной работы и верит постановлениям с'езда. Мусульманский пролетариат будет не только словом, а на деле уравнен с пролетариатом европейским. Ждем и надеемся, что с'езд начнет собою новую эру жизни мусульманского пролетариата.

Председатель мусульманского коллектива *Ходыфайзы*».

Как только была закончена первая мусульманская конференция начал свои работы III с'езд КП(б) Т, который происходил в чрезвычайно трудных условиях.

На с'езде были поставлены и разрешены, примерно, следующие вопросы: советское строительство, культурная работа среди парторганизации, земельные вопросы, организация мусульманских секций при партийных комитетах.

Как интересный факт в событиях этого с'езда, необходимо отметить, что на этом с'езде был представитель от трудящихся масс, который приветствовал партийный с'езд.

Привожу целиком выдержку из приветствия, произнесенного на этом с'езде представителем от Индии:

„Председатель Кобозев. На очереди 3-й пункт повестки — задачи РКП в Туркестанской деревне. Но прежде, чем приступить к докладу, прошу с'езд разрешить приветственное слово представителю революционной Индии, прибывшему к нам.

Представитель Индии гр. Закария говорит на фарсидском языке, приветствие переводится на тюркский, а затем на русский язык.

Гр. Закария.—Сегодня самый счастливый день моей жизни. Я, бежавший из родины, участвовал в террористических актах против английских насильников через Кабул, прибыл в вашу свободную страну. Вы уже добились того, за что мы только еще боремся. Прошу вас оказать нам в этой борьбе поддержку, хотя бы моральную, первым образцовым авангардом и примером, я желаю с'езду плодотворной спокойной работы.

О чем говорят эти приветствия? Они говорят о том, что коммунисты из коренных национальностей и трудящихся масс понимали, что только коммунистическая партия большевиков под руководством ленинского ЦК ВКП(б) является действительным борцом за освобождение всех угнетенных национальностей от ига капитализма.

Но были русские товарищи, которые не понимали, что на данном этапе такая организация мусульманских бюро коммунистов как временная форма была необходима и правильна, к таким товарищам я отношу тов. Казакова и ряд других, которые были с ним. Была и другая группа из работников коренных национальностей, которая пыталась превратить мусульманское бюро в националистический центр под видом организации сомостоятельной коммунистической мусульманской партии, что явно шло в разрез с принятым решением 8-го с'езда РКП(б).

Вопрос о работе в мусульманском бюро обсуждался на 3-м краевом партс'езде, на котором и было утверждено положение о его правах.

3-й краевой с'езд коммунистов-большевиков Туркестана открылся в начале июня 1919 г.

Не буду останавливаться на раз'яснении первых трех вопросов повестки дня, остановлюсь лишь вкратце на вопросе об организации мусульманских секций, ибо этот вопрос связан с историей партийного строительства в Туркестане и имеет большое историческое значение. Хотя по этому вопросу есть уже некоторая литература, но в ней еще недостаточно освещаются вопросы о том, какая работа предшествовала организации так называемого мусбюро как равно недостаточно освещается и его работа в этот период.

Против организации мусбюро высказывался ряд ответственных работников, в частности председатель Тур. ЦИК тов. Казаков, Успенский — бывший левый эсер, и частично Сорокин, которые указали, что такая организация является раздвоением партии, хотя по этому вопросу были соответствующие директивы Центрального комитета.

Эти товарищи говорили, что существование такой организации превратит парторганизацию в чисто националистическую. Они были неправы и не понимали, что на данном этапе нужно было дать какие-то организационные формы, посредством которых можно было бы организовать лучшие массы главным образом из бедноты, вовлекая их в партийно-советский аппарат. Такой организацией и были мусульманские секции при партий-

ных комитетах, ибо сама организация мусбюро ставила своей целью лучшую постановку работы в части вовлечения в партию батрачества, бедноты и рабочих из основных национальностей и лучшей постановки работы среди них.

Но ряд товарищей этого не понимал. В результате, вместо оказания помощи в правильной постановке работы в части вовлечения в партию бедноты и батрачества, а также вовлечения в руководящие партийные и советские органы представителей трудящихся из местных национальностей, вместо большевистского разоблачения великодержавных шовинистов, сознательно сеявших недоверие, они тормозили работу, чем создавали недовольство и недоверие к русской части большевиков со стороны работников из местных основных национальностей.

Необходимо также отметить, что в эти, „мусульманские" организации, старались проникнуть чуждые партии элементы, явно националистические, буржуазные, которые стремились попав в руководящий состав бюро, вести в этих организациях работу против соввласти, против партии большевиков. И это некоторым из них в известной мере удалось, например, такие известные лица как Мунавар-Кары- Кушбегиев и т. д. в первое время существования этих бюро, осуществляли в них свое влияние. При правильном отношении к мусбюро, при условии самой решительной и последовательной ликвидации последних остатков недоверия местных партийных работников к русским коммунистам было чрезвычайно легко дать надлежащий отпор этим людям, разрушить последние остатки их политического влияния в массах силами преданных партии коммунистов из местных национальностей

Но несмотря на разногласия по этому вопросу, на III с'езде вопрос об организации секции или фактически об утверждении уже, организованных ранее временных мусбюро был разрешен в положительном смысле. Решения, принятые по организации мусбюро, привожу целиком:

« 1. Национальные секции образуются при комитетах партии и обладают теми же правами, что и партийные ячейки или коллективы при производственных рабочих об'единениях или других государственных учреждениях.

2. Члены коммунистических коллективов или ячеек при производственных об'единениях, записанные в тоже время в соответствующей национальной секции не могут избирать и быть избранными в этих секциях на партийные с'езды, так как эти члены пользуясь этим правом в коллективах, не могут пользоваться ими вторично.

3. Национальные секции распространяют свои действий на всех своих членов, кроме тех членов, которые состоят членами в каких-либо коллективах, причем в отношении последних национальные секции могут действовать только с согласия соответствующих коллективов, где они состоят членами.

4. Национальные секции подчиняются и находятся под непосредственным ведением местных бюро мусульманских коммунистов, которые в свою очередь подчиняются соответствующему общему комитету организации партии.

5. Крайкому, Крайбюро м. к. поручается ввиду некоторой особенности национальных секций, разработать дополнительные о них положения.

Странным кажется, в особенности теперь, когда такой вопрос, как решения 8-го с'езда РКП(б), не был поставлен тов. Кобозевым как представителем центра (тов. Кобозеву удалось проскочить через Оренбург в марте в то время, когда враг был временно под напором наших частей оттеснен от Оренбурга) в повестку, и делегаты с'езда не были информированы о принятых решениях на 8-м с'езде, а также с'езд не высказал своего отношения по поводу всех решений, принятых с'ездом. Такое поведение Кобозева, безусловно, было ошибочное и неправильное. Кроме того, делая доклад по текущему моменту и касаясь вопросов внутренней политики он не поставил четко все вопросы, в особенности национальный вопрос, в результате принципиальные вопросы оставались не разрешенными и каждый толковал по-своему, низовой актив также был в неведении всех разногласий и поэтому были случаи, когда по отдельным вопросам председатели для своих групповых целей использовали отдельные коллективы.

На 3-м с'езде, в Краевом комитете был избран в количестве 12 чел., и 6 кандидатов.

Список выбранных на 3 с'езде в члены Краевого комитета: Кобозев, Рыскулов, Бернадюк, Сорокин, Апин, Тоболин, Сольский, Эфендиев, Алиев, Незамедлин-Ходжаев, Ермолов. Кандидаты: Отрбаев, Иванов (зав. политотделом), Смирнов, Фахретдинов, Исеев, Боровер. Казалось бы после того, как на с'езде были приняты решения, нужно было бы только проводить в жизнь эти решения. На самом деле получилось другое, тут вскоре после с'езда борьба между Казаковым и Кобозевым развернулась еще больше и главным образом по национальному вопросу. Если до 3-го с'езда дискуссия шла вокруг мусульманских секций, то после 3-го с'езда встал новый вопрос.

12 июля была получена радиограмма ЦК РКП о привлечении представителей местных национальностей к государственной деятельности. Так как эта радиограмма является одним из важнейших документов того времени, привожу ее целиком:

«ЦК коммунистов сообщает Центральному исполнительному комитету советов Туркестанской республики и Краевому комитету коммунистов, что на основании принятой 8-м с'ездом программы коммунистической партии в интересах рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались рабочими мусульманскими организациями. Прекратить реквизицию мусульманских имуществ без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надеемся, что передовой революционный кадр — туркестанский пролетариат исполнит свой революционный долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели, не причинит затруднений к ее проведению. Сообщите исполнение. Центральный комитет Российской коммунистической партии».

По вопросу о радиограмме произошли разногласия между Турциком и краевым комитетом партии. Разногласия концентрировались главным образом вокруг вопроса о пропорциональ-

ном представительстве. Опять-таки это произошло благодаря тому, что товарищи не поняли сути постановки ЦК в вопросе о привлечении к государственной деятельности товарищей из основных коренных национальностей.

В результате, Туркциком, помимо краевого комитета, дается в ЦК партии в Москву следующая телеграмма:

„Постановление ЦК партии о пропорциональном населению представительстве в правительстве Туркестана вообще, а не пролетариату, для лучшего проведения в жизнь нашей восточной политики, вызывает недоразумения и затруднения, так как в правительство войдут по этому принципу все деклассированные элементы и явные по существу противники советской власти и принципов социальной революции.

Восстановлена будет сначала учредиловка, а потом и более худшее, как это уже было в Ашхабаде.

Принимая во внимание, данный вопрос имеет огромное значение, и в особенности для Туркестанской советской республики и может быть грозит последствиями для советской власти в Туркестане и окончательно лишит возможности иметь какое-либо наше влияние на Востоке".

Но это мало. Развернулась внутренняя борьба, причем нужно сказать, что и краевой комитет партии также недостаточно правильно подошел к вопросу раз'яснения сущности этой радиограммы, среди парторганизации, и в особенности среди Ташкентской организации. Он просто не провел кампании по ее раз'яснению.

Но в некоторых парторганизациях города Ташкента, как, например, в б. старом городе, краевым мусбюро было собрано собрание, на котором обсуждалась эта радиограмма. На этом митинге была вынесена соответствующая резолюция. Так как сам протокол митинга и решения, принятые им, очень интересны, и имеют большое историческое значение, то я приведу их целиком:

ПРОТОКОЛ

митинга в старом городе в местности «Шейхантаур» при участии членов краевого комитета и краевого мусульманского бюро РКП. представителей Туркцика, местных мусульманских парторганизаций и профессиональных союзов 16 июля 1919 г.

В 3 часа 30 мин. дня собрание открывается тов. Низаметдином-Ходжаевым, который предлагает избрать президиум.

Избранными оказались: председателем — тов. Низаметдин-Ходжаев, товарищем председателя—тов. Алиев и секретарем—тов. Мухаметдинов.

Председатель тов. Низаметдин-Ходжаев читает радиограмму из Москвы от ЦК РКП, полученную 12 июля с. г. и предлагает членам краевого комитета партии дать подробное об'яснение по существу радиограммы.

Слово представляется члену краевого комитета тов. Кобозеву.

Тов. Кобозев в своей речи указывает на то, что, когда год тому назад была об'явлена автономия Туркестана, местное туземное население было призвано к активному участию в деле государственного строительства, теперь же настоящей радиограммой ЦК РКП еще раз подтверждает эту необходимость и призывает туземное население своим пропорциональ-

ным большинством к участию в деле строительства государственной жизни своей родины. Принимая во внимание положение Туркестана, радиограммой предоставляется возможность туземному населению участвовать в государственном управлении без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь лишь тем, что за них будут ручаться мусульманские рабочие организации. Чтобы уничтожить всякие недоразумения реквизиции имущества мусульманского населения может производиться только с ведома краевых мусульманских партийных организаций.

Затем выступает тов. Мунавр Кари Абдурашитханов, который указывает на значение пунктов радиограммы и благодарит всех русских рабочих за то, что они много помогли в деле освобождения туземного пролетариата.

Слово берет тов. Низаметдин-Ходжаев. Он указывает на недостаточность активного участия в государственной деятельности представителей мусульманского пролетариата и призывает всех немедленно приступить к более активной и энергичной деятельности.

Тов. Сорокин читает для сведения пункты Конституции, касающиеся выборов в советские органы. Затем обрисовал настоящее положение на фронтах Турк. республики. Касаясь радиограммы, что недружелюбное отношение большинства мусульманского туземного населения Туркестана к коммунистам есть следствие ошибочной политики некоторых руководителей советской власти, и что теперь эта ошибка исправляется центральной властью—присылкой настоящей радиограммы. С прискорбием отмечаем; что некоторые представители власти в Туркестане, ложно называя себя коммунистами, пользовались властью лишь ради своей личной выгоды тем опорочили советскую власть и партию. Теперь этого не должно быть нужно очиститься от этого негодного элемента и приступить к плодотворной государственной деятельности.

Тов. Алиев в своей речи подробно раз'яснил значение радиограммы для туземного населения.

Тов. Мухаметдинов указал, что центр все время следит за положением и состоянием Туркестана и сообразно с этим присылает свои распоряжения. В данном случае распоряжение ЦК РКП, переданное по радио, вполне целесообразно и своевременно для Туркестана, а потому мы, как руководители партии, должны принять все меры к проведению в жизнь начал возвещенных в радиограмме.

Тов. Абдувайт Кари говорит о том, что при выборах должны быть соблюдены интересы трудового мусульманского народа и чтобы выбранными оказались достойные представители.

Затем речи органов прекращаются, и оглашается резолюция, каковая принимается единогласно. Поправки, добавления резолюции предоставляются президиуму собрания.

Часть участвующих на собрании уходит.

Тов. Низаметдин-Ходжаев дает об'яснения о положении на Актюбинском фронте, о чем в последнее время было много провокационных слухов и говорит, что на этом фронте положение удовлетворительное.

Собрание закрывается в 6 часов вечера.

Подписали: председатель *Н. Ходжаев*,

тов. председателя *М. Алиев*,

секретарь *Мухамеддинов*.

РЕЗОЛЮЦИЯ

на митинге всех профессиональных союзов мусульман старого города Ташкента созванного по инициативе краевого бюро мусульманской организации РКП 16 июля 1919 года

При участии членов краевого комитета и краевого мусульманского бюро РКП, президиума Комитета старо-ташкентской организации коммунистов, Киргизской, Татарской и Азербайджанской Коммунистических

секций, комитета партии младобухарцев, и младохивинцев, председателя СНХ, комиссара юстиции, председателя Верховного рев. трибунала и тов. председателя ташкентского Совдепа—тов Рубцова.

По ознакомлении с содержанием радиограммы из Москвы от ЦК РКП полученной 12 сего июля, принята следующая резолюция.

«Коммунистическая партия, стоящая во главе мировой социалистической революции, год тому назад провозгласила автономию Туркестана, теперь же она идет далее, навстречу бывшим угнетенным народностям Востока—она провозглашает право пропорционального представительства народностей в управлении страной. Мы выражаем чувство полного удовлетворения по поводу истинно товарищеского стремления Коммунистической партии в центре социального строительства, предполагающего в конечном своем этапе мировое пролетарское счастье, братство. равенство и свободу. Свет Востока непреложен, тьма невежества и недоброжелательства не смогла затмить его. Искреннее сочувствие нашего угнетенного трудового народа завегам провозглашенной вождями Коммунистической партии мировой социальной революции и лойяльность отношения к советской власти с первых дней образования ее не могли не найти себе должной оценки со стороны лучших и идейных представителей коммунистов 8-го Всероссийского с'езда партии.

Это взаимное отношение, выраженное в радио из Москвы 12 сего июля, обязывает нас, как представителей мусульманского пролетариата, в его целом выразить искренний привет и чувство братской любви нашим неутомим борцам идеала социальной культуры от лица всего мусульманского пролетариата и просить наших товарищей принять уверение, что мы, уже принесшие на алтарь служения идеалу бесчисленные жертвы, также неустанно будем продолжать работу к достижению окончательного торжества нашего общего идеала и светлым факелом под сенью ясного красного знамени принесем идею мировой социалистической революции и раскрепощения всего трудового пролетариата до конечных границ Востока.

Для осуществления предложений ЦК РКП собрание находит нужным обратиться в Крайком РКП, ЦИК республики и Краевое бюро мусульманской Коммунистической организации для принятия надлежащих планомерных мер к проведению в жизнь:

1) Предоставление планомерной организации всего трудового населения Туркестана на почве об'единения под лозунгами советской власти, без обязательной принадлежности к партии, но с поручительством рабочих организаций;

2) На созываемом 8-м с'езде советов Турк. республики при образовании нового состава ЦИКа избрать на основах пропорционального представительства, а Краевому бюро мусульманских коммунистов приложит со своей стороны все усилия для проведения в жизнь воли ЦК партии и проведения в Тур. ЦИК советов достойных кандидатов без различия национальностей.

3) Возложить на Краевое бюро коммунистов мусульман мобилизацию всех необходимых деятелей для подготовки и наилучшей организации мусульманского пролетариата в республике.

4) Просить Краевое мусульманское бюро коммунистов передать содержание настоящей резолюции по радио в Москву III Коммунистическому Интернационалу, ЦК РКП, Центральному мусульманскому бюро партии, ВЦИК, СНК и представительству Туркестана в Москве.

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Да здравствует Центральный комитет Российской коммунистической партии!

Подписали:

председатель *Н. Ходжаев*,

тов. председат. *М. Алиев*,

секретарь *Мухетдинов*.

Как видно из этой резолюции, принятой на митинге, ничего антисоветского, контрреволюционного в ней не было.

Все же эта резолюция в верхушечной части русских коммунистов вызвала целую бурю. Этот вопрос был перенесен в ташкентскую парторганизацию. 4 августа созывается собрание, на котором ставится вопрос о неправильном действии Краевого комитета партии. Но так как не было достаточно ясно сказано, в чем именно заключаются неправильные действия Краевого комитета партии и кроме того основным виновником этого митинга и принятия указанной резолюции считали Кобозева, то было вынесено решение о том, что необходимо, чтобы на собрании присутствовал кто-либо из членов краевого Комитета партии и главным образом, чтобы присутствовал Кобозев, поэтому на 5 число было назначено вторичное собрание. На это собрание Кобозев также не явился, опасаясь того, что была угроза его ареста.

Ряд товарищей, в том числе председатель горкома партии тов. Беленко, воспользовавшись этим случаем, вместо правильного большевистского раз'яснения причин внесения такой резолюции в б. старом городе, а также правильного раз'яснения сущности поступившей радиограммы из Москвы, стали информировать совершенно ложно партийную организацию о том, что, якобы в старом городе на этом митинге были предложения, которые выражали явное недоверие русским, что на этом митинге предлагалось немедленно избрать новый состав Совета народных комиссаров и правительства Туркестанской республики, в который должны войти лица без различия по социальному происхождению и т. д.

В общем они освещали положение совершенно не верно.

Вопрос для жизни партийной организации был самый серьезный. Собрание продолжалось около пяти дней и в результате окончилось почти ничем. Большинство членов ташкентской парторганизации были совершенно не удовлетворены информацией Беленко.

ГЛАВА XIV

БОРЬБА НА ФРОНТАХ

Не смотря на такое положение в центральных органах, на фронтах Красная армия героически вела борьбу с белогвардейцами и одерживала победу. Так, например, с Закаспийского фронта была получена 6 июля следующая телеграмма:

«Наша доблестная Закаспийская армия сделала очень трудный поход на Каахка. Часть наших войск зашла в тыл противника и отрезала отступление.

Все что было у белогвардейцев в Каахка стало добычей нашей армии.

Взято в плен 500 человек. Военная добыча: три дальнобойных морских орудия, три легких скорострельных, одно горное, системы Гочкисса, 25 пулеметов, много всякого снаряжения, патроны, снаряды, винтовки, лошади, повозки и др.

В девяти эшелонах захвачено 200 товарных и 50 классных вагонов с паровозами на парах.

Остатки неприятеля разбегаются в степь и в горы. Наша кавалерия их успешно преследует.

Фронт асхабцев оголен, ликвидация фронта неизбежна.

Начальник Штаба Закаспийского фронта *Попов*».

В то время как на Закаспийском фронте мы одержади победу, на Актюбинском фронте мы получили поражение благодаря следующим двум причинам. Первая причина заключалась в ошибке командования (командовал тогда Колузаев). Послав одну часть около 800 человек, в наступление, он допустил, огромный отрыв ее от главных сил, что казаки зашли ей в тыл. В результате 800 бойцов были взяты в плен, причем, как рассказывали очевидцы, из этого количества было около 400 человек венгерцев, которые казаками почти поголовно были изрублены.

Одновременно казаки пошли в наступление на остальные наши части, которые, благодаря большой потере передовой части, отступили к Челкару, а потом и к Аральскому морю.

Вторая причина—это провокационная работа командира Кустанайского полка Жиляева, который хотел посредством провокации, захватить командование Аральско-Актюбинским фронтом в своим руки для того, чтобы после этого, договорившись с генералом Беловым, командовавшим белогвардейскими частями, наступавшими на нас со стороны Челкара, сдать Аральское море и двинуться на Ташкент. Но это ему не удалось. Он был

разоблачен и расстрелян. Эти два факта так ослабили наши силы, что нужно было действительно очень сильное подкрепление людьми и снарядами, чтобы дать отпор противнику.

Поэтому командованием (командующим тогда уже был тов. Бригадзе, а политическим комиссаром—тов. Казарин, оба большевики) были приняты все меры, чтобы спасти положение.

В конце июля приехал Казарин, — комиссар Актюбинского фронта и доложил о его состоянии. Положение было тяжелое: патронов нет. После Жиляевской авантюры части еще не оправились. Решено было послать подкрепление из коммунистов и красных инструкторов ленинской военной школы и обратиться к населению, чтоб, у кого есть патроны, несли их в назначенное место. На второй день нанесли действительно сотни тысяч патронов. На третий день утром в Александровском парке было собрание коммунистов. После краткой речи тов. Казарина выделилось 200 человек. Тут же был назначен комиссар роты, командир и взводные, и в 5 час. вечера красный батальон инструкторов-ленинцев с оружием в руках был уже в сборе, погрузился и ждал сигнала для отправления на Аральский фронт.

Был дан сигнал к посадке и 3-й коммунистической роте. Наконец, горнист дает сигнал, и первый эшелон с ленинцами двинулся под звуки „Интернационала“ и могучего „ура“. Через 15 минут опять сигнал — двинулись еще 250 коммунистов. Звуки „Интернационала“ покрываются криками „ура“. Почти до самого разъезда поезд идет тихо, рядом идут остающиеся рабочие и их жены, и вместе с отъезжающим продолжают петь „Интернационал“, „Смело-товарищи в ногу“. слышны шутки крики: „Смотрите ребята, не подкачайте!“ В ответ слышно звучное: Не подкачем!“ „Смотрите, не допустите осиповщины!“

На самом деле Ташкент был здорово оголен. Все, что было здорового, активного, ушло на фронты, членов партии из всей ташкентской организации на фронте было до 75 проц. На вторые сутки мы прибыли на станцию Аральское море, выгрузились из вагонов и расположились в отведенном месте. Мне как комиссару 3-й коммунистической роты, было поручено дать задание коммунарам, чтобы разошлись по полкам и выяснили настроение красноармейцев, а также провели бы агитационную работу, так как через день было назначено наступление. Нужно было поднять дух красноармейцев. На утро коммунисты разошлись по частям. В результате выяснилось, что настроение красноармейцев бодрое, все чувствовали, что в ближайшие дни должны будут выступить.

В этот же день перешел к нам со стороны белых один солдат, который сообщил, что среди солдат 1-го Туркестанского полка, который стоит на передовых позициях, брожение и, что солдаты собираются перебить офицеров и перейти на сторону

красных. И действительно, на второй день разведчики сообщили, что пешком по полотну железной дороги двигается полк. Это, как вскоре было установлено, был 1-й Туркестанский полк, который шел сдаваться. Была подготовлена встреча. В этом полку часть была рабочих с Урала, Уфы и других мест, насильно мобилизованных Колчаком. Дали им отдохнуть, вымыться в Аральском море и отправили в Ташкент.

Кроме Туркестанского полка сдался еще ряд частей. Эти события последних дней настолько подняли дух и бодрость, что все бойцы рвались в бой, была одна мысль — разбить остатки белой армии Белова и соединиться с Центром, тем более, что нам было уже известно, что Красная армия забрала Оренбург и быстро двигается к Актюбинску.

Этот энтузиазм и желание во что бы то ни стало и как можно скорее соединиться с центральными частями Красной армии, а через нее с российским пролетариатом, целиком отражало наше командование. Приведу в подтверждение сказанного мною посланную в Ташкент телеграмму:

„Красная армия Северо-восточного фронта шлет сердечный привет Красному Ташкенту оказавшему Красной армии реальную и моральную поддержку в нужный момент решительного боя.

Одержав под Аральском блестящую победу, подготовившись к решительному наступлению, двумя отрядами мы сегодня (7 сентября) без пролития крови с той и другой стороны и без выстрела одержали над обнаглевшим врагом решительную победу.

За 2 дня к нам перешел целиком 42-й Троицкий пехотный полк в количестве 1200 чел., железнодорожный батальон в кол. 131 чел. с 4 офицерами и командой телеграфной связи. Пехотный полк перешел с полным вооружением — трехлинейными винтовками, ручными гранатами и с пулеметными замками. Полк привез с собой 2000 патронов. Железнодорожный батальон перешел с инвентарем и материалами. Команда телеграфной связи перешла с телеграфными и телефонными аппаратами и кабелями. Во время начавшегося перехода к нам 42-го Троицкого полка оставшиеся офицеры в количестве 70 чел. пытались нагрузить обоз и полковой инвентарь, но наша кавалерия стремительной атакой отбила обоз в количестве 20 подвод, 2 походных кухонь, офицерство бежало на станцию Саксаульскую. Находившаяся в Кунту казачья кавалерия 1-го линейного полка, в четыре сотни, тоже бежала в сторону Челкара, категорически заявила офицерству, что они продолжать войну больше не будут, оставшиеся в Саксаульской части 1-го и 2-го Пластунских полков тоже категорически отказываются воевать, это говорит за то, что противник разложен. Растерянное офицерство стремится бежать. Одна часть—на Иргиз, другая — через Чалкар на Гурьев (на устье Урала у Каспийского моря). Красная армия Северовосточного фронта свой долг перед пролетариатом исполнила и дове-

дет свое дело до конца. Час соединения армии Туркестана с армией Центра близок. Войска Центра уже заняли Эмбу, как сообщают четыре перебежавших офицера.

Ура! Ура! Ура!

Вперед, к светлому мирному будущему!

Да здравствует всемирная республика советов!

Председатель реввоенсовета северного фронта *Бригадзе.*

Командующий фронтом *Коновалов.*

Политический комиссар *Казарин.*

В этот же день было дано распоряжение погрузиться в вагоны и двигаться в наступление, но ночью нам пришлось возвратиться обратно, так как в головном эшелоне произошел разрыв и если бы машинист сзади едущего поезда не заметил этого во-время, было бы перебито много красноармейцев. На второй день погрузились опять в поезд. Нам пришлось проехать от Аральска всего лишь одну станцию. Доехав до раз'езда, мы остановились, так как оказалось, что дальше полотно железной дороги разобрано, а посланная вперед разведка донесла, что полотно разобрано километров на 50 и белых в Саксаульской нет. При наступлении утра было решено отдохнуть часа 2, выгрузиться из вагонов и пройти пешком пока сзади рабочие будут восстанавливать путь. И вот, под палящими лучами солнца, по песчаной пустыне двумя колоннами двинулись вперед. Сделав маленький привал в Саксаульской, пошли дальше. Некоторые товарищи не послушали бывших не раз в походах и свои фляги с водой быстро выпили. Жара была неимоверная, во рту сохло, губы трескались, воды взять было негде, кругом один песок. Пришлось несколько раз предупреждать, чтобы хранили воду.

Наступила ночь которая смягчила тяжелые переживания. За день мы сделали километров 35. Стало известно, что белые со штабом находятся от места нашей стоянки километрах в сорока, на станции Тугуз, и не надеясь, что мы сможем так скоро продвинуться, особо глубоких разведок не делали. Отдохнув несколько часов и немного соснув, двинулись дальше. Километрах в 10—12 от Тугуза под вечер сделали привал. За это время рабочие восстановили путь и мосты, и когда стемнело, подошли поезда.

После небольшой передышки было дано распоряжение построить колонны в боевом порядке и двинуться вперед. Колонны были построены в следующем порядке: правый фланг занял красный батальон в составе двух рот, инструктора—ленинцы и 3-я коммунистическая рота с одним орудием. С левого фланга—коммунистический полк и два орудия и в центре—полк интернационалистов (венгерцы), 2 орудия, два эскадрона кавалерии, один из них туркменский. В тыл противника был послан подрывной отряд кавалеристов, в задачу которого входило взорвать

полотно железной дороги. Колонны были построены полукругом. Стоянка у нас была под горкой, на которую до рассвета мы должны были взобраться. От горки до Тугуза оставалось километра 3—4. Решено было, когда будет взорвано полотно, двинуться быстро в бой и окружить Тугуз.

Была дана команда. Соблюдая абсолютную тишину, быстрым маршем мы двинулись вперед. Было часа 4 утра, начало рассветать, мы уже были на горке, остановились минуты на 3 передохнуть и двинулись дальше. Минут через 15 после этого раздался взрыв—наше орудие, у которого наводчиком был старик Беспалов (токарь) из Красновосточных мастерских, он дал первый орудийный выстрел—недолет, второй—перелет, а третий попал прямо в гущу вагонов. Секунда—две—тишина, потом появляется громаднейший клубок дыма и сильнейший взрыв, снаряд попал в вагоны, где, как потом оказалось, были снаряды и патроны, которые и начали взрываться.

Минут 15 со стороны противника была тишина, но потом начали сыпаться снаряд за снарядом, которые попадали очень близко, но почему-то не разрывались, кроме трех, разорвавшихся на далеком расстоянии. Тут же начали сыпать из винтовок и пулеметов. Была дана команда „бегом". Через некоторое время мы увидели, как быстро удаляется паровоз с двумя вагонами и спустя несколько минут—взрыв. Оказалось, что наши подрывники плохо взорли полотно и это дало возможность штабу, во главе с командующим и всем офицерским составом около 300 человек, быстро сменить рельсы, проскочить взорванный мост и уйти быстрым ходом в Челкар, захватив с собою по пути находившиеся на следующей станции разорванные части, состоявшие тоже почти из одних офицеров. Наши трофеи, кроме сдавшихся раньше, и не успевших уехать со штабом Белова,— несколько орудий, пулеметы, 3 или 4 вагона английских винтовок, снаряды продовольствие и английское обмундирование.

Быстро восстановив мост, мы погрузились и направились в Челкар. Часов через пять были уже там, но пока восстанавливали мост, грузились прошло часов 10, и когда прибыли в Челкар, то Белов, погрузив на автомашины и на лошадей остатки своей армии, направился в сторону Семиречья.

Так закончился Актюбинский фронт, начавшийся фактически в декабре 1917 года и окончившийся 13 сентября 1919 г.

13 сентября впервые был нами встречен в Челкаре первый поезд из головного отряда Красной армии, разбившего в Актюбинске громадную колчаковскую армию. Все наши части выстроились, при подходе поезда был дан салют со всех орудий, и мощным криком „ура" и „Интернационалом" мы встретили российский пролетариат и нашу великую Красную армию.

Многие не выдержали, от радости покатились из глаз слезы. Ведь, на самом деле почти больше двух лет мы жили взаперти, окруженные со всех сторон, отбивались от наседавших врагов и от все больше и больше увеличивающегося басмачества.

Мы верили в то, что на выручку рано или поздно придет российский рабочий класс, что при его поддержке и вместе с ним мы разобьем еще недобитого врага на Закаспийском фронте. Наконец эта помощь пришла.

С таким же успехом, как и на Актюбинском фронте, продвигалась Красная армия и на Закаспийском фронте, беря пункт, за пунктом тесня противника все больше и больше, прижимая его к Каспийскому морю. Во главе командования был тов. Паскуцкий, который многое сделал для укрепления боеспособности Красной армии на Закаспийском фронте.

Но трудности, встречающиеся на пути, были невероятно тяжелые. Ведь от ст. Учаджи почти до Красноводска, около 1000 верст пришлось проходить по пескам, где нет воды, частично горами, местами тоже лишенными растительности и воды. Белые же, отступая, все жгли и разрушали и в первую очередь разрушали водопровод. Но, несмотря на это одновременно с разгромом нашей Красной армией Колчака—на Самаро-Оренбургском фронте, Деникина—на Украине и Кавказе, ликвидируется усилиями рабочих и Красной армии также фронт Аральский 13 сентября 1919 г. и Закаспийский—в первых числах февраля 1920 г.

Дальнейший разгром белой армии был закончен с помощью прибывших из центра частей Красной армии. В Туркестанский край была назначена первая армия. Командующим фронтом был назначен тов. Фрунзе. Эта армия помогла бухарскому пролетариату и дехканству свергнуть эмира и установить советскую власть.

В то время, когда Красная армия добивала белую армию на всех фронтах, а коммунисты на фронте воодушевляя красноармейцев свой беззаветной преданностью партии и рабочему классу, в Ташкенте среди руководящих партийных товарищей, главным образом между Казаковым и Кобозевым, внутрипартийная борьба не прекращалась и настолько обострилась, что ЦК КП(б) Турк. вынужден был в сентябре созвать Краевой с'езд партии (сезд был открыт 12 сентября).

Весь с'езд прошел главным образом вокруг обсуждения действий Кобозева. Дело дошло до того, что тов. Кобозев был арестован домашним арестом без ведома с'езда и несколько дней не являлся на с'езд. Он обвинялся в том, что якобы он пытался организовать государственный переворот и созвать учредительное собрание.

Конечно такое обвинение было по меньшей мере абсурдным. Корни разногласий были одни и те же — это обсуждение в старом городе известного радио из Москвы о пропорциональном представительстве мусульман.

Таким образом, явно великодержавное отношение группы коммунистов к этому вопросу, влияние на них мелкобуржуазной идеологии из бывших левых эсеров, в частности Успенского, приводило даже к таким методам борьбы, как это было в августе в период дисскусии по вопросу полученного

радио из Москвы. Тов. Казаков попытался заручиться поддержкой от партколлектива и помимо районного комитета, через его голову поставил вопрос о действиях Кобозева. Об этом было сообщено по телефону в райком. Было это в 12 часов дня. Во время обеденного перерыва я, будучи тогда председателем райкома партии, потребовал немедленно закрыть заседание коллектива и притти в райком, где и будет обсужден весь вопрос в целом. Мне пытались возразить, предлагая всему райкому притти в мастерские. Тогда я подтвердил свое прежнее предложение. Собрание было закрыто и вопрос был обсужден на райкоме, а по вопросу Кобозева было предложено прекратить склоку, и работу проводить в соответствии с указаниями центра.

С другой стороны, тов. Кобозев с недостаточной четкостью и ясностью ставил все вопросы и, в частности, опирался в своей борьбе на нездоровые элементы из коренных национальностей.

Это запутывало все принципиальные вопросы и приводило к таким плачевным результатам, какие были на третьем с'езде. Они же повторились и на четвертом. Несмотря на то, что мы уже имели достаточно указаний от ЦК РКП(б) в частности от тов. Ленина и Сталина, а также решение 8-го партийного с'езда РКП(б) как по общим вопросам, так в особенности по национальному, только с приездом Туркомиссии и с получением письма тов. Ленина начинается новый исторический этап развития и строительства как Туркестанской коммунистической партии, так и советского строительства в Средней Азии. Это письмо нашего вождя и учителя партии и рабочего класса должен знать каждый коммунист, каждый комсомолец, ибо, повторяю, оно положило начало нового этапа развернутой борьбы за осуществление проведения в жизнь подлинной ленинской национальной политики партии в Средней Азии.

Привожу письмо Ленина целиком.

Письмо Ленина к коммунистам Туркестана.

„Товарищи! позвольте мне обратиться к вам не в качестве председателя Совнаркома и Совета обороны, а в качестве члена партии. Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для РСФСР значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое. Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам. Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана, доказать им делами искренность нашего желания, искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и британским во главе его; с величайшим доверием отнестись к нашей туркестанской комиссии, строго соблюсти ее директивы, преподанные ей в свою очередь от

ВЦИК именно в этом духе. Я был бы очень благодарен если бы вы мне ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу".

С коммунистическим приветом *В. Ульянов (Ленин)*.

Конец 1919 г.
«Правда», № 25,
1 февр. 1924 г. (Ленин, соч. т. XX, ч. II, стр. 359, изд. I)

Развитие тех же по существу положений содержится и в решении ВЦИК от 3/X—1919 г., подписанном Лениным. Привожу это решение.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

3 октября 1919 г.

Принимая во внимание:

1. Что с победой Красной армии устанавливается связь Красного Туркестана с остальной советской Россией—этим очагам мировой революции и обеспечивается тесный союз трудящихся масс России с народами Туркестана

2. Что этот союз является залогом полного уничтожения в Туркестане всех остатков Российского империализма и оплотом против всяческих попыток иностранных угнетателей.

3. Что самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляет основу всей политики советского правительства России и служит руководящим началом во всей работе ее органов, и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России. Всероссийский Центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и Совет народных комиссаров, РСФСР п о с т а н о в л я ю т:

Назначить комиссию по делам Туркестана в составе тт. Ш. З. Элиава — председатель комиссии, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Ф. Голощекина и Н. Э. Рудзутака, которые уполномачиваются представлять ВЦИК, Совет Народных комиссаров действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных к ним государств и способствовать проведению в жизнь начал изложенных в п. 3 настоящего постановления.

Подписали:

За председателя ВЦИК *Л. Каменев*

Пред. Сов. народ. комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*.

Секретарь ВЦИК *В. Авнесов*.

Приводя эти документы, необходимо сказать что они имеют громаднейшее политическое значение. После получения их произошли серьезные изменения в нашем отношении к основным национальностям. Тем не менее и после их получения великодержавно-шовинистические шатания среди некоторой части членов Туркестанской партийной организации не прекратились. и изживались в процессе упорной борьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая свои воспоминания, я кратко остановлюсь на тех достижениях, которые мы получили в результате жесточайшей классовой вооруженной борьбы за Октябрь, в дальнейшем перешедшей в борьбу за мирное строительство социализма.

В процессе этой борьбы мы неоднократно допускали большие ошибки, но в основном вопросе большевизма, в борьбе за диктатуру пролетариата наша коммунистическая партия Туркестана вела совершенно правильную большевистскую, ленинскую линию. Именно правильность нашей линии в основном вопросе борьбы за диктатуру пролетариата *дала нам возможность исправить* наши ошибки в ряде других вопросов. Именно правильность нашей линии в последовательной борьбе за диктатуру пролетариата *дала нам возможность* выйти победителями из длительной жесточайшей борьбы, довести до конца дело революции. Шестнадцать лет существующая в Средней Азии советская власть есть вещественное доказательство того, что туркестанские большевики, несмотря на все свои ошибки, были большевиками.

С приездом Туркомиссии начался новый исторический этап. Товарищи Элиава, Куйбышев, Рудзутак, Фрунзе и ряд других прибывших из центра после окончательной ликвидации Оренбургского фронта, в своих докладах рассказали нам о том новом, чего мы здесь еще не знали, чего мы еще не понимали.

Началась перестройка парторганизации. Начались выдвигаться новые кадры. Это особенно ярко сказалось в выдвижении национальных кадров.

Конечно, некоторая часть этих новых кадров, выдвинутых в период 1920—1922 гг. в дальнейшем отошла от непосредственной руководящей работы. Совершенно ушли из партий или были вычищены явно чуждые, буржуазные, контрреволюционные, националистические элементы. Одновременно с этим из партии были вычищены великодержавно-шовинистические элементы.

Наряду с этим стали выдвигаться свежие молодые силы, которые с развитием и организацией советской власти, с ростом хозяйств Средней Азии большевизировались, борясь за генеральную линию партии против троцкизма, против правых оппортунистов, в борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма.

Теперь, когда прошло 16 лет, когда мы подытоживаем наши достижения, сравнивая с тем, что было 16 лет тому назад, мы видим, во-первых, мощную партийную организацию, в которой мы имеем огромное количество прекрасных бойцов, пришедших в партию из среды местной бедноты, батрачества и рабочих. Мы видим громадные достижения в области увеличения пролетарских рабочих кадров на производстве, на транспорте, в промышленности. Сейчас мы имеем более 50% рабочих из основных коренных национальностей.

Мы имеем громаднейшие достижения в области расширения промышленных предприятий, угольных копей, нефтяных промыслов, транспорта; мы имеем новые металлургические предприятия. Мы имеем большие достижения в области сельского хозяйства. Помимо и наряду с громадными достижениями в борьбе за хлопок мы имеем большие достижения в деле перестройки самого сельского хозяйства на началах коллективизации.

Немалые успехи мы имеем также и на фронте здравоохранения. Если раньше в кишлаках и аулах вовсе не было больниц и на целый уезд приходился один врач, который обслуживал преимущественно городское население, а в кишлаки медперсонал и не заглядывал, то теперь в каждом городе мы имеем больницы. В больших поселениях также имеются больницы и медпункты.

По линии культурно-просветительной работы пока мы не достигли еще стопроцентной ликвидации неграмотности, но все же по сравнению с тем, что было в период господства российских колонизаторов, когда грамотных было всего лишь 5%, мы имеет громаднейшие достижения. Теперь больше 50% населения Средней Азии грамотно. Школьной сетью охвачено до 80% населения детского возраста. Мы имеем десятки вузов, университеты, рабфаки. И что самое важное, в этих вузах и втузах мы имеем больше 50% учащихся из основных национальностей.

Таким образом, жертвы, понесенные рабочим классом, беднейшим крестьянством и рабоче-крестьянской Красной армией в период гражданской войны и в последующие годы в борьбе со всевозможными врагами революции не пропали даром.

В настоящее время мы достраиваем социалистическое общество, ликвидируем последние остатки эксплоататорских классов, завершаем борьбу за построение полного экономического и культурного равенства национальностей.

Несомненно, впереди еще будут большие трудности, но при дружной работе нашей партии и всего рабочего класса, эти трудности будут так же изжиты как были изжиты те трудности, которые стояли перед нами в момент Октября и в период гражданской войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие		3
Глава I.	Положение рабочего класса	5
Глава II.	Революционное движение 1905—1912 гг. в Средней Азии	14
Глава III.	На революционном под'еме	26
Глава IV.	Февральская революция	34
Глава V.	Нарастание активности рабочих масс	49
Глава VI.	Сентябрьские события	58
Глава VII.	Октябрьская революция	74
Глава VIII.	Борьба с контрреволюцией	79
Глава IX.	Борьба с мелкобуржуазными партиями	88
Глава X.	Внутрипартийное положение	97
Глава XI.	Январские события	106
Глава XII.	Ликвидация партии левых эсеров	113
Глава XIII.	Разрешение национального вопроса	128
Глава XIV.	Борьба на фронтах	138
Заключение		146

ИЛ
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

СРЕДНЕАРТИЗДАТ

Наблюд. за изданием П. Алексеенков.
Технический редактор [illegible] Соколобов.

Сдано в производство 16/III—34 г.
Подписано к печати 11/VI—34 г.
Формат бумаги 62×94 1/16 об'ем 9 1/4 п.л. 45,000 зн. в п.л. Тир. 6000
Узлит 34.

Типо-литография «Правда Востока», зак. № 607.

Цена 2 руб.